Inv 301 1.– 5–

P.o. russ 637

Fiche

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ГНѢДИЧА.

9.33
77144016

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ГНѢДИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1832.

БИБЛІОТ. КН. АЛЕКСАНДР НИКОЛ. ГОЛИЦЫНА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. Маія 29 дня 1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Къ Моимъ Стихамъ . Стран.
Рожденіе Гомера . 1.
. 9.
Сиракузянки, или Праздникъ Адониса, Идиллія Өеокрита 37.
Рыбаки, Идиллія .
. 59.

ЛИРИЧЕСКІЯ, ДИДАКТИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Провидѣнію .
. 83.
Арфа Давида (изъ Байрона) 86.
Къ Другу . 88.
Къ нему же . 90.
Пріютино . 91.
Для Розоваго Павильона въ Павловскѣ 104.
Екатеринѣ Павловнѣ, Королевѣ Виртембергской 105.
Приношеніе Екатеринѣ Павловнѣ, покойной Королевѣ Виртембергской .
Осень . 107.
Дума . 109.
Перуанецъ къ Испанцу . 112.
Мильтонъ, сѣтующій на свою слѣпоту 115.
Къ И. А. Крылову . 118.
Скоротечность юности . 121.
Къ К. Н. Батюшкову . 124.
Дружба, къ нему же . 129.
. 134.
На Французскія Революціонные знамена въ Казанскомъ Соборѣ . 136.
Тарентинская дѣва (Изъ Анд. Шенье) 138.
Кузнечикъ (изъ Анакреона) 140.
Сѣтованіе Өетиды на гробѣ Ахиллеса 141.
Танталъ и Сизифъ въ Адѣ, (изъ Одиссеи Гомеровой) 145.
Къ Морфею . 147.
Задумчивость . 149.
На Смерть одной и рожденіе другой дочери Г. 153.

Послѣдняя пѣснь Оссіана . 157.
На гробѣ Матери . 164.
На Смерть дочери покойной сестры 167.
Дума . 169.
Къ П. А. Плетневу . 170.
Иностранцамъ гостямъ моимъ 176.
Семеновой, бывшей Актрисѣ Трагической 179.
Военный гимнъ Грековъ . 182.
Мелодія (изъ Байрона) . 184.
На Смерть Барона Дельвига 185.
Къ Нему же, при погребеніи 186.
Къ А. С. Пушкину . 187.
Басни: Медвѣдь . 191.
Басни: Снигирь . 193.
Басни: Псарь и медвѣдь . 197.

СМѢСЬ.

На Смерть Графа А. С. Строганова 203.
На Смерть Графа А. П. Строганова —
Надпись къ гробу Суворова 204.
Надпись къ гробу Кантемира —
На Смерть ***. 205.
Надпись на гробѣ П. Ю. Быковскаго —
Эпиграмма: Помѣщикъ Балабанъ 206.
Бѣда . —
Къ П — ой . 207.
Къ *** требовавшей экземпляра Сочиненій Батюшкова —
Къ А. А. О., при полученіи ею въ подарокъ вѣера Китайскаго. 208.
Въ Альбомъ Шимановской —
Къ Батюшкову, при подаркѣ ему бѣлой книги 209.
Дружба къ *** . 210.
Къ Кумѣ . 211.
М. Ѳ. Кокошкиной . 212.
Къ Генералу Захаржевскому 213.
Р. И. Сухованеповой, въ Альбомъ 214.

Къ И. А. Крылову . 215.
Анетѣ О. въ Альбомъ . 217.
День моего рожденія . 218.
Молитва дѣтей . 219.
Къ ***, Извиненіе . 220.
Чудо на Масленой недѣли 221.
Графу ***. 223.
Амбра . 224.
А. А. О. 225.
Къ *** , на полученіе Турецкаго кошелька 227.
Къ Кающейся грѣшницѣ . 228.
Что значитъ *любить* . 229.
Перстень . 231.

ПѢСНИ нынѣшнихъ Грековъ 233.
ТРАГЕДІЯ Танкредъ . 267.

КЪ МОИМЪ СТИХАМЪ.

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе отъ лѣтъ охладѣвшихъ,
Любовь не угаснула къ вамъ, о Стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые, можетъ быть, вовсе отверглабъ отъ сердца
Брюзгливая старость, и, кажется, что по заслугамъ:
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбію дани)
Спѣшу, о Стихи, васъ отъ грознаго спасть приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снизходительной Дружбы. —
И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ;

Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ,
какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ
волнуютъ;
То — нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня
въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется,
быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно
трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ
иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что съ юности нѣжной любовію къ Музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный
и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для
которыхъ
Душой торговалъ я; что бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я
чистымъ;

Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

Но ежели Дружба найдетъ въ моихъ пѣсняхъ нестройныхъ
Хоть слово для сердца, хоть стихъ, согрѣваемый чувствомъ;
Но ежели въ сихъ безъискуственныхъ звукахъ досуга
Услышитъ тотъ голосъ, сердечный языкъ тотъ всемірный,
Какимъ говоритъ къ намъ безсмертная матерь — Природа:
Быть можетъ, стихи мои, васъ я сберегъ не къ забвенью.

РОЖДЕНІЕ ГОМЕРА.

1816 года.

ПОСВЯЩЕНО

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ.

РОЖДЕНІЕ ГОМЕРА.

Съ тѣхъ дней, какъ въ Троѣ жизнь могучаго Пелида
Убійцей прервана предъ брачнымъ алтаремъ,
Прошли вѣка; но скорбь глубокую о немъ
Хранила въ сердцѣ матъ, безсмертная Ѳетида.

„Героевъ подвиги во гробѣ не умрутъ;
„Какъ холмы, гробы ихъ безсмертьемъ процвѣтутъ.
„Поэзія — глаголъ святаго вдохновенья,
„Доколѣ на землѣ могущественъ и святъ,
„Героямъ смерти нѣтъ, нѣтъ подвигамъ забвенья:
„Изъ вѣковыхъ гробовъ пѣвцы ихъ воскресятъ.

Такъ утѣшалъ Зевесъ печальную Ѳетиду,
Когда она, взошедъ въ высокій бога домъ,
Напомнила ему о знаменіи томъ,
Какимъ онъ утвердилъ безсмертіе Пелиду;
Такъ утѣшалъ онъ матъ. — Межъ тѣмъ, рука временъ

Дѣла полубоговъ съ лица земли стирала,
И самую Молву съ вѣками увлекала,
Хранительницу дѣлъ сихъ древности племенъ.
Съ тѣхъ дней, какъ палъ Пелидъ, два вѣка[1] протекали,
Но дѣлъ его пѣвцы отъ мрака не спасли;
Какъ эхо, пѣсни ихъ раждаясь, умирали;
Краснорѣчивый прахъ безмолствовалъ въ земли;
О славномъ воинѣ Ахейцамъ говорила
Одна, въ землѣ чужой, пустынная[2] могила.

Давно Пелида мать не видѣла при ней,
Какъ въ дни минувшіе, ни жертвъ ни алтарей;
Въ тѣ дни, когда храня завѣтъ боговъ священный,
Додоны вѣщими дубами прореченный:
Чтить Ахиллеса гробъ, отечеству святой:
Сыны Ѳессаліи ко брегу Иліона,
На поклоненіе могилѣ Пелеи̂она,
Въ урочный года срокъ, стекалися толпой.

Бывало, черными[3] одѣтый парусами
Корабль, съ дружиною, и хоромъ, и жрецами
Къ Троадѣ приплывалъ, и съ гимномъ гробовымъ
Въ пристанище входилъ подъ сумракомъ ночнымъ;
И въ жертву храброму на берегъ Иліона
Все несъ родимое съ земли его отцовъ,

Все Θессалійское: и пламень, и тельцовъ,
И воды Сперхія и кедры Пеліона.
И становилася могила олтаремъ;
Кругомъ пылалъ огонь, дымъ жертвъ курился тучный;
И сонмы юношей съ увѣнчаннымъ челомъ,
Сливали съ лирами свой голосъ сладкозвучный;
Другой сонмъ юношей, воинственныхъ, младыхъ,
Блистая красотой ихъ тѣлъ полунагихъ,
Лишь съ копьями въ рукахъ и мѣдными щитами,
Въ шеломахъ, конскими покрытыхъ волосами,
Сплетясь въ Ареевъ хоръ, плѣнительный очамъ,
И копьями звуча по звонкимъ ихъ щитамъ,
Вкругъ гроба пляскою воинственной летали,
И крикомъ страшнымъ тѣнь Ахилла вызывали.

Все смолкнуло; герой забытъ родной землей!
Въ развалинахъ его надгробныхъ алтарей
Вылъ вѣтръ; могилы же его уединенной
И пастырь убѣгалъ, молвою устрашенной.
Давно вокругъ нее лишь ужасъ обиталъ;
Не разъ, нарушивши молчаніе ночное,
Огромный Ахиллесъ изъ гроба возставалъ,
И грозный, ужасалъ созданіе живое,
Чтобъ память о своихъ заслугахъ и дѣлахъ
Вновь пробудить въ людскихъ умершую сердцахъ,

Все скрылось отъ земли, что Ахиллеса чтило.
Лишь сердце матери въ теченіи вѣковъ
Безсмертной, какъ сама, любви не измѣнило.
Мать, грусти вѣрная, забывъ обѣтъ небесъ,
Тотъ день, какъ сынъ ея погибъ стрѣлой Парида,
На вѣки обрекла для горести и слезъ,
Чтобъ участь мрачную оплакивать Пелида.
И каждый годъ въ сей день, въ тиши ночныхъ часовъ,
Изъ волнъ лазоревыхъ богиня выходила
Къ полямъ, гдѣ бытія Пелидова слѣдовъ
Десница времени еще не истребила;
Гдѣ Ксанѳъ и Симоисъ, прахъ Трои, рядъ могилъ,
И каждый камень ей о сынѣ говорилъ.
Тамъ, надъ могилою заглохлой и пустынной,
Но гордою еще всѣхъ высшею главой,
Чернѣвшей издали надъ пѣнною пучиной,
Ѳетида каждый годъ являлась въ часъ ночной. —
Съ богиней скорбь дѣля, и сестры Нереиды
Бросали каждый годъ Нерея влажный домъ;
И выходя изъ волнъ, вкругъ горестной Ѳетиды
Садились сѣтовать на холмѣ гробовомъ.
И, то безмолвныя грустили вкругъ богини;
То, вторя плачущей стенаніемъ своимъ,
Смущали тишину и ночи и пустыни,
И плачъ ихъ вѣтромъ былъ далеко разносимъ.

Далеко слыша ихъ, смолкала Филомела;
Недвижно Цинтія на горестныхъ смотрѣла,
И слезы тихія задумчиво лила.
Такъ пѣснь ихъ жалобна, такъ сладостна была.

„О милыя сестры, о дщери Нерея!
Къ нимъ часто Ѳетида вопила стеня:
„Любви не извѣдавъ, не знавъ Гименея,
„Стократно вы дѣвы, счастливѣй меня!
„Невѣдома грусть вамъ быть матерью сына,
„И все съ нимъ единственнымъ въ мірѣ терять.
„На бѣдство богиня, на горе я мать!
„И нѣтъ мнѣ отрады, какую судьбина
„Послала для смертныхъ нечастныхъ сердецъ,
„Найти хоть въ могилѣ — печалей конецъ!

Такъ годы протекли, такъ вѣки миновали;
Ѳетидѣ данныхъ клятвъ не исполнялъ Зевесъ:
Вѣка не унесли Ѳетидиной печали;
Она отчаялась и въ промыслѣ небесъ.
И нѣкогда, въ сей день, для плача посвященной,
Одна, безъ Нереидъ, возникла изъ зыбей,
И на сыновній гробъ возсѣвъ уединенной,
Душой предавшися всей горести своей,
Мечтаній полная о незабвенномъ сынѣ,
Мать повѣряла тамъ печаль свою пустынѣ. —

Глубокой наконецъ тоской омрачена,
Взроптала на свое безсмертіе она;
Мечтая прекратить жизнь для нее постылу,
Ударилась въ тоскѣ объ черную могилу;
И голосъ съ высоты богини грянулъ въ слухъ:

„Возстань, Нерея дочь, и укрѣпи твой духъ:
„Послѣднимъ былъ сей день, печали посвященный.

Ѳетида возстаетъ; и, взоръ поднявъ смущенный,
Зритъ бога надъ собой метающаго громъ,
Сходящаго къ землѣ на облакѣ златомъ.

Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмая,
Мать бросилась предъ нимъ, стопы обнять пылая;
Но мрачныхъ думъ еще и горести полна:
„Кроніонъ!... наконецъ воскликнула она,
„Или плачевный стонъ тоски моей глубокой
„Достигъ уже твоей обители высокой?...
„Или надъ матерью ты сжалился Зевесъ?

Рекла, и вновь упавъ къ ногамъ царя небесъ,
Рукой его стопы священныя обьяла.

„О малодушная, вѣщалъ ей Эгіохъ:
„Ты ль мыслила, что я забыть героя могъ?

„Ты ль вѣчности моихъ завѣтовъ не познала?
„Забыла ль, что я самъ, поклявшися главой,
„Не въ силахъ возвратить сей клятвы роковой?
„Но есть еще Судьбы: законъ ихъ довременной
„Отвесть иль упредить — нѣтъ власти во вселенной.
„Сіи Судьбы виной, что черезъ столько лѣтъ
„Еще не совершенъ священный мой обѣтъ,
„Что блескъ безсмертныхъ дѣлъ — мракъ сокрываетъ гробный,
„Что въ пѣсняхъ не воскресъ твой сынъ богоподобный.
„Но наконецъ Судебъ исполнился законъ,
„И вдохновеннаго свершилося рожденье:
„Изъ праха гласъ его подыметъ Иліонъ;
„Онъ давнобытное, погрузшее въ забвенье,
„Все въ образахъ живыхъ Элладѣ возвратитъ;
„Въ нихъ зашумятъ моря, возстанутъ грады, горы,
„Вкругъ Трои загремятъ кровавой брани споры,
„И царства цѣлыя онъ въ пѣснь свою вмѣститъ.
„Глава поэта — міръ; въ ней все, земля и небо;
„И все животворитъ онъ, вдохновенный Фебомъ.
„Возстань, гряди со мной, увѣруешь ты вновь,
„Что не преложенъ ввѣкъ глаголъ царя боговъ.

Молча, на облако возсѣла мать Пелида;
И, тучъ гонителя велѣніемъ Кронида,
Взвилось оно, какъ вихрь, къ эѳирнымъ высотамъ;
Какъ вихрь, перенеслось къ Ахейскимъ островамъ;
Спустилось на холмы счастливаго Іоса,
Межъ благовонныхъ древъ и пышнаго лотоса.
И шествовать Зевсъ веля богинѣ съ нимъ,
Но взорамъ чадъ земныхъ желая быть незримъ,
Сквозь рощу яворовъ, на злачный холмъ пологой
Грядетъ невидимый съ богиней среброногой.

Тогда въ полдневный путь вступалъ Гиперіонъ,
И отъ его лица твердь знойная пылала;
И томная земля какъ будто въ сладкій сонъ
И воды и поля и воздухъ призывала;
И, будто чувствуя присутствіе боговъ,
Невидимости ихъ природа измѣнила,
И жертву имъ неся, дыханіе цвѣтовъ,
Благоуханіемъ весь воздухъ растворила.

Величественный Зевсъ съ холмовъ свой путь склонялъ.
Тамъ, при покатѣ ихъ, стоитъ уединенный,
Кругомъ бросая тѣнь, высокій лавръ священный;
При корнѣ ключь шумитъ, прозрачный, какъ кристалъ.

Подъ пышнымъ лавромъ тѣмъ сидитъ жена младая;
У ногъ ея лежитъ младенецъ на цвѣтахъ,
Прелестный, радостный, съ улыбкой на устахъ,
Цвѣтами съ дѣтскою безпечностью играя.
Недавно первенецъ, казалося, рожденъ;
И мать казалася отъ бѣдныхъ смертныхъ женъ:
Убогой ризою она была покрыта,
Но красотой цвѣла, какъ юная Харита.
Къ груди своей главой поникнувши она,
Сномъ амврозическимъ была окружена;
Дитя рѣзвилося въ цвѣтистой колыбели. —
И вдругъ Ѳетида зритъ: на лаврѣ девять птицъ
Явилися, какъ снѣгъ, блестящихъ голубицъ,
И съ лавра низлетѣвъ, кругомъ младенца сѣли;
И тихо порхая, одна во слѣдъ другой,
Младенца дивнаго, казалося, лобзали,
Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли.
За ними пчелъ златыхъ явясь, веселый рой,
И по цвѣтамъ кружась, влеченьемъ непонятнымъ
Неслись къ его устамъ съ ихъ медомъ ароматнымъ.
Вдругъ, съ высоты небесъ на лавръ спустясь орелъ,
Надъ колыбелію величественный сѣлъ,
Спокойно быстрый взоръ на солнце устремляя,
Которое текло въсредѣ небесъ пылая.
Младенецъ радостный, весельемъ трепеталъ,
Несмѣжно, какъ орелъ, на солнце самъ взиралъ;

И юный взоръ его горѣлъ, какъ огнь денницы,
И дѣтскій крикъ его, былъ стройный гласъ цѣвницы.

Зевесъ невидимый въ безмолвіи стоялъ;
Пелида мать чудясь, на отроча взирала,
И тихо, чуть дыша, Зевеса вопрошала:

„Кто, кто младенецъ сей, повѣдай, Эгіохъ?
„Не богъ ли свѣтлыхъ водъ, или небесный богъ
„Любовью посѣтилъ созданіе земное?
„Надъ чадомъ зрю небесъ я знаменье святое.

И Зевсъ ей: „надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ
„Почіетъ съ первыхъ дней божественный покровъ:
„Любимецъ ихъ — пѣвецъ могучаго Пелида.

„О милосердый Зевсъ!" воскликнула Өетида;
И тихо на дитя, невидимо припавъ,
И очи и уста лобзаніемъ покрыла,
И сладкими его слезами оросила.
За ней Отецъ боговъ къ рожденному представъ,
Младенца осѣнилъ божественной рукою;
И юная душа земнаго существа,
Почувствовавъ присутство божества,
Взыграла жизнію и радостью святою;
И свѣтло засіялъ прекрасною звѣздой
Огонь, языкъ души, надъ юною главой.

„Но кто же смертный сей, сынъ таинства священный?
„Кому твой промыслъ далъ сей жребій возвышенный?
„На сей ли онъ землѣ счастливой порожденъ,
„Отъ Нимфъ ли родшая, или отъ смертныхъ женъ?
„Не сынъ ли онъ царей, и отъ людей гоненья
„Сокрытъ въ пустынѣ сей подъ взоры Провидѣнья?
„Иль сынъ онъ пастыря счастливыхъ сихъ полей,
„За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
„Благословеннаго любовію твоей?
„Кто онъ? повѣдай, Зевсъ, пѣвца сего рожденье?

„Онъ сынъ возлюбленный природы и боговъ.
„Въ свои объятія, на лоно изъ цвѣтовъ
„Его отъ матери природа воспріяла;
„Небесныхъ и земныхъ исполнила даровъ:
„Уста амврозіей безсмертной напитала;
„Сихъ горлицъ простоту душѣ его дала,
„И силу гордую и быстрый взоръ орла;
„Да будетъ пѣснь его — то, сладостно журчащій
„Токъ тихій при лучахъ серебряной луны;
„То бурный водопадъ, съ нагорной вышины
„Волнами шумными далеко вкругъ гремящій. —
„Но, колыбель и гробъ Ахиллова пѣвца

„Есть тайна для земли: невѣдомо рожденный,
„И неразгаданный, подъ именемъ слѣпца
„Пройдетъ онъ по землѣ; таковъ законъ священный
„Судьбы; таинственный, какъ солнце онъ возникъ,
„Какъ солнце онъ умретъ въ лучахъ безсмертной
славы.

„Но, Кроновъ сынъ, Судьбы суровые уставы
„Не для Отца боговъ. — Ты мощенъ и великъ,
„Ты взоромъ цѣлый свѣтъ съ Олимпа обнимаешь;
„И таинствъ ли одной Судьбы не проникаешь?
— Такъ испытуемъ былъ Ѳетидой Царь громовъ.

„Ѳетида, мракъ Судьбы священъ и для боговъ,
Онъ ей отвѣтствовалъ: „и избранники неба,
„Пророки и жрецы, таинственники Феба,
„Очами тму временъ могущіе пронзать,
„Вотще о немъ дерзнутъ безсмертныхъ вопрошать:
„Предъ вѣчною Судьбой безмолствуютъ и боги.
„Законы сей Судьбы неумолимо - строги;
„Ихъ проницать и ты, Ѳетида, не дерзай;
„Кѣмъ смертный сей рожденъ, меня не вопрошай.
„Его удѣлъ тебѣ я возвѣстить желаю;
„Но открывать ему на вѣки воспрещаю:
„И горько смертному въ грядущемъ то познать,
„Чего нѣтъ силъ отвесть, ни средства избѣжать:

„Опредѣленія Судьбы неотразимы.

„Ахъ!.. мать Пелида рѣчь Зевеса прервала:
„Когда Судьба его на бѣдства обрекла,
„Да будутъ мной, о Зевсъ, всѣ дни его хранимы;
„Я спутница его до смертнаго конца.

„Мой промыслъ сохранитъ священнаго пѣвца.—
„Но удалимся, Зевсъ рекъ наконецъ богинѣ:
„Пѣвца Ахиллова о будущей судьбинѣ
„Тебѣ я прореку; но часть его познавъ,
„Пецысь о немъ богамъ Олимпа предоставь;
„Вотще за жизнь его душа твоя страшится;
„И власъ его главы моей рукой хранится.

Скончавъ, съ Ѳетидою грядетъ Отецъ боговъ,
Направивъ путь на холмъ, надъ моремъ возвышенный;
И тамъ онъ, уклонясь подъ вѣщій лѣсъ дубовъ,
Ему издревле здѣсь Провидцу посвященный,
И взоромъ времена обьемля до конца,
Такъ прорицалъ судьбу Ахиллова пѣвца.

„Когда во тмѣ временъ Ахеянъ дремлютъ грады,
„И въ мракъ погружены земныхъ сыновъ сердца,
„Среди глубокаго безмолвія Геллады
„Раздастся дивный гласъ убогаго слѣпца.
„Слѣпецъ, въ дни юности очей своихъ лишенный,
„Очами разума пронзитъ онъ небеса;
„Обьиметъ весь Олимпъ, пространство всей все-
ленной,
„И міра горняго проникнувъ чудеса,
„Узритъ въ лице боговъ, домъ славы ихъ чудесный,
„Бесѣды чистыхъ Музъ и радость ихъ пировъ;
„И первый на землю сведя языкъ небесный,
„Безсмертно воспоетъ героевъ и боговъ;
„И пѣснью славы міръ наполнивъ безконечной,
„Гелладу сотворитъ землею славы вѣчной. —

„Во дни, какъ въ плѣнъ рабы падетъ сія страна,
„Въ ней будетъ вѣтръ шептать героевъ имена;
„Ихъ тѣни населятъ лѣса, долины, горы;
„И тотъ, чья будетъ грудь любовію полна

„Ко славѣ, обратитъ къ странѣ священной взоры,
„Гдѣ вольность въ первый разъ зажжетъ людей
сердца,
„Гдѣ столько за нее безсмертныхъ грянетъ боевъ;
„И возбужденный онъ примѣрами героевъ,
„И пѣснью пламенной Ахиллова пѣвца,
„Дерзнетъ на варваровъ за Греціи народы;
„И полетитъ — мечемъ имъ добывать свободы!

„Но нынѣ, тмой временъ покрытыя сердца,
„Еще небеснаго душой не постигая,
„Въ отчизнѣ не почтутъ священнаго пѣвца;
„И будетъ онъ слѣпецъ скитаться въ край изъ
края,
„Водимый бѣдностью за трапезы царей,
„Единой спутницей его печальныхъ дней.
„И бѣдность мудрому во благо обратится.
„Влачась изъ края въ край всевидящій слѣпецъ,
„Онъ глубину людскихъ извѣдаетъ сердецъ;
„Дѣяній и вещей познаньемъ умудрится,
„И будетъ убѣжденъ онъ жизнію своей,
„Что бѣдность лучшее училище людей.
„И воспоетъ бѣды и странствія героя,
„Гдѣ опыты своей превратной жизни кроя,
„Примѣръ возвышенный оставитъ въ пѣсняхъ сихъ,
„Что мудрый человѣкъ превыше бѣдъ земныхъ. —

„Такъ двухъ героевъ онъ, любезныхъ мнѣ, про-
славитъ,
„И двухъ безсмертныхъ чадъ (4) потомству въ нихъ
оставитъ;
„И такъ исполнится его земной удѣлъ.
„Тогда его съ земли, съ лица юдоли тлѣнной,
„Пророка на Олимпъ восхититъ мой (5) орелъ;
„Гдѣ благовоніемъ небеснымъ умащенный,
„И въ жизнь нетлѣнную преображенный вновь,
„На пиръ безсмертія возсядетъ межъ боговъ,
„И съ нами раздѣлитъ отъ смертныхъ поклоненье.
„И сбудутся надъ нимъ безсмертныхъ словеса,
„Какими Пиѳію (6) исполнитъ вдохновенье:
„*Слѣпецъ, твой домъ — Олимпъ, отчизна — небеса!*

Умолкъ; и передъ нимъ душой благоговѣя,
Восторга полная, воззвала дочь Нерея:
„Любимца Зевсова благословенъ удѣлъ!
„Но, Зевсъ, прости ты мать, разсѣй мнѣ мракъ
сомнѣній:
„Ужели, какъ земный пѣвца сего предѣлъ,
„Толь мрачна и кратка судьба его твореній?
„Не погребетъ ли Кронъ и ихъ всеобщей тмой,
„Какъ преждебывшія поэтовъ пѣснопѣнья?
„Невѣрной памятью хранимыя одной,
„Иль бренной хартіей, добычей быстрой тлѣнья,

„Погибнуть, можетъ быть, священныя творенья?

„Не гибнетъ слово Музъ, вѣщалъ Отецъ боговъ:
„Какъ безконечна высь блистательнаго неба,
„Таковъ удѣлъ земной святыхъ внушеній Феба.
„Но должно зрѣть ряды безчисленныхъ вѣковъ,
„Ряды имущихъ быть и царствъ и поколѣній,
„Чтобъ славу созерцать безсмертныхъ пѣснопѣній.
„Взирай, грядущія отверзу времена,
„И быть имущія страны и племена. —

Онъ рекъ; и мрачная съ временъ завѣса пала;
Къ событіямъ ихъ мать взоръ жадный приковала;
И зритъ:

Гомера пѣснь, во мракѣ двухъ вѣковъ,
Въ началѣ тайное наслѣдіе пѣвцовъ,
Убогихъ, какъ онъ самъ, питомцевъ Музъ смиренныхъ,
Едва приноситъ имъ крупицы современныхъ.
Но, извлеченную изъ тмы рукой царей,
Вдругъ пѣснь его, изъ устъ скитавшихся людей,
Уста Оракуловъ принять соизволяютъ,
И боги языкомъ Гомеровымъ вѣщаютъ.
Тогда Ѳетида зритъ, сколь славенъ рокъ пѣвца!
За неизвѣстнаго, безроднаго слѣпца,

Семь спорятъ городовъ [7], готовые сражаться,
Всѣ, гордые пѣвца отечествомъ назваться.
Скиталецъ онъ, родной невѣдомый землей,
Сталъ другомъ мудрецовъ, сопутникомъ царей;
Наставники людей въ немъ ищутъ просвѣщенья,
Герои образца, поэты вдохновенья,
И всѣ, признавъ его *источникомъ умовъ*,
Имъ возвышаются къ познанію боговъ.
И бога человѣкъ невидѣвшій очами,
Но наученъ постичь возвышеннымъ пѣвцомъ,
Величье Зевсово одушевилъ [8] рѣзцомъ,
И дышетъ въ марморѣ блистающій громами! —
Вся Древность наконецъ признавъ въ немъ существо,
Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
Торжественно почла и храмомъ и кумиромъ.

Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зрѣла мать,
Испытывалась пѣснь Гомеровыхъ твореній;
И положилъ тогда временъ священный Геній
На свитокъ пѣсней сихъ безсмертія печать.
Тогда и самый Кронъ изъ тмы и разрушенья,
Изъ праха мертвыхъ царствъ и стертыхъ имъ градовъ
Повсюду исторгалъ Гомера пѣснопѣнья;
Чтобъ даръ божественный, на пользу всѣхъ вѣковъ,

Отъ мрачной древности, отъ странъ иноплеменныхъ,
Достигъ до новыхъ странъ, до царствъ невозрожденныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
Кромѣ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣпца,
Дивясь Пелида мать, срѣтала въ каждомъ вѣкѣ
Безмолвіе о семъ чудесномъ человѣкѣ,
Сокрытомъ отъ людей покровомъ роковымъ.
И тщетно Греція, наполненная имъ,
Взносила громкій гласъ во всѣхъ градахъ цвѣтущихъ:
„Кто сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ,
„Который, какъ перунъ, тму времени разсѣкъ?
„Который, какъ гигантъ, на раменахъ могущихъ
„Всю славу Греціи подъялъ изъ тмы временъ?
И тщетно странники рожденныхъ вновь племенъ
Стекались на брега разрушенной Геллады,
Чтобъ вопрошать о немъ пустыни, камни, грады,
Чтобъ вызвать тѣнь пѣвца изъ вѣковыхъ гробовъ;
Никто не находилъ земныхъ его слѣдовъ!
Подобно божествамъ, отъ смертныхъ сокровеннымъ,
Судьба сокрыла тмой Ахиллова пѣвца:
Его возвышеннымъ, твореньямъ вдохновеннымъ
Дивится вся земля, не вѣдая творца.

Но на лицѣ земномъ нѣтъ славы несомнѣнной.
Не скрылся и Гомеръ отъ зависти людей.
Немолчной славою, гремящей по вселенной,
Онъ гордость уязвилъ и сильныхъ и царей.
И между тѣмъ, какъ месть изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
Свѣтъ коей первому врагу его отмстилъ;
(Свѣтъ имя самое завистнаго Зоила
Въ обиду и позоръ повсюду обратилъ)
Тирана древности узрѣла дочь Нерея,
Который низкою враждою пламенѣя,
Что нищій славою царей переживалъ,
Пѣвца священный ликъ, безумецъ(9), поругалъ.
Такъ древле видѣли въ Египтѣ воды Нила,
Какъ черные сыны пустынныхъ ихъ бреговъ
Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругалися боговъ,
Надъ ликомъ блещущимъ всемірнаго свѣтила.
Но злоба тщетная! безумный гнѣвъ людей!
Межъ тѣмъ, какъ варвары бѣснуясь въ сонмѣ дикомъ,
Пронзали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ;
Царь свѣта, шествовалъ блистательной стезей,
И волны проливалъ своихъ лучей священныхъ
На мрачную толпу ругателей презрѣнныхъ!

Но что? вдали временъ, въ дни позднихъ тѣхъ вѣковъ,
Какъ пала Греція подъ судъ иноплеменныхъ,

Въ странахъ, свѣтильникомъ Геллады озаренныхъ,
Богиня новыхъ зритъ пѣвца сего враговъ.
Послѣ трехъ тысячь лѣтъ, хвалу о немъ гремѣвшихъ,
Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ толпой,
Богатыхъ завистью, но духомъ обѣднѣвшихъ:
Гомера слава имъ представилась мечтой,
Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрнымъ;
И заблужденіемъ гордясь неимовѣрнымъ,
Они безсмертное наслѣдіе пѣвца
Терзаютъ, и дѣлятъ межъ многими пѣвцами. —
Другіе, въ областяхъ прославленныхъ умами,
И кто? служители священнаго слѣпца,
Тѣ, кои пріобщась всей мудрости Востока,
Постигли таинства Ахейскаго пророка,
Мечтанье древнее извлекшіе изъ тмы,
Оружье ветхое (10) лжемудрецовъ забвенныхъ,
Имъ помрачить хотятъ свѣтъ истинъ несомнѣнныхъ;
И предъ толпой ища прославить ихъ умы,
Сіи жрецы его, изъ глубины чертога,
Гдѣ съ славою ему служили столько лѣтъ,
Дерзаютъ отвергать существованье бога,
Котораго познать они учили свѣтъ,
Дерзаютъ.... Не стерпѣвъ ихъ дерзости Ѳетида,
„О вѣка стыдъ! рекла, о разума обида!

„Зевесъ, и не казнишь ты Фебовыхъ враговъ?

„Отринь Өетида страхъ, прервалъ Отецъ боговъ:
„Какъ перваго врага священныхъ пѣснопѣній,
„Самъ Фебъ казнитъ ихъ всѣхъ; симъ ложнымъ мудрецамъ
„Не дастъ онъ чувствовать чистѣйшихъ наслажденій,
„Прекраснѣйшихъ изъ благъ, какія пѣсней Геній
„Даруетъ на землѣ возвышеннымъ сердцамъ.
„Но отъ клеветъ людей, отъ злобы и хуленья
„Сильнѣе всѣхъ творца творенье защититъ;
„Взирай, грядущее откроетъ убѣжденья.

И дочь Нереева въ видѣньи новомъ зритъ,
Что на развалинахъ, на прахѣ Иліона,
Въ пустыняхъ, симъ пѣвцомъ прославленной земли,
Его поборники оружія нашли,
Чтобъ правду защитить и славу Аполлона.
Тамъ камни самые, Ахилла видитъ мать,
Тамъ гробы начали глаголы издавать
За бытіе творца и истину творенья.

Такъ созерцая лѣтъ потомственныхъ явленья,
Богиня наконецъ въ мерцаніи временъ
Судьбу Гомера зритъ подъ небомъ той державы,

Гдѣ узнаетъ Славянъ, потомковъ гордыхъ Славы,
Безсмертной матери воинственныхъ племенъ,
Племенъ, еще во тмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
Являющихъ ряды великихъ человѣковъ,
И мощныхъ Витязей и доблестныхъ Царей;
И видя ихъ дѣла, мечтаетъ мать Ахилла,
Что вновь Земля сыновъ — титановъ породила
И навела ихъ гнѣвъ на Греческихъ мужей.
Подъ гордый Грековъ градъ племенъ сихъ предводитель
На зыбкихъ ладіяхъ примчавшись по волнамъ,
Византію потрясъ и, Грековъ побѣдитель,
Побѣды знакъ — свой щитъ — прибилъ къ ея (11) вратамъ.

Но скрылъ Отецъ боговъ тѣ вѣки сей державы,
Когда Нерея дочь межъ храбрыхъ сихъ племенъ
Дивиться лишь могла дѣламъ ихъ бранной славы;
И бытія отверзъ счастливѣйшихъ временъ.
Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Ѳетиды изумленной
Блистательнѣйшій вѣкъ страны преображенной;
Тотъ вѣкъ — какъ Царь ея, любимый сынъ небесъ,
Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
И міръ склонивъ къ стопамъ (12), его душей плѣненный,
Наукъ божественныхъ, прямыхъ къ добру вождей,

Свѣтъ чистый разливалъ надъ отческой землей,
Высокихъ истинъ самъ ревнитель просвѣщенный.
Въ сей вѣкъ блистательный, подъ небомъ сихъ
племенъ,
Гомерову судьбу раскрылъ Отецъ временъ.
И свѣтлыя кругомъ свои вращая очи,
Зритъ матъ Ахиллова, что и сыны Полночи,
Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца,
И духъ возвысивши Поэзіей священной,
Плѣнялись пѣснями Поэзіи отца.
Съ восторгомъ зритъ она, что въ камняхъ оживленной
Стоитъ у нихъ почтенъ Гомера древній ликъ
Вельможъ въ домахъ — какъ мужъ, достойный удивленья,
И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ Геній вдохновенья,
Но что? въ блистательныхъ чертогахъ ихъ Владыкъ,
Въ сокровищницѣ ихъ — вдругъ познаетъ Ѳетида
Знакомый образъ ей, ликъ(13) милаго Пелида,
Блестящій въ марморѣ предъ взорами Царей!
И въ тотъ же мигъ узрѣвъ Царей свой слухъ
склонившихъ
На робкій гласъ пѣвцовъ, Гомера пѣснь вторившихъ,
Матъ — въ полной радости, не находя рѣчей,
Бросается въ слезахъ обнять стопы Зевеса......
И опустилася грядущаго завѣса.

И Зевсъ уже отецъ на свѣтлыхъ облакахъ,
Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
Парилъ надъ темною дубравой откровеній.

„Ѳетида, онъ вѣщалъ: довольноль убѣжденій,
„Что сына Кронова невозвратимъ обѣтъ?
„Онъ совершается; и будетъ полонъ свѣтъ
„Гомера пѣснями и славою Ахилла.

Мать, сыномъ гордая, рѣчей не находила;
И руки лишь воздѣвъ съ мольбой къ Царю боговъ,
Котораго чело еще изъ тучъ сіяло,
Она въ пучину волнъ низверглася съ бреговъ,
И подъ богинею все море заиграло.

ПРИМѢЧАНІЯ:

(1) Гомеръ родился въ исходѣ втораго вѣка послѣ войны Троянской.

(2) Могила, донынѣ извѣстная подъ названіемъ гроба Ахиллесова, находится на берегу Геллеспонта.

(3) Это не вымыселъ. Ѳессалійцы, соотечественники Ахиллеса, по свидѣтельству Греческихъ писателей, въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ взятія Трои, ежегодно плавали въ Троаду, чтобы, по повелѣнію оракула Додонскаго, чествовать гробъ Ахиллеса, и совершали какъ самое путешествіе, такъ и поминовеніе Герою на гробѣ его, по *обряду*, тѣмъ же оракуломъ заповѣданному. По сему обряду, корабль съ воинами, жрецами и проч., отправлявшійся въ Троаду, долженствовалъ быть съ парусами *черными*, *nigris* velis sublatis; въ пристань, при пѣніи гимновъ, входилъ *ночью*; для жертвоприношенія привозилъ огонь изъ Ѳессаліи, дрова съ горы Пеліона, воду изъ Сперхія, и проч. Обо всемъ этомъ, такъ же о пляскахъ, пѣніи на гробѣ Ахиллеса и проч., можно читать *сокращенно* у Страбона: Lib. XIII; а *пространно* у Philostrat: Vita Apollon. Lib. IV, Cap. XI, и Cap. XVI; тамъ же Heroic. Cap. 19.

(4) Иліаду и Одиссею.

(5) Такъ изображался древними апоѳеозъ Гомера: орелъ на хребтѣ своемъ возноситъ его на небо.

(6) Всѣ оракулы объ Гомерѣ находятся въ его жизнеописаніи у Плутарха.

(7) Споръ объ родинѣ Гомера, по свидѣтельству Римскаго писателя Варона, вели слѣдующіе города: Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламины, Хіо, Аргосъ, Аѳины.

(8) Знаменитую статую Зевса Олимпійскаго, величественнѣйшее изображеніе Отца боговъ, какое произвела рука человѣка, Фидіасъ образовалъ, какъ самъ сознавался, по идеямъ Гомера. „Когда я читаю Гомера, говорилъ великій художникъ, люди представляются мнѣ въ двое большими".

(9) Римскій Императоръ Калигула оплевалъ бюстъ Гомера и велѣлъ выбросить изъ чертоговъ.

(10) Не многимъ, можетъ быть, извѣстно, что всѣ писатели нашихъ временъ, противники общаго мнѣнія о существованіи Гомера, начиная отъ Италіянца Вико до Германца Вольфа, и даже Англичанина Бріана, (который между прочимъ доказывалъ, что никогда не существовало ни царства Троянскаго, ни города Трои, ни ополченія на нее Грековъ), не многимъ извѣстно, что писатели сіи, мужи впрочемъ весьма ученые, выдавая такія мнѣнія, ничего не выдали, ничего не сказали *новаго:* это мнѣнія *старыя,* принадлежащія Софистамъ школы Александрійской и порожденныя такимъ же духомъ скептицизма тогдашней Философіи и Словесности Греческой, какъ теперь господствуетъ въ Европѣ. — Сей Скептицизмъ нашего времени поднялъ изъ мрака гипотезы Софистовъ Александрійскихъ, дабы ввести *въ сомнѣніе* то, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый свѣтъ древній. Но сомнѣніе далеко еще отъ истины.

(11) Олегъ.

(12) Императоръ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ.

(13) Древній бюстъ Ахиллеса находится въ Эрмитажѣ.

СИРАКУЗЯНКИ,

или

ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ.

Поэзія Идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ Литтературахъ Европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *Поэзіи пастушеской*; опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столькоже не основательныя мнѣнія, что Поэзія пастушеская (т. е. Идилліи и Эклоги), въ Словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ и проч. и проч.

Идиллія Грековъ, по самому значенію слова (*), есть *видъ, картина*, или то, что мы называемъ, *сцена;* но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ Идилліи Θеокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ Поэзіи, служилъ образцемъ для всѣхъ народовъ Запа-

(*) *Εἰδύλλιον*, происходитъ отъ εἶδος, *видъ*, и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

да. — Хотя не онъ началъ обрабатывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. — Занявъ для Идиллій своихъ формы изъ *Милъ*, сценическихъ представленій, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержаній; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобы пышности Двора Александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей Сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей Идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженостію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни Греки умѣли быть вмѣстѣ

и естественными и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по своему перепначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностію, простоту — изысканностію. У Римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій; но не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Өеокрита; пастухи его большею частію ораторы. Калпурній и другіе изъ Римлянъ подражали Виргилію, не природѣ.

Въ Литтературахъ новѣйшихъ временъ, особенно въ Италіанской, когда всѣ роды Поэзіи были испытаны, являлось множество Идиллій, посредѣ народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О Французахъ и говорить нѣчего. Геснеръ, котораго много читали при Дворѣ Людовика XV, такъ же не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ Идилліи ввелъ Миѳологію Греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: Нимфы, Фавны, Сатиры для насъ умерли, и не могутъ показаться въ Поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода. — Такимъ образомъ Өеокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ,

къ которому всякой разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сихъ поръ одни поэты Германскіе, намъ современные, хорошо поняли Θеокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель, произвели Идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованія. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи Идиллической, *болѣе* нежели всякой другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни *близкихъ* къ природѣ, могутъ быть предметами сей Поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

Гдѣ, если не въ Россіи, *болѣе* состояній людей, которыхъ нравы, обычаи, жизнь, такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, Русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣніи, какъ Греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и проч.; но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей? — А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій,

нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго, и своей, Русской природы? — Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные суть живыя Идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ. — Какъ умѣлъ Өеокритъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, напримѣръ, *Праздникъ Адониса*, какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сію я перевесть осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка Греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе, познакомить сколько нибудь читателей, незнающихъ по-гречески, съ однимъ изъ необыкновенно оригинальныхъ произведеній поэта древняго, которое болѣе другихъ его Идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ Литературахъ Идиллія такъ же существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Өеокриту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе сей Идилліи:

Сиракузянки, съ семействами ихъ, пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть Праздникъ Адониса, идутъ во Дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

Въ такой рамѣ, по видимому, тѣсной, чего не заключается? Образъ *жизни*, нравы семейныя, обычаи народные, военные, дѣла царствованія Птолемеева, обряды религіи, великолѣпіе ея празднествъ, все тутъ видимо, *и* все въ живомъ дѣйствіи, не въ *холодномъ* описаніи. — Такова *Идиллія* Древнихъ, или, лучше сказать, таковъ геній Ѳеокрита.

СИРАКУЗЯНКИ,

или

ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ.

Лица: ГОРГО, ПРАКСИНОЯ, Сиракузянки; ЭВНОЯ, ЭВТИХИДА, ихъ служанки; Старуха, Незнакомецъ первой, Незнакомецъ второй.

Горго.

Дома, иль нѣтъ Праксиноя?

Эвноя.

Ахъ, Горго, какъ поздно ты.... дома.

Пракс.

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя;

Брось и подушку.

Гор.

Спасибо; ахъ, какъ хорошо!

Пракс.

Ну, сиди же.

Гор.

Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спас-
ласся,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четвёрокъ,
народу!
Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь — безъ конца! Далекò ты, мой другъ,
поселилась.

Пракс.

Это все онъ, дуралей: (*мужъ*) на краю мнѣ свѣта
здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою
въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй
мой всегдашній!..

Гор.

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про
мужа,
Въ слухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя
онъ уставилъ.

Пракс. (къ дитяти)

Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой
милой!

Гор. (въ сторону)

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ: (въ слухъ) Твой
тятя прекрасенъ!

Пракс.

Этотъ тятя — вчера (я вчерашнимъ всѣ дни называю):
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры;
Что же принесъ онъ мнѣ?... соли, — въ тринадцать локтей мужичина!

Гор.

Тоже сдѣлалъ, точь въ точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ!
Далъ семъ драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну гадость! —
Но, надѣвай же ты платье, и плащь твой съ застежками новый;
Время; пойдемъ-ка въ палаты Царя-богача, Птолемея,
Видѣть Адониса Праздникъ; я слышу, Царица готовитъ
Много прекраснаго.

Пракс.

Дивно ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты жъ, что увидишь, раскавывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Гор.

Время однако отправиться: *празднымъ всякой день праздникъ.*

Пракс.

Эвно, воды ключевой, и поставь по срединѣ; скорѣежъ;

Ахъ ты нѣженка!... *спать спокойно хотятъ ужъ и кошки.*

Двигайся жъ, мигомъ воды; вода всего мнѣ нужнѣе.

Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай; безтолковая, тише

На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!

Полно. — Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась. —

Ключь отъ шкатулки большой? поскорѣе сама принеси мнѣ.

Гор.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье

Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

Пракс.

Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,

Или и двѣ; объ работѣ молчу; приложила всю душу.

Гор.

Вышло за то по желанію.

Пракс.

Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ. — (къ ребенку) А дитя не возму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ.....
Плачь сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калекой.
Горго, идемъ. — Ну возми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты. —
Боги, какая толпа!.... не ужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель. Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны Египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры....
Милая Горго.... что съ нами будетъ? воины сзади,

Конники царскіе скачутъ Другъ мой, меня ты задавишь!...

Спалъ на дыбы его рыжій!... онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!...

Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?... убьетъ этотъ конь человѣка!

Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

Гор.

Ну, ободрись, Праксиноя! теперь позади мы всѣхъ конныхъ;

Строй ихъ пошелъ на площадь.

Пракс.

Теперь, я мой другъ, оживаю.

Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся

Съ самаго дѣтства. — Пойдемъ, приближаются волны народа.

Гор. (къ старухѣ, идущей на встрѣчу.)

Ты изъ Дворца, моя матушка?

Старуха.

Да, мои дѣти.

Гор.

Легколи

Будетъ войти намъ?

Стар.

Съ попыткою въ Трою вошли Аргивяне:

Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Гор.

Слышишь? старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.

Пракс.

Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

Гор.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

Пракс.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихи́ды, Эвно̀я,
Руку возми, и держися ее, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися же насъ ты, Эвно̀я.
Ахъ, я несчастная.... платье мое ужъ разорвано, Го̀рго,
Точно разорвано!.. (къ Незнакомцу) Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ,
Доброй мой человѣкъ, я прошу, охраняй мое платье.

Незнаком. 1-ой

Здѣсь я не властенъ; но буду стараться....

Пракс.

Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.

Незнаком. 1-ой.

Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ

Пракс.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!

Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!....

Давятъ, Эвноя! впередъ, несчастная.... силой ломися;

Славно! — *всѣ дома*: какъ тотъ говоритъ, кто жену молодую,

Введши въ свой домъ, запираетъ. (*)

Гор.

Здѣсь остановимся прежде,

Здѣсь, Праксиноя, на эти мы тканія прежде посмотримъ:

Какъ они тонки, прекрасны! творенiе божiе, скажешь.

Пракс.

Дѣва Аѳина! какiя работали ихъ мастерицы?

Кто живописецъ, чертившiй прекрасные эти рисунки?

Точно, какъ будто стоятъ, и какъ будто движутся люди!

(*) Свадебный обрядъ.

Это живое, не тканое! — Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же, о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ,
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

Незнаком. 2-ой.

Вы перестанете ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
Горлицы... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно!

Гор.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай, ты Сиракузянкамъ развѣ указщикъ?
Мы Сиракузянки, да, чтобы зналъ ты, Коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ. Нашъ выговоръ Пелопонезскій;
Но, говорить по-дорически, чаю, Доріянкамъ можно.

Пракс.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая, (*) насъ отъ владыки другаго;

(*) Эпитетъ Прозерпины.

Есть онъ одинъ. — На тебя не смотрю, и въ обиду не дамся
Даромъ...

Гор.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она приступаетъ.

Аргивянка (поетъ)

О, Владычица Голгоса, ты, что Идалію любишь,
Холмный Эриксъ посѣщаешь, Киприда, играюща златомъ!
Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ бреговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія Горы,
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ,
Горы, всегда приносящія что либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи, Киприда могучая, ты Беренисѣ,
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,

Въ перси жены земнородной амврозію капая неба.
Днесь, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ
множествѣ храмовъ,
Дочь Беренисы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекрас-
нымъ.
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви
приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчай-
шаго, блещетъ
Въ сребряныхъ кошахъ, и Сиріи муро въ злашыхъ
алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены
готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя тра-
вы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣт-
лымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь, передъ
гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ ане-
ѳомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эро-
ты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ куд-
рявымъ

Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ, и слоновая кость, изъ васъ образованъ
Быстрый орелъ, виночерпца младаго Крониду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность:
Скажетъ про нихъ восхищенный Милѣтянинъ, или Самосецъ.
Вотъ уготованы два, одинаково - пышныя ложа;
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлорукій Адонисъ,
Юный, супругъ девятьнадцати-лѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.

Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія,
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье:

„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону:
„Доля, какой ни единый земный полубогъ не сподобленъ;

„Ни Агамѐмнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой
Теламонидъ,
„Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ достопочтимѣйшій Гекторъ,
„Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
„Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиѳы, или Девкалиды,
„Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги.
„Милостивъ будь намъ, Адо̀нисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
„Нынѣ пришелъ ты, Адо̀нисъ, и паки придешь намъ любезенъ!

Го̀рго

Ахъ, Праксино̀я, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ! —
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ:
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адо̀нисъ, прости! возвратися опять намъ на радость.

РЫБАКИ,

ИДИЛЛІЯ.

РЫБАКИ,

ИДИЛЛІЯ.

(1821)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы;
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыселъ вмѣстѣ пришли земляки на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ товарищи нужду и трудъ раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой сви-
рѣли. —

Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновенье
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загарается лѣтній,
И все на землѣ воскресаетъ для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны
тонуло;
Иль въ ясныя ночи, когда онъ смотря, дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба:
Въ такія минуты тѣснились въ грудь юноши чув-
ства;
И онъ изливалъ ихъ въ простыхъ, безъискуствен-
ныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на
вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной сви-
рѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не
вѣдалъ. —
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:

Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій работая началъ бесѣду:

Рыбакъ стар.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милой, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ млад.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыбакъ стар.

Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?

Рыбакъ млад.

Доброе имя!

Рыбакъ стар.

И бѣдность.

Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,

Когда бъ не пришли на семью его черные годы.

Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыбакъ млад.

А кто же помогъ намъ? и кто на дорогу снабдилъ насъ,

Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.

Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;

Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

Рыбакъ стар.

Такъ что же, товарищъ!

Ты хочешь отцовскій наслѣдственный промыселъ кинуть?

Но промыселъ рыбный есть промыселъ чистый и честный:

Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;

Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный;

Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.

Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?

Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома, при
стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ; что скажетъ и мать, какъ
услышитъ?

Рыбакъ млад.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Свое ремесло я люблю, и его не чуждаюсь;
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталан-
ливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ
приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣль-
ныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;
Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью
гуляя,
Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи ста-
рецъ,
Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ Руских могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,

Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ,
И зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни, изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираяся, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?

Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшать.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома издѣтства; ее не боюся.
Покол ѣжъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыбакъ стар.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь; рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша прибыль.

*

Рыбакъ млад.

Что правда, то правда; но день вѣдь еще не окон-
ченъ,
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу; о! ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ;
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на лодку, беру я и сѣти и уды....

Рыбакъ стар.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыбакъ млад.

Разстаюсь ли я съ нею?

Рыбакъ стар.

Худое предвѣстье!

Рыбакъ млад.

Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечетъ и
вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
„Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука!"
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце;
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ, солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ, слiясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залили рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспых-
нулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на
землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сiяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
Какъ будто Денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. — Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Слiянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,

Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ
видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Какъ будто бы новое видятъ беззвѣздное небо,
На коемъ покоится незаходимый свѣтъ солнца;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть; на Невскія тундры
Роса опустилась; а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ
Нева ни колыхнетъ; свѣтла и спокойна, какъ небо;
Разъѣхались всѣ городскіе веселые гости. —
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раз-
дается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни, протяжный, про-
мчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется.
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря старца.
Котелъ у огнища стоитъ уже снятый съ тренога:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха ужъ остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;

Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ сребłоводной.
Но скучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гла-
домъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать
думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златис-
тымъ;
Лишь началъ уху; черезъ край, призадумавшись, про-
лилъ
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ, и лишь руку для крестнаго знаменья под-
нялъ,
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотворилъ онъ
не къ ястѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный:

Рыбакъ млад.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай вы-
гружаться.

Рыбакъ стар.

Люби тебя Богъ, наважденный свирѣльникъ не-
счастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасть до полночи? Я, Богъ знаетъ, что пе-
редумалъ.

Рыбакъ млад.

А что же ты думалъ?

Рыбакъ стар.

Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ
телѣги;
И гдѣ разъѣжалъ ты? свѣтло, всѣ окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты, поддѣпляли не разъ Водяные;
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса?... Здорово! дай руку, товарищъ!

Рыбакъ млад.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не
солгала.
Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

Рыбакъ стар.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ, признавайся;

Разсказывай все.... Но на челнѣ, какъ видится,

неводъ?

Ты невода не бралъ?

Рыбакъ млад.

О неводѣ послѣ, товарищъ!

А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

Рыбакъ стар.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?

Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бо-

яринъ

Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!

Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;

А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣп-

ляетъ!

На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вы-

велъ!

Сознай ты ее, обьяви, чтобъ тебя не клепали;

Чужое добро не въ корысть.

Рыбакъ млад.

Не присвою чужаго:

И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ

Мои!

Рыбакъ стар.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

Рыбакъ млад.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

Рыбакъ стар.

Счастью?

Ума приложить не могу, и не знаю, какому?

Рыбакъ млад.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!

Рыбакъ стар.

Что?

Рыбакъ млад.

И за что бы купилъ я?

За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

Рыбакъ стар.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

Рыбакъ млад.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы

По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы! —
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ чолнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и въ правду, стадами метались.
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ потерялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подыгривать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.

„Не съ рыбой, съ свирѣлью!“ веселые вскрикнули слуги:
„Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.“

Рыбакъ стар.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

Рыбакъ млад.

Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ, и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ; и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ

Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
„Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
„Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
„Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
„Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
„Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
„Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
„Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!"
Зачемъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ сомною?
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости всѣ позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАР.

Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать. — Ну далѣ?

Рыбакъ млад.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
„Кто былъ твой учитель?“ измолвилъ онъ. —
Богъ, отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
„Играй, мнѣ примолвилъ, безъ Бога, какъ ты, не
играютъ.
„Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для
пѣсней?
„Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ чело-
вѣка.“
Нашъ промыселъ, молвилъ я, промыселъ чистый и
честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
„Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ;
„За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
„Ты жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на
трапезу.“

Рыбакъ стар.

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе пти-
цы!

Рыбакъ млад.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово:
Онъ, дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ по-
селяетъ,
То вѣрно не къ худу. — Молчишь ты, любезный!

Рыбакъ стар.

Усталъ я
Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыбакъ млад.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ

ЛИРИЧЕСКІЯ, ДИДАКТИЧЕСКІЯ

и другія

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПРОВИДѢНІЮ.

(1819)

Предъ Богомъ милости я сердце обнажилъ:
Онъ призрѣлъ на мое крушенье;
Уврачевалъ мой духъ и сердце укрѣпилъ;
Несчастныхъ любитъ Провидѣнье.

Уже я слышалъ крикъ враждебныхъ мнѣ сердецъ:
Погибни онъ во мракѣ гроба!
Но милосердый Богъ воззвалъ мнѣ какъ Отецъ:
„Хвала тебѣ презрѣнныхъ злоба!

„Друзья твои — льстецы, коварство — ихъ языкъ,
„Обманъ невинности смиренной;
„Тотъ, съ кѣмъ ты хлѣбъ дѣлилъ, бѣжитъ продать твой ликъ,
„Его коварствомъ очерненной.

*

„Но за тебя на нихъ возстановлю я судъ
„Необольстимаго потомства;
„И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
„Печати черной вѣроломства. —"

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой;

И что жъ? произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Увы! минутный гость я на земномъ пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонялъ ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ
Великолѣпную природу.
Хвала тебѣ, мой Богъ! ты жизнь мнѣ возвратилъ,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почій еще на мнѣ!
Страхъ тайный все еще со мною:
Отъ бури спасшійся пловецъ, и по землѣ
Ступаетъ робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть можетъ, вновь гроза ихъ взроетъ;
Синѣющійся брегъ вновь затуманитъ мглой,
И свѣтъ звѣзды моей сокроетъ.

О Провидѣніе! ты, ты мой зыбкій челнъ
Спасало бурями гонимой;
Не брось еще его, средь новыхъ жизни волнъ,
До пристани — уже мнѣ зримой.

АРФА ДАВИДА.

(1821)

Разорваны струны на Арфѣ забвенной
Царя-пѣснопѣвца, Владыки народовъ, любимца небесъ!
Нѣтъ болѣе Арфы, давно освященной
Сыновъ Іудейскихъ потоками слезъ!
О, сладостны струнъ ея были перуны!
Рыдайте, рыдайте! на Арфѣ Давида разорваны струны!

Гармоніей сладкой она проницала
Желѣзныя души, мѣдяныя груди суровыхъ людей;
Ни слуха, ни сердца она не встрѣчала,
Чтобъ ихъ не восхитить до звѣздныхъ полей
Чудеснымъ могуществомъ струннаго звона.
Священная Арфа Давида сильнѣе была его трона.

Въ слухъ міру Царя она славу гремѣла;
Величила въ пѣсняхъ могущество Бога, его чудеса;
Веселіемъ полнила грады и села,
И двигала горы и кедровъ лѣса;
Всѣ пѣсни ея къ небесамъ возвышались,
И тамъ, возлетѣвши, подъ скиніей Бога навѣки
остались.

Съ тѣхъ поръ на землѣ ихъ не слышно небесныхъ.
Но кроткая Вѣра еще восхищаетъ слухъ кроткихъ
сыновъ
Мелодіей сладкой тѣхъ звуковъ чудесныхъ:
Они, какъ отъ звѣздныхъ слетая круговъ,
Лелѣютъ ихъ души небесными снами,
Которыхъ не можетъ и солнце разрушить златыми
лучами.

КЪ ДРУГУ.

(1819)

Когда кругомъ меня все мрачно, грозно было,
И разумъ предо мной свой факелъ угашалъ;
Когда надежды лучь и блѣдной и унылой
На путь сомнительный едва мнѣ свѣтъ бросалъ;

Въ ночь мрачную души, и въ тайной съ сердцемъ брани,
Какъ равнодушные безъ боя вспять бѣгутъ;
А духомъ слабые, какъ трепетные лани,
Себя отчаянью слѣпому предаютъ;

Когда я вызванъ въ бой коварствомъ и судьбою,
И предало меня все въ жертву одного:
Ты, ты мнѣ былъ тогда единственной звѣздою,
И не затмился ты для сердца моего.

О, будь благословенъ отрадный лучь мнѣ вѣрный!
Какъ взоры ангела меня онъ озарялъ;
И часто, отъ очей грозой закрытый черной,
Сквозь мраки, сладкій свѣтъ, мнѣ пламенно сіялъ!

Хранитель мой! я все въ твоемъ обрѣлъ покровѣ!
Скажи жъ, умѣлъ ли я, какъ мужъ, стоять въ битвѣ?
О, больше силы, другъ, въ твоемъ единомъ словѣ,
Чѣмъ свѣта цѣлаго въ презрительной молвѣ!

Ты покровительнымъ былъ древомъ надо мною,
Что гибко зыбляся высокою главой,
Не сокрушается, и зеленью густою
Широко стелется надъ урной гробовой.

Гроза шумѣла вкругъ, все небо бушевало;
Шаталось дерево до матерова пня;
Но, некрушимое, съ любовью покрывало
Вѣтвями влажными безкровнаго меня.

Пускай любовь обѣтъ священный попираетъ;
Измѣной дружество не очернитъ себя.
И если вѣрный другъ взоръ неба привлекаетъ,
То небо наградитъ, и перваго тебя!

Все измѣнило мнѣ, ты устоялъ въ обѣтѣ.
О, если могъ твое я сердце сохранить,
Не все, еще не все я потерялъ на свѣтѣ;
Земля пустыней мнѣ еще не можетъ быть.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

(1819)

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

ПРІЮТИНО.

ПОСВЯЩЕНО

ЕЛИСАВЕТѢ МАРКОВНѢ

ОЛЕНИНОЙ.

ПРІЮТИНО.

(1820)

Еще я прихожу подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ
прежній,
Твою пріютную всегда любившій тѣнь.

Край милый, сколько разъ съ тобою я прощался;
Но какъ проститься съ тѣмъ, что въ насъ сли-
лось съ душой?
Все, чѣмъ я здѣсь дышалъ, чѣмъ въ тайнѣ наслаж-
дался,
Все неизгладимо вездѣ ношу съ собой!

Есть край, родной мнѣ край Зефировъ легкокрылыхъ;
Тамъ небо и земля и воздухъ мнѣ милѣй!
Но гдѣ людей найти, душѣ моей столь милыхъ?
Гдѣ столько сладостныхъ воспоминаній ей?

Здѣсь часто, удаленъ отъ городскаго шума,
Я сердцу тишины искалъ отъ жизни бурь;
И здѣсь, унылая моя свѣтлѣла дума,
Какъ неба лѣтняго спокойная лазурь.

Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
И спящее въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ
Я эхо сѣвера, вечернею порою,
Будилъ гармоніей Гомеровыхъ стиховъ.

Вамъ, дѣти тайные души моей свободной,
Вамъ, думы гордыя, здѣсь гласъ мой жизнь давалъ;
И пылкій юноша, ты, другъ мой благородной,
Мой слыша смѣлый стихъ, кипѣлъ и трепеталъ!

Но чаще сѣвъ я тамъ, подъ сосной говорливой,
Гдѣ съ нею шепчется задумчивый ручей,
Одинъ, уединенъ, въ часъ ночи молчаливой,
Бесѣды долгія велъ съ думою моей.

О! кто переходилъ путь бѣдствій и крушенья,
Тотъ знаетъ, отъ чего душа и дума въ насъ
Влечется въ тихія лѣсовъ уединенья,
Зачѣмъ полуночный, безмолвный любитъ часъ.

Такъ, здѣсь я не одинъ; здѣсь все, чѣмъ сердце дышитъ,
Надежды юности, сердечныя мечты,
Все видитъ въ образѣ, всего здѣсь голосъ слышитъ,
И ловитъ милаго воздушныя черты!

Уединеніе для сердца не пустыня:
Мечтами населитъ оно и дикій боръ;
И въ дебряхъ сводитъ съ нимъ Фантазія-богиня
Свиданья тайныя и тайный разговоръ.

Пустыня не предѣлъ для мысли окриленной:
Здѣсь я, невидимый, все вижу надъ землёй;
Воздушной жизни всей участникъ сокровенной
Дѣлюся бытіемъ, живу не самъ собой.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Душой сливаюся съ лазурью безконечной,
Съ златыми звѣздами, Поэзіей небесъ!
Съ тобой бесѣдую, Художникъ міра вѣчной!
И съ книгой дивною божественныхъ чудесъ!

Вотъ чѣмъ влекомъ опять подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Еще мою главу въ твою склоняю тѣнь.

Ты тотъ же все еще, край мирный и прелестный!
Свѣжи твои цвѣты, предѣлъ твой такъ же тихъ;
Безъ шума все течетъ потокъ твой неизвѣстный,
Какъ счастье скромное властителей твоихъ.

Но я уже не тотъ безпечный сынъ свободы,
Лелѣявшій мечты дубравъ твоихъ въ тиши.
Увы! не многіе, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Bayerische Staatsbibliothek München

Они затмили свѣтъ надеждъ, меня живившихъ,
Убили жизнь младыхъ и недоцвѣтшихъ лѣтъ.
Ударовъ роковыхъ, мнѣ міръ опустошившихъ,
На блѣдномъ я челѣ ношу глубокій слѣдъ.

Но, пищетнымъ ропотомъ я року не скучая,
Какъ грусть безсловная, грущу на единѣ;
Я слезы, предъ людьми души не унижая,
Скрылъ въ ихъ источникѣ, въ сердечной глубинѣ.

Долины мирныя, лѣсовъ уединенья!
Нѣтъ, я не прихожу покой вашъ возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Потокъ Пріютинскій, мнѣ дай его испить!

Вотъ здѣсь я, заключенъ зеленой сей стѣною,
Мой ограничу взоръ прудомъ недвижнымъ симъ:
Съ его спокойствіемъ сольюсь моей душою,
И обману печаль безчувствіемъ нѣмымъ.

*

Вотъ здѣсь семья березъ, нависшихъ надъ водами,
Меня безмолвіемъ и миромъ осѣнитъ;
Въ тѣни ихъ мавзолей подъ ельными вѣтвями,
Знакомый для души, краснорѣчивый видъ!

При немъ вся жизнь, какъ сонъ, съ мечтами убѣгаетъ,
И мысль покоится и сердце здѣсь молчитъ.
И дружба самая здѣсь слезъ не проливаетъ:
О храбромъ сожалѣть ей гордость запретитъ.

За честь отечества онъ отдалъ жизнь тирану,
И Рускимъ витязямъ онъ можетъ показать
Грудь съ сердцемъ вырваннымъ, прекраснѣйшую рану,
Его безсмертія кровавую печать! —

Но вечеръ наступилъ; вокругъ меня молчанье.
О, какъ торжественна ночная тишина!
И вотъ, и на лѣса и на холмы сіянье,
Поднявшись, полная разсыпала луна.

О лучь серебряный полночнаго свѣтила!
Что одинокій ты къ груди моей летишь?
Что за волшебная въ твоемъ блистаньи сила?
О лучь таинственный, ты что мнѣ говоришь?

Нисходишь ли съ высотъ, сіяніемъ прекраснымъ
Прекрасный свѣтъ иной землѣ предвозвѣщать?
Иль утѣшительный склоняешься къ несчастнымъ,
Надъ блѣднымъ ихъ челомъ надеждою сіять?

Твой свѣтъ въ меня ліетъ святое трепетанье!
Рѣзвѣй волнуетъ кровь вкругъ сердца моего!
О мертвомъ юношѣ родитъ воспоминанье!..
Небесный, кроткій лучь, ты не душа ль его?

Какъ гласомъ ближняго, какъ друга призываньемъ
Мой слухъ ласкается въ вечерней тишинѣ!
Мнѣ сердце говоритъ веселымъ трепетаньемъ,
Здѣсь есть невидимый, но кто-то близкій мнѣ.

О ты, на дружество мнѣ въ жизни руку давшій!
Я чувствую, ты здѣсь, небесъ незримый духъ:
О, видимъ ты душѣ, тебѣ неизмѣнявшей,
Не разъ являясь ей, какъ утѣшитель-другъ.

Такъ, если сбросивъ прахъ, духъ чистый избираетъ
Мѣста любезныя обителью своей,
Здѣсь, въ сихъ мѣстахъ давно духъ сына обитаетъ
Незримымъ геніемъ отеческихъ полей.

О гость Пріютинской обители смиренной!
За все, что въ ней найдешь для сердца твоего,
За все благодари душою умиленной
Благаго генія убѣжища сего.

И если здѣсь бродя полуденной порою,
Ты сядешь утомленъ березъ въ густой навѣсъ,
И вдругъ тебѣ въ лице, горящее отъ зною,
Прохладою дохнетъ съ незыблемыхъ древесъ,

То будетъ онъ! Здѣсь онъ вливаетъ въ воздухъ
сладость,
Свѣжитъ цвѣты, луга родныхъ своихъ полей;
Низпосылаетъ онъ и миръ на нихъ и радость,
И тихимъ счастіемъ лелѣетъ ихъ гостей.

О, дай ты, дай и мнѣ, мой духъ-благотворитель!
Хотя спокойствіемъ всѣ траты замѣнить.
Но вѣрно не могучь и онъ, небесный житель,
Утраченнаго здѣсь для смертныхъ возвратить.

Онъ не забылъ того, чьей арфой тихострунной
Слухъ юный услаждать любилъ въ земной странѣ;
Но лишь являяся въ видѣньяхъ ночи лунной,
На небо грустному указываетъ мнѣ.

ДЛЯ РОЗОВАГО ПАВИЛЬОНА въ ПАВЛОВСКѢ.

(1814)

Какъ, Государыня, мнѣ дерзко такъ мечтать,
Чтобъ каждый разъ въ Твоей обители чудесной,
На лирѣ, по Твоимъ лишь благостямъ извѣстной,
Твое священное мнѣ Имя воспѣвать?... (*)
Но въ сей странѣ, Тобой благополучной,
Меня и эхо устыдитъ:
И эхо о Тебѣ здѣсь громче говоритъ,
Чѣмъ голосъ мой не звучной.

(*) Императрица Марія Θеодоровна, при случайномъ проѣздѣ моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною какіе либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ.

ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ

КОРОЛЕВѢ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ,

ПРИ ВОЗШЕСТВІИ Ихъ Королевскихъ Величествъ НА ПРЕСТОЛЪ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ.

(1816)

Не долго, Сѣвера прекрасная звѣзда!
Не долго безъ лучей подъ небомъ Ты скрывалась,
Куда Тебя вела высокая чреда,
Чтобъ новая страна Тобою озарялась.
Ты, озарившая божественнымъ челомъ
Высокій Виртембергскій домъ!
Ведомая рукой Супруга и Героя,
Какого счастья и покоя,
Какихъ для всѣхъ надеждъ Ты Вѣстницей была,
Когда съ собою имъ несла
Величіе Петра и духъ Екатерины,
И Брата славнаго блистательность судьбины! —

И всѣ надежды тѣ свершились для людей:
На тронѣ юная Фелица!
О, Ты давно была сердецъ и душъ Царица
Умомъ и красотой и благостью Твоей!
И если къ Сѣверу благое Провидѣнье
Тебя похитило отъ отческой страны,
Конечно равное его благоволенье
Склонили на себя Германіи сыны.

О, какъ я восхищенъ, ихъ счастье прорицая;
Провижу духомъ я сердецъ ихъ торжество!
И съ ними длань Твою священную лобзая,
Въ Тебѣ я и мое чту съ ними божество.

ПРИНОШЕНІЕ,

ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ

покойной Королевѣ Виртембергской. (*)

(1821)

На гробъ приношу я, — плачевная участь! —
Что жизнью цвѣтущей Фелицы къ стопамъ
Повергнуть пылалъ! — Изумленный мой геній
Окончивши поприще, ищетъ тѣхъ взоровъ,
Которыми робкій, онъ былъ окриленъ,
Въ привѣтѣ которыхъ всю славу онъ ставилъ;
Но взоровъ живительныхъ нѣтъ для него! —
Какъ странникъ, окончивши путь долголѣтный,
Спѣшитъ въ край родимый, чтобъ въ домѣ отцовъ,
Подъ сѣнью пенатовъ, возрадовать сердце;
И видя — въ развалинахъ милый свой домъ,
Пенатовъ во прахѣ — свой посохъ и слезы
Роняетъ на прахъ онъ погибшихъ надеждъ:
Такъ я, о Фелица, мой свитокъ и слезы
На гробъ твой роняю, печальный пѣвецъ!

(*) Ея Имяни намѣренъ былъ переводчикъ посвятить Иліаду.

Забудулъ, когда Ты склоняла Твой слухъ
Ко слабымъ еще отголоскамъ Гомера?
Съ какимъ Ты восторгомъ всю душу открыла
Высокимъ внушеньямъ владыки пѣвцовъ!
Съ какою любовью на Спарца алтарь
При мнѣ приносила прекрасную жертву
Прекрасной души, — умиленія слезы!
Гдѣ нынѣ я слезы Фелицы найду,
Васъ, васъ драгоцѣнныя перла души,
Награда сладчайшая сердцу поэта? —
Быть можетъ, свѣтъ шумный, сей гордый судья,
Улыбки холодной меня удостоитъ.
Не молодъ я сердцемъ, и свѣта улыбки
Наградой завидной себѣ не почту.
Награда мнѣ лучшая — сладостный трудъ,
И совѣсти голосъ, что онъ не безцѣненъ,
И Имя, любезное Русскимъ сынамъ! —
Фелица! о Ты, отлетѣвшій мой Геній!
Такъ, Имя Твое да украситъ мой свитокъ;
И пусть оно скажетъ потомкамъ, что я,
Избранный Тобой проповѣдникъ Гомера,
Не вовсе пѣвцовъ недостойную жертву
Принесъ на священный отчизны алтарь

ОСЕНЬ.

(1819.)

Дубравы пышныя, гдѣ ваше одѣянье?
Гдѣ ваши прелести, о холмы и поля,
Журчаніе ключей, цвѣтовъ благоуханье?
Гдѣ красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися пѣвцовъ пернатыхъ хоры,
Живившіе лѣса гармоніей своей?
Зачѣмъ оставили пріютъ ихъ мирныхъ дней?
И все уныло вкругъ — лѣса, долины, горы! —

Шумитъ порывный вѣтръ между деревъ нагихъ,
И желтой листъ крутя, далеко завѣваетъ:
Такъ все проходитъ здѣсь, явленіе на мигъ;
Такъ гордый сынъ земли цвѣтетъ и исчезаетъ!

На крыльяхъ времени безмолвнаго летятъ
И старость и зима, гроза самой природы;
Онѣ нещадныя и быстрыя умчатъ,
Какъ у весны цвѣты, у насъ младые годы!

Но чтожъ? крушитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коихъ низкія надежды и желанья
Лишь пресмыкаются надъ бренною землёй,
И духъ вашъ заключатъ въ гробахъ безъ упованья.

Но кто за темной гробъ съ возвышенной душой,
Съ святой надеждою взоръ ясный простираетъ,
Съ презрѣньемъ тотъ на жизнь, на мрачный міръ взираетъ,
И улыбается превратности земной.

Весна украситъ міръ ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вѣчный свой закатъ?
Нѣтъ! новымъ пурпуромъ востокъ воспламенится,
И новою весной дубравы зашумятъ.

А я остануся въ ничтожность погруженный,
Какъ всемогущій перстъ цвѣтокъ животворитъ?
Какъ червь, сей житель дня, отъ смерти пробужденный,
На крыльяхъ золотыхъ вновь къ жизни полетитъ!

Смѣняйтесь, времена, катитесь въ вѣчность годы!
Но нѣкогда весна несмѣнная сойдетъ!
Живъ Богъ, жива душа! и царь земной природы,
Воскреснетъ человѣкъ: у Бога мертвыхъ нѣтъ!

ДУМА.

Кто на землѣ не вкушалъ жизни на лонѣ Любви,
Тотъ бытія земнаго возвышенной цѣли не понялъ;
Тотъ предвкуситъ не успѣлъ сладостной жизни
другой:
Онъ, какъ туманъ, при рожденіи гибнущій, умеръ
не живши.

ПЕРУАНЕЦЪ КЪ ИСПАНЦУ.

(1805)

Рушитель милой мнѣ отчизны и свободы,
О ты, что посмѣясь святымъ правамъ Природы,
Злодѣйствъ неслыханныхъ землѣ примѣръ явилъ,
Всего священнаго навѣкъ меня лишилъ!
Доколѣ, въ варварствахъ не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья?
Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней!
Кто право далъ тебѣ надъ жизнію моей?
Законъ? какой законъ? Одной рукой Природы
Ты сотворенъ, и я, и всей земли народы.
Но ты сильнѣй меня; а я — за то ль, что слабъ,
За то ль, что черенъ я — и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила — всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Безсильнаго гнететъ, невинность поражаетъ,
И кровь ихъ на себѣ порфирой прикрываетъ!

И такъ законъ тебѣ насъ мучить право далъ?
Почто же у меня онъ всѣ права отнялъ?
Почто же сей законъ, тираново желанье,
Ему даетъ и власть и мечь на злодѣянье,
Меня жъ неволитъ онъ себя перdroдить,
И что я человѣкъ, велитъ мнѣ то забыть? —
Иль мыслишь ты, злодѣй, составъ мой изнуряя,
Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,
Что будутъ чувствія во мнѣ умерщвлены?
Ахъ, нѣтъ, — тираны лишь одни ихъ лишены!..
Хоть живъ на снѣдь звѣрей тобою я простпруся,
Что равенъ я тебѣ... Я равенъ? нѣтъ, стыжуся,
Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебѣ подобнымъ быть!
Я дикій человѣкъ, и простотой несчастный;
Ты просвѣщенъ умомъ, а сердцемъ тигръ ужасный.
Моря и земли рокъ тебѣ во власть вручилъ;
А мнѣ онъ уголокъ въ пустыняхъ удѣлилъ,
Гдѣ, въ простотѣ души, пороковъ я не зная,
Любилъ жену, дѣтей, и больше не желая,
Въ свободѣ и любви я счастье находилъ.
Уже ли симъ въ тебѣ я зависть возбудилъ?
И ты, толпой рабовъ и громомъ окруженный,
Не прямо, какъ герой, — какъ хищникъ въ ночь
презрѣнный,

На безоруженныхъ, на спящихъ насъ напалъ.
Не славы побѣдить, ты злата лишь алкалъ;
Но страсть грабителя личиной покрывая,
Лилъ кровь, намъ своего ты бога прославляя;
Лилъ кровь, и какъ въ зубахъ твоихъ свирѣпыхъ псовъ
Трупъ Инки трепеталъ, — на грудахъ череповъ
Ликъ бога твоего съ мечемъ ты водружаешь,
И ликъ сей кровію невинныхъ окропляешь.

Но что? и кровью ты свирѣпствъ не утолилъ;
Ты адъ на свѣтѣ семъ для насъ соорудилъ,
И адскими меня трудами изнуряя,
Желаешь, чтобы я страдалъ не умирая.
Коль хочетъ богъ сего, немилосердъ твой богъ!
Свирѣпъ онъ, какъ и ты, когда желать возмогъ
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, дѣтей, свободы и покою,
Всего на свѣтѣ семъ за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который, насъ создавъ, и грѣетъ и питаетъ, (*)
И мой унылый духъ на месть одушевляетъ!....

Такъ, варваръ, ты всего лишить меня возмогъ;
Но права мстить тебѣ, ни ты, ни самъ твой богъ,

(*) Перуанцы боготворили Солнце.

Хоть громомъ вы себя небеснымъ окружите,
Пока я движуся — меня вы не лишите.
Такъ, въ правомъ мщеніи тебя я превзойду;
До самой подлости, коль нужно, низойду;
Ядъ въ помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду все мрачное смертей ужасныхъ царство,
И жесточайшую изъ оныхъ изберу,
Да ею грудь твою злодѣйску раздеру!

Но, можетъ быть, при мнѣ тотъ грозный часъ
свершится,
Какъ братій всѣхъ моихъ страданье отомстится.
Такъ, нѣкогда придетъ тотъ вожделѣнный часъ,
Какъ въ сердцѣ каждаго раздастся мести гласъ:
Когда рабы твои, тобою угнетенны,
Узря представшія минуты вожделѣнны,
На все отважатся, рѣшатся предпринять
Съ твоею жизнію неволю ихъ скончать.
И не толпы рабовъ, насильствомъ ополченныхъ,
Или наемниковъ, корыстью возбужденныхъ,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавшихъ мщеніемъ за бремя ихъ цѣпей.
Видалъ ли тигра ты, горящаго отъ гладу,
И сокрушившаго желѣзную заграду?
Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цѣпь влачу въ неволѣ злой,

Я знамя вольности развѣю предъ друзьями;
Сражусь съ твоими я крылатыми громами,
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ къ тебѣ я притеку,
И изъ души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый рабъ, нашъ каждый гнѣвный воинъ,
Попретъ тебя пятой — ты гроба не достоинъ!
Твой трупъ, въ дремучій лѣсъ, во глубину пещеръ,
Рыкая, будетъ влечь плотоядущій звѣрь;
Иль на пескѣ простертъ, предъ солнцемъ онъ истлѣетъ,
И прахъ, твой гнусный прахъ, вѣтръ по полю развѣетъ.

Но что я здѣсь вѣщалъ во слѣпотѣ моей?...
Я слышу стонъ жены и плачъ моихъ дѣтей:
Они въ цѣпяхъ... а я о вольности мечтаю!...
О братія мои, и вашъ я стонъ внимаю!
Гремятъ желѣза ихъ, влачась отъ вый и рукъ;
Главы преклонены подъ игомъ рабскихъ мукъ.
Что вижу?... очи ихъ, какъ огнь во тмѣ, сверкаютъ:
Они въ безмолвіи другъ на друга взираютъ....
А! се языкъ ихъ душъ, предвѣстникъ тѣхъ часовъ,
Когда должна потечь тирановъ нашихъ кровь!

МИЛЬТОНЪ, СѢТУЮЩІЙ НА СВОЮ СЛѢПОТУ,

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ III КНИГИ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

(1805)

Хвала, о Музы! вамъ, я зрѣлъ селенья звѣздны,
Безстрашно нисходилъ въ подземны Ада бездны;
Дерзаю вновь паришь въ священный эмпирей,
Въ проспранство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я Небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный. —
И се, я чувствую огонь лучей его;
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего!
Зѣницы тусклыя во тмѣ ночной вращаю,
И тщетно средь небесъ я солнце зрѣть желаю!
Увы! не просвѣтитъ оно моихъ очей;
Мой не увидитъ взоръ злашыхъ его лучей. —
Но ты, мой вѣрный другъ, божественная Муза!
Ты не прервешь со мной священнаго союза;

Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
Когда я буду пѣснь святую воспѣвать:
Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ,
Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
Въ одномъ безмолвіи бесѣдую съ тобой.

Мѣста, живившія мой томный духъ смущенный,
Гора Сіонская, и ты, ручей священный,
Что при стопахъ ея задумчиво журчитъ,
И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катитъ, —
Васъ часто съ Музою слѣпецъ я посѣщаю;
О мужи славные, васъ часто призываю!
Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
Тирезій, Тамирисъ, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ;
Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?...
Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ,
И силу новую воображенью давъ,
Вселенной чудеса я съ Музой воспѣваю,
И огнь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю: —
Такъ скромный соловей, въ ночный, безмолвный часъ,
Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, ліетъ свой сладкій гласъ. —
И годъ, и день, и ночь — все снова возродится;
Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;

Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ:
Весна моя безъ розъ, и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ;
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ;
Ни богомужняго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блистаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтовъ различны роды;
Исчезли для меня всѣ красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тмой,
И книга дивная закрылась предо мной;
Все пусто, вѣчною все ночью поглотилось,
И солнце для меня навѣки закатилось! —
Простите навсегда науки и труды,
Сокровища искуствъ, и мудрости плоды!
Сокровищемъ искуствъ я больше не плѣнюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Все скрыла ночь! — Но ты, Любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, разторгни мракъ очесъ;
О Муза, просвѣти меня огнемъ небеснымъ;
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстнымъ,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое доднесь отъ смертнаго очей. —

КЪ И. А. КРЫЛОВУ,

ПРИГЛАШАВШЕМУ МЕНЯ ѢХАТЬ СЪ НИМЪ ВЪ ЧУЖІЕ КРАИ.

(1821)

Надежды юности, о милыя мечты,
Я тщетно васъ въ груди младой лелѣялъ!
Вы не сбылись! какъ лѣтніе цвѣты
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ!
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Что годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась — назадъ не прилетаютъ. —

Другъ, ни за тридевять земель
Вновъ не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Аріель, (*)
Эфира легкій сынъ, весны любимецъ вѣчной.
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;
Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя Авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы. —
Но лишь приближится ночей осеннихъ тма,
Но лишь дохнетъ суровая Зима,
Онъ съ первой ласточкой за Лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края,
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?

(*) Маленькій воздушный Геній.

Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова разцвѣтемъ?
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
И счастье душъ прямое.

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ.

(1806)

Фіалка на зарѣ блистала;
Предъ солнцемъ красовался цвѣтъ;
Но въ полдень съ стебелька упала,
И въ вечеру фіалки нѣтъ!

Печальный образъ!... Такъ умчится
И юность рѣзвая отъ насъ.
Блаженъ, кто жизнью насладится
Въ ея быстропролетный часъ!

Моя ужъ юность отцвѣтаетъ;
Злапое время протекло!
Уже печаль мнѣ духъ стѣсняетъ,
Задумчивость мрачитъ чело.

Приходитъ старость, и отгонитъ
Послѣдніе часы утѣхъ;
Болѣзнями хребетъ мой склонитъ,
На голову посыплетъ снѣгъ.

Тоска, мрача мой вѣкъ постылой,
Падетъ на сердце, какъ гора;
Застынетъ кровь въ груди унылой,
И смерть воскликнетъ мнѣ: пора! ..

О холмъ, гдѣ лиру въ дѣтствѣ строя,
Съ цѣвницей селъ я соглашалъ,
Ты будь одромъ мнѣ вѣчнаго покоя!
Сего, какъ счастья, я желалъ:

Всегда желалъ, чтобъ край священный,
Гдѣ кости спятъ отцовъ моихъ,
Близъ нихъ спокоилъ прахъ мой тлѣнный
Въ своихъ объятіяхъ родныхъ;

Чтобъ тамъ безмолвная могила
Возвысилася надо мной,
И только бъ съ вѣтромъ говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любилъ, и жизнь хотѣлъ влачить,
Сестра! когда ты грудь стѣсненну
Захочешь плачемъ облегчить;

Когда печали къ услажденью,
Придешь на гробъ мой, при лунѣ
Бесѣдовать съ моею тѣнью,
Часовъ полночныхъ въ тишинѣ:

Мою забвенную цѣвницу
Воспомни, принеси съ собой;
Чтобъ отличить пѣвца гробницу,
Повѣсь подъ дубомъ надо мной.

Она въ полночный часъ, унылой,
Тебѣ пѣвца напомянетъ;
Со стономъ вѣтра надъ могилой
И свой надгробный стонъ сольетъ. —

Но если, бурей роковою
Въ страны чужія занесенъ,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребенъ:

Не усладитъ и вздохъ единый
Тамъ тѣни горестной моей;
И мой надгробный холмъ, пустынный,
Лишь будетъ сходбищемъ звѣрей.

Въ ночи надъ нимъ сова завоетъ,
Возсѣвъ на преклоненный крестъ;
И сердце путника заноетъ;
Онъ убѣжитъ отъ скорбныхъ мѣстъ.

Но, можетъ быть, надъ нимъ стеная,
Гласъ томный горлица прольетъ;
И пѣснью путника плѣняя,
Къ моей могилѣ привлечетъ;

Быть можетъ, путникъ — сынъ печали;
И сядетъ на могилу онъ;
И склонится на мигъ, усталый,
Въ задумчивый и сладкій сонъ;

Настроя духъ свой умиленный
Къ мечтамъ, и ими пробужденъ,
Онъ молвитъ, крестъ обнявъ склоненный,
„Здѣсь вѣрно добрый погребенъ!"

Быть можетъ.... Чтожъ мой духъ томится?
Пускай хоть съ чуждою землей,
Хотя съ родною прахъ смѣсится,
Узрю я вновь моихъ друзей!

КЪ К. Н. БАТЮШКОВУ.

(1807)

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живетъ?
Когда поклонишься Пенату,
Который дни мои блюдетъ?

Приди, раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ,
И вмѣстѣ — пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвятимъ;

А вечеръ, скучный долготою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылахъ.

Туда, туда, въ тотъ край счастливый,
Въ тѣ земли солнца полетимъ,
Гдѣ Рима прахъ краснорѣчивый,
Иль градъ святой, Ерусалимъ.

Узримъ средь дикой Палестины
За Божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, Паладины
Летѣли въ битвахъ умирать.

Пѣвецъ ихъ, Тассъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ.

Иль мой пѣвецъ — Царь пѣснопѣній,
Неумирающій Омиръ,
Среди безчисленныхъ видѣній
Откроетъ намъ весь древній міръ.

О, пѣснь волшебная Омира
Насъ вмигъ перенесетъ, пѣвцовъ,
Въ край героическаго міра
И поэтическихъ боговъ:

Зевеса, мещущаго громы,
И всѣхъ Безсмертныхъ вкругъ Отца,
Пиры ихъ свѣтлые, и домы
Увидимъ въ пѣсняхъ мы Слѣпца.

Иль посѣтимъ Морвенъ Фингаловъ,
Ту Сельму, домъ его отцовъ,
Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало,
И пламенѣло сто дубовъ;

Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой,
И только звѣздъ безсмертныхъ очи
Тамъ свѣтятъ съ блѣдною луной.

Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ,
О битвахъ и дѣлахъ былыхъ;
И лирой — тѣни вызываетъ
Могучихъ праотцевъ своихъ.

И вотъ, Тренморъ, отецъ героевъ,
Чертогъ воздушный растворивъ,
Летитъ на тучахъ съ сонмомъ воевъ,
Къ пѣвцу и взоръ и слухъ склонивъ.

За нимъ тѣнь легкая Мальвины,
Съ златою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ тѣнію Моины,
Плывутъ на легкихъ облакахъ. —

Но другъ, возможно ли словами
Пересказать, иль описать,
О чемъ случается съ друзьями
Подъ часъ веселый помечтать?

Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ которымъ хоть Мечта живетъ:
Въ дняхъ сумрачныхъ день сердцу ясный
Онъ хоть въ мечтаніяхъ найдетъ.

Жизнь наша есть мечтанье тѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.
Приди жъ, подъ кровомъ дружней сѣни
Повеселиться хоть въ мечтахъ.

ДРУЖБА.

КЪ БАТЮШКОВУ.

(1810)

Дни юности, быстро, вы быстро промчались!
Изчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
А прежнія скорби на сердцѣ остались;
Къ чему же и сердце оставлено мнѣ?

Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
Ему измѣнила младая Любовь!
Но если бы сердце и съ Дружбой простилось,
Была бы и жизнь мнѣ даръ горькій боговъ!

Остался бъ я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стеня.
Но вѣрная Дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
Что отняла скрывшись Любовь у меня.

Священною Дружбой я все замѣняю:
Она мнѣ опора подъ игомъ годовъ,
И спутница будетъ къ прощальному краю,
Куда насъ такъ рѣдко доводитъ Любовь.

Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
Зеленая въ осень и въ зиму стоитъ:
Равно неизмѣнная Дружба святая
До гроба живительный пламень хранитъ.

Укрась же, о Дружба, мое пѣснопѣнье,
Простое, внушенное сердцемъ однимъ;
Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
Хоть въ памяти друга да будетъ хранимъ.

НА ФРАНЦУЗСКІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ЗНАМЕНА ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ,

ИЗЪ КОТОРЫХЪ НА ОДНОМЪ ВИДНА НАДПИСЬ:

Qu'est ce que Dieu. (*)

(1816)

Произнеси въ семъ Храмѣ, нечестивый,
Что Божество!....
Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ Вѣры торжество! —

Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе сплотивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли! —

(*) Оно стоитъ у главныхъ дверей, налѣво при входѣ, и отличается якобинскими колпаками, по угламъ нарисованными.

Уже торжествовало;
И крестъ и скиптръ попрало въ прахъ,
И кровію царя на гордыхъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало!
И кликъ ужасный: "Бога нѣтъ!"
Уже, какъ ада ревъ, смутилъ весь божій свѣтъ....

И гдѣ Титановъ легіоны?
Гдѣ богоборные, кровавые знамены? —
Во Храмѣ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожащіе передъ Его святыней,
Поникнули у прага алтаря,
Съ уничиженною безбожія гордыней!

ТАРЕНТИНСКАЯ ДѢВА.

(1822)

Стенайте, Алкіоны!
О птицы нѣжныя, любимицы Наядъ,
Стенайте! ваши стоны
Окрестные брега и волны повторятъ.

Не стало, нѣтъ ее, прекрасной Эвфрозины! —
Младую несъ корабль на берегъ Камарины;
Туда ее Гименъ съ любовью призывалъ:
Невѣсту тамъ женихъ на прагѣ дома ждалъ.
При ней, на брачный день, хранилъ ковчегъ кедровой,
Одежды свѣтлыя и дѣвы поясъ новой,
И перлы для груди, и злато для перстовъ,
И благовонныя мастики для власовъ.
Но, какъ Ніобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждою простою,
Фіалковымъ вѣнкомъ и ризою льняной,
На палубѣ, одна, стояла, и мольбой

Звала попутный вѣтръ и мирныя свѣтила. —
Но вихорь налетѣлъ, и грянувши въ вѣтрила,
Невѣсту обхватилъ, корабль качнулъ: о страхъ!
Она уже въ волнахъ!....

Она уже въ волнахъ, младая Эвфрозина!
Помчала мертвую глубокая пучина.
Ѳеттида, сжаляся, ее изъ безднъ морскихъ
Выноситъ блѣдную въ объятіяхъ своихъ.
На крикъ сестры, толпой, сквозь влажныя громады,
Всплываютъ юныя поверхъ зыбей Наяды;
Несутъ бездушную, кладутъ подъ кипарисъ;
Тамъ — принялъ дѣвы прахъ Зефировъ тихій мысъ;
Тамъ — Нимфы, воплями собравъ подругъ далекихъ,
И Нимфъ густыхъ лѣсовъ, и Нимфъ полей широкихъ,
И распустивъ власы, надъ холмомъ гробовымъ
Весь огласили брегъ стенаніемъ своимъ.

Увы! напрасно ждалъ тебя женихъ печальной;
Ты не украсилась одеждою вѣнчальной;
Твой перстень съ женихомъ тебя не сочеталъ,
И кудрей дѣвственныхъ вѣнецъ не увѣнчалъ!

КУЗНЕЧИКЪ.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

(1822)

О счастливецъ, о кузнечикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплею росы напьешься
И какъ царь ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтетъ широкихъ,
Что въ лѣсахъ растетъ зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ,
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятенъ человѣкамъ,
Лѣта сладостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,
Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голосъ.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинный,
Безболѣзненный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

СѢТОВАНІЕ ѲЕТИДЫ

НА ГРОБѢ АХИЛЛЕСА

(1815)

Увы мнѣ богинѣ, рожденной къ бѣдамъ!
И матери въ грусти, навѣкъ безотрадной!
Зачѣмъ не осталась, не внемля сестрамъ,
Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
Связать свою долю со смертной женой?...

Увы, я родила единаго сына!
При мнѣ возрасталъ онъ, любимецъ боговъ,
Какъ пышное древо, долинъ украшенье,
Очей моихъ радость, души наслажденье,
Надежда Ахеянъ, гроза ихъ враговъ!

И сына такого, Геллады героя,
Создателя славы Ахейскихъ мужей,
Увы, не узрѣла притекшаго съ боя,
Къ груди не прижала отрады моей!
Младый и прекрасный Троянъ побѣдитель
Презрѣннымъ убійцею въ Троѣ сраженъ!
Дѣлами — боговъ изумившій воитель,
Какъ смертный ничтожный, землей поглощенъ!

Зевесъ, гдѣ обѣтъ твой? Ты клялся главою,
Что славой, какъ боги, безсмертенъ Пелидъ;
Но рать еще зрѣла пылавшую Трою,
И Трои руштитель былъ ратью забытъ!
Изъ гроба былъ долженъ подняться онъ мертвой,
Что бъ чести для праха у Грековъ просить;
Но, чтобъ ихъ принудить почтить его жертвой,
Былъ долженъ, Зевесъ, ты природу смутить;
И самъ, ужасая Ахеянъ народы,
Сномъ мертвымъ сковалъ ты имъ быстрыя воды. (*)

(*) Безвѣтріе, долго удерживавшее Грековъ отъ отплытія въ домы, истолковано было Калхасомъ жрецомъ, какъ посланное Зевесомъ, гнѣвнымъ на Грековъ, медлившихъ воздать Ахиллесу честь, закланіемъ на гробѣ его Поликсены, честь, которой онъ, являяся изъ гроба грозною тѣнью, себѣ требовалъ.

Отчизнѣ пожертвовавъ жизнью младой,
Что добылъ у Грековъ ихъ первый герой?
При жизни обиды, по смерти забвенье!
Что жъ божіе слово? одно ли прельщенье?
Не разъ прорекалъ ты безсмертныхъ Отецъ:
„Героевъ безсмертьемъ Пѣвцы облекаютъ. —"
Но два уже вѣка свой кругъ совершаютъ,
И гдѣ предреченный Ахиллу Пѣвецъ?
Увы, о Кронидъ, прельщены мы тобою!
Мой сынъ злополучный, мой милый Ахиллъ,
Своей, за отчизну сложеной, главою
Лишь гробъ себѣ темный въ пустынѣ купилъ!
Но если обѣты и Зевсъ нарушаетъ,
Кому тогда вѣрить, въ кого уповать?
И если Ахиллъ, какъ Ѳерситъ, погибаетъ,
Что слава? Кто будетъ мечты сей искать!
Ничтожно геройство, труды и дѣянья,
Ничтожна и къ чести и къ славѣ любовь,
Когда ни отъ смертныхъ имъ нѣтъ воздаянья,
Ниже отъ святыхъ, правосудныхъ боговъ.

Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ ты богами!
И памяти ждать ли отъ хладныхъ людей?
Твой гробъ на чужбинѣ, изрытый вѣками,
Забудется скоро, сравнявшись съ землей!

И ты, моей грусти свидѣтель унылой,
О ульмъ, при гробницѣ взлелѣянный мной,
Изсохнешь и ты надъ сыновней могилой;
Одна я останусь съ безсмертной тоской!..
О, сжалься хоть ты, о земля, надо мною!
И если не можешь мнѣ жизни прервать,
Сырая земля, разступись подъ живою,
И къ сыну въ могилу пріими ты и мать!

ТА̀НТАЛЪ И СИЗИФЪ ВЪ АДѢ.

(Изъ Одиссеи. Пѣснь XI, ст. 581.)

(1827)

После увидѣлъ я Та̀нтала; горькую муку онъ терпитъ:
Въ озерѣ старецъ стоитъ, и вода къ подбородку доходитъ;
Но сгарая отъ жажды, напиться страдалецъ не можетъ:
Каждый разъ — лишь наклонится старецъ, напиться пылая,
Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ ногами
Видитъ лишь землю черную: демонъ ее изсушаетъ.
Вкругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли,
Груши, блестящіе яблоки, полныя сока гранаты,
Ярко-зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы;

Но какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устремлялся,
Вѣтеръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ темныхъ.

Тамъ и Сизифа узрѣлъ я; жестокія муки онъ терпитъ:
Тяжкій, огромный руками обѣими камень катаетъ:
Онъ и руками его и ногами, что силъ подпирая,
Катитъ скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Чаетъ вскатить, какъ назадъ устремляется страшная тягость;
Снова на долъ, закрутившися, падаетъ камень коварный. —
Снова тотъ камень онъ катитъ и мучится; льется ручьями
Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вкругъ главы его вьется.

КЪ МОРФЕЮ.

(1816)

Увы! ты измѣнилъ мнѣ,
Нескромный другъ, Морфей!
Одинъ ты былъ свидѣтель
Моихъ сокрытыхъ чувствъ,
И вздоховъ одинокихъ,
И тайныхъ сердца думъ.
Зачѣмъ же, какъ предатель,
Въ видѣніи ночномъ
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открылъ?
Зачѣмъ, меня явивши
Красавицѣ въ мечтахъ,
Безмолвными устами
Принудилъ все сказать?

*

О, будь же, богъ жестокій!
Взаимно справедливъ:
Открой и мнѣ взаимно
Въ безмолвіи, во снѣ,
О тайныхъ чувствахъ сердца,
Сокрытыхъ для меня.
О! дай мнѣ образъ милый
Хоть въ призракѣ узрѣть;
И пылкими устами
Прильнувъ къ ея рукѣ......
Когда увижу розы
На дѣвственномъ челѣ,
Когда услышу трепетъ
Стыдливой красоты, —
Довольно — все открыто,
И сердцу данъ отвѣтъ!
Довольно — и счастливецъ,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны
И пурпурные маки
Съ Авророй принесу!

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

(1809)

Страшна, о Задумчивость, твоя власть надъ душою,
Унынія мрачнаго блѣдная мать!
Одни ли несчастные знакомы съ тобою,
Что любишь ты кровы лишь ихъ посѣщать?
Или тебѣ счастливыхъ невступны чертоги?
Иль вѣчно врата къ нимъ злат[ы]е стрегутъ
Утѣхи — жилищъ ихъ блюстители-боги? —
Нѣтъ, твой не въ чертогахъ любимый пріютъ;
Тамъ нѣтъ ни безмолвія, ни думъ, ни вздыханій.
Хоть есть у счастливцевъ дни слезъ и скорбей:
Ихъ стоны не слышимы при шумѣ ласканій,
Ихъ слезы не горьки на персяхъ друзей.
Бѣжишь ты ихъ шумныхъ чертоговъ блестящихъ;
Тебя твое мрачное сердце стремитъ

Туда, гдѣ безмолвная обитель скорбящихъ,
Иль гдѣ одинокій страдалецъ груститъ.
Увы! не на радость приходишь ты къ груcтнымъ,
Какъ другъ ихъ, любезная сердцу Мечта:
Витаетъ она по дубравамъ безмолвнымъ;
Равно ей пустынные милы мѣста,
Гдѣ въ думахъ таинственныхъ часто мечтаетъ,
И, дочерь печали, груститъ и она;
Но взоръ ея томный отрадой сіяетъ,
Какъ ночью осенней въ туманѣ луна;
И грусть ея сладостна и слезы пріятны,
И образъ унылый любезенъ очамъ;
Минуты бесѣдъ ея несчастнымъ отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзамъ:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть блѣдной надеждой она ихъ живитъ,
И робкій въ грядущее взоръ устремляя,
Хоть призракомъ счастья несчастному льститъ. —
Но ты, о Задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящаго въ грусти нѣмой,
И думы вкругъ черныя простря надъ главою,
Заводишь бесѣды съ его лишь тоской;
Не съ тѣмъ, чтобъ усталую грудь отъ вздыханій
Надежды отрадной лучемъ оживить;
Нѣтъ, призраки грозные грядущихъ страданій
Ему ты заботишься въ думахъ явить;

И смотришь, какъ грустнаго глава поникаетъ,
Какъ слезы струитъ онъ изъ томныхъ очей,
Которыя хладная земля пожираетъ.
Когда жъ изнуренный печалью своей,
На одръ онъ безрадостный, на одръ одинокій
Не въ сонъ, но въ забвенье страданій падетъ,
Когда въ его храмину, въ часъ ночи глубокой
Послѣдній другъ скорбныхъ Надежда придетъ,
И съ лаской къ сиротскому одру приникаетъ,
Какъ нѣжная матерь надъ сыномъ стоитъ,
И пѣсни волшебныя надъ нимъ воспѣваетъ,
Пока его въ тихихъ мечтахъ усыпитъ;
И въ мигъ сей послѣдняго душъ наслажденья,
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:
Перстомъ, наваждающимъ мечты и видѣнья,
Касаясь челу его, сонъ ты мятешь;
И духъ въ немъ, настроенный къ мечтаньямъ унылымъ,
Тревожишь, являя въ видѣніяхъ ночей
Иль бѣдствія жизни, иль ужасъ могилы,
Иль призраки блѣдные мертвыхъ друзей.
Онъ зритъ незабвеннаго, онъ гласъ его внемлетъ,
Онъ хочетъ обнять ему милый призракъ;
И одръ лишь холодный несчастный объемлетъ,
И въ храминѣ тихой находитъ лишь мракъ!
Падетъ онъ встревоженный и горько прельщенный;

Но сонъ ему болѣ не сводитъ очей.
Такъ дни начинаетъ онъ на грусть пробужденный,
Свой одръ одинокій бросая съ зарей:
Ни утро веселостью, ни вечеръ красами
Въ немъ сердца не радуютъ: мертвъ онъ душой;
При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями,
Вездѣ, о Задумчивость, одинъ онъ съ тобой!

НА СМЕРТЬ ОДНОЙ
И
РОЖДЕНІЕ ДРУГОЙ ДОЧЕРИ Г...,
СЛУЧИВШІЯСЯ ВЪ ОДИНЪ ДЕНЬ.

(1824)

И жизнь и смерть на землю вѣчно,
Какъ дождь и градъ, шумятъ съ небесъ!
Смѣсь вѣчная въ странѣ подлунной
И горестныхъ и сладкихъ слезъ!

Зрю, Ангела срѣтаетъ Ангелъ
Подъ кровомъ храмины земной:
Одинъ слетѣлъ и отлетаетъ
На небо съ воззванной душой.

Другой отъ неба душу сводитъ,
Лепитъ одушевитъ скудель;
И въ день одинъ въ жилищѣ смертныхъ
И новый гробъ и колыбель!

„— Привѣтствую, о братъ небесный!
Такъ Ангелъ Ангелу воззвалъ:
„Я горестенъ въ обитель смертныхъ,
„Ты утѣшителенъ предсталъ. —

„Почто жъ такъ рано опадаетъ
„Съ роднаго стебля милый цвѣтъ?
„Почто взята душа у юной?...
„— То тайна Бога: Онъ зоветъ. —

„О, какъ и свѣтелъ и прекрасенъ
„Почившей дѣвы ликъ младой,
„Вѣнчанный розою стыдливой
„И кудрей дѣвственныхъ волной!

„ — Душа свѣтлѣй, душа прекраснѣй
„Въ преображеніи своемъ
„Небесною заблещетъ ризой,
„И звѣзднымъ на челѣ вѣнцемъ. —

„О, какъ она на небо взоромъ
„Въ твоихъ объятіяхъ паритъ
„Невѣста неба, дѣва Рая
„Испить безсмертія горитъ —

„ — Горю! . . . прости, сестра земная!
Утѣшь и матерь и отца;
Скажи, я счастлива, безсмертна!
Парю въ объятія Творца! . . . — “

Еще рыдалъ отецъ надъ гробомъ,
Объемля хладный, милый ликъ;
И съ горестнымъ о мертвой стономъ
Сліялся юной жизни крикъ!

Надъ мертвой обнялъ дочь живую,
И радостью волнуя грудь:
„О будь же ты, отецъ взываетъ,
„Наградой траты, Ольгой (*) будь!

„Творецъ, Ты взялъ и возвращаешь!
„О, возврати въ чертахъ мнѣ сихъ
„Почившей кротость, добродѣтель,
„И душу Ангеловъ Твоихъ! —"

Взывалъ отецъ, и умиленный
Летѣлъ родившую обнять.
На гробъ и колыбель взирая,
Сквозь слезы улыбнулась мать.

(*) Умершую звали Ольгой, и родившуюся назвали такъже.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ОССІАНА.

(1804)

О источникъ ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающій
Съ бѣлой пѣною жемчужною!
О источникъ, извивайся ты,
Разливайся влагой свѣтлою
По долинѣ чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца лучь полуденный,
Не палилъ долины Лутау. —
Есть въ долинѣ голубой цвѣтокъ,
Вѣтръ качаетъ на стеблѣ его,
И свѣвая росу утренню,

Не даетъ цвѣтку поблекшему
Освѣжиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цвѣтокъ
Головою неразцвѣтшею
На горячу землю склонится,
И пустынный вѣтръ полуночный
Прахъ его развѣетъ по полю.
Звѣроловецъ, утромъ видѣвшій
Цвѣтъ долины украшеніемъ,
Въ вечеру придетъ плѣняться имъ;
Онъ придетъ — и не найдетъ его!

Такъ-то нѣкогда придетъ сюда,
Оссіана пѣсни слышавшій!
Такъ-то нѣкогда приближится
Звѣроловецъ къ моему окну,
Чтобъ еще услышать голосъ мой.
Но пришлецъ, стоя въ безмолвіи
Предъ жилищемъ Оссіановымъ,
Не услышитъ звуковъ пѣнія,
Не дождется при окнѣ моемъ
Голоса ему знакомаго;
Въ дверь войдетъ онъ растворенную,
И очами изумленными
Озирая сѣнь безлюдную,
На стѣнѣ полуразрушенной

Узритъ арфу Оссіанову,
Гдѣ вися, осиротѣлая,
Будетъ весть бесѣды тихія
Только съ вѣтрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тѣхъ временъ, когда рука моя
Раздробляла щитъ трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печальнаго!
Ни меча извлечь не въ силахъ я,
Въ битвахъ молніей сверкавшаго;
Ни щита я не могу поднять,
И на немъ напечатлѣнныя
Язвы битвъ, единоборствъ моихъ,
Я считаю осязаніемъ.
Ахъ! мой голосъ бывшій нѣкогда
Гласомъ грома поднебеснаго,
Нынѣ тихъ, какъ вѣтеръ вечера,
Шепчущій съ листами тополя. —
Все сокрылось, все оставило
Оссіана престарѣлаго,
Одинокаго, ослѣпшаго!

Но не долго я остануся
Безполезнымъ Сельмы бременемъ;

Нѣтъ, не долго буду въ мірѣ я
Безъ друзей и въ одиночествѣ!
Вижу, вижу я то облако,
Въ коемъ тѣнь моя сокроется;
Тѣ туманы вижу тонкіе,
Изъ которыхъ мнѣ составится
Одѣяніе прозрачное.

О Мальвина, ты ль приближилась?
Узнаю тебя по шествію,
Какъ пустынной лани, тихому,
По дыханью кроткихъ устъ твоихъ,
Какъ цвѣтовъ, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мнѣ;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да пѣснь унылая
Моему предъидетъ шествію
Въ сѣнь отцовъ моихъ воздушную.
Внемля пѣснь мою послѣднюю,
Тѣни ихъ взыграютъ радостью
Въ свѣтлыхъ облачныхъ обителяхъ;
Спустятся они отъ воздуха,
Сонмомъ склонятся на облаки,
На края ихъ разноцвѣтные,
И прострутъ ко мнѣ десницы ихъ,
Чтобъ принять меня къ отцамъ моимъ!...

О! подай, Мальвина, арфу мнѣ,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылахъ съ тѣнями черными;
Волны озера качаются,
Хлещетъ пѣна въ брегъ утесистый;
Мхомъ покрытый, дубъ возвышенный
Надъ источникомъ склоняется;
Вѣтеръ стонетъ межъ листовъ его,
И срывая, съ шумомъ сыплетъ ихъ
На мою сѣдую голову!

Скоро, скоро, какъ листы его
Пожелтѣли и разсыпались,
Такъ и я увяну, скроюся!
Скоро въ Сельмѣ и слѣдовъ моихъ
Не увидятъ земнородные;
Вѣтръ, свистящій въ волосахъ моихъ,
Не разбудитъ ото сна меня,
Не разбудитъ отъ глубокаго!

Но почто сіе уныніе?
Для чего печали облако
Осѣняетъ душу Бардову?
Гдѣ герои преждебывшіе?

Рино, младостію блистающій?
Гдѣ Оскаръ мой — честь безтрепетныхъ?
И герой Морвена грознаго,
Гдѣ Фингалъ, меча котораго
Трепеталъ ты, Царь вселенныя?
И Фингалъ, отъ взора коего
Вы, странъ дальныхъ рати сильныя,
Разсыпалися, какъ призраки!
Палъ и онъ, сраженный смертію!
Тѣсный гробъ сокрылъ великаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Позабытъ и слѣдъ могучаго!
И въ чертогахъ праотцевъ его
Вѣтръ свиститъ въ окно разбитое;
Предъ широкими вратами ихъ
Водворилось запустѣніе;
Подъ высокими ихъ сводами,
Арфъ бряцаніемъ гремѣвшими,
Воцарилося безмолвіе!
Тишина ихъ возмущается
Завываньемъ звѣря дикаго,
Жителя ихъ стѣнъ разрушенныхъ.

Такъ, въ чертогахъ праотеческихъ
Позабытъ и слѣдъ великаго! —
И мои слѣды забудутся?

Нѣтъ, пока свѣтила ясные
Будутъ блескомъ ихъ и жизнію
Озарять холмы Морвенскіе —
Голосъ пѣсней Оссіановыхъ
Будетъ жить надъ прахомъ тлѣнія,
И надъ холмами пустынными,
Надъ развалинами Сельмскими,
Предъ лицемъ луны задумчивой,
Разливаяся гармоніей,
Призоветъ потомка позднаго
Къ сладостнымъ воспоминаніямъ.

*

НА ГРОБѢ МАТЕРИ.

(1805)

Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой;
На утрѣ дней моихъ растался,
О мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я въ первый разъ въ углу родномъ;
И въ первый разъ я посѣщаю
Твой тѣсный, безъисходный домъ!
И землю въ трепетѣ лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу въ первое: тѣнь святая,
Миръ вѣчный праху твоему!

Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мшистой муравой,
И холмъ съ землею поравняло!
Увы! онъ скоро бъ былъ забытъ;

Мнѣ скоро бъ неизвѣстно стало,
И мѣсто — гдѣ твой прахъ сокрытъ!
И сынъ печальный, я бы тщетно
Могилы матери искалъ;
Ее прошелъ бы непримѣтно,
И можетъ быть, ногой попралъ!...
Прости! — оставленный тобою
Я отъ пеленъ усыновлёнъ
Суровой мачихой — судьбою.
Она, отъ берега мой челнъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Между бушующихъ зыбей,
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
Къ брегамъ роднымъ я принесенъ;
Любовью сирою, тоскливой
Къ твоей могилѣ приведенъ.
На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца,
Я пѣсни приношу и слезы,
Богатство скромное пѣвца.

Увы! когда ты испускала
Изъ устъ послѣдній жизни вздохъ,
Но взоръ еще на насъ кидала;

Я траты чувствовать не могъ.
Теперь, возросшую со мною
Печаль — я изолью въ слезахъ;
Поплачу надъ землей сырою,
Сокрывшею мнѣ милый прахъ!
Еще не разъ, душой унылый,
Одинъ, въ полуночной тиши,
Приду я у твоей могилы
Искать отрады для души.
Приду — и холмъ съ землей сравненный
Возвышу свѣжій надъ тобой;
И черный крестъ, къ землѣ склоненный,
Возобновлю моей рукой;
И тризной, въ день субботъ священныхъ,
Я ублажая тѣнь твою,
При воскуреньи жертвъ смиренныхъ
Надгробны пѣсни воспою. —
А ты, слухъ къ пѣснямъ преклоняя,
Отъ звѣздъ къ могилѣ низпустись,
И горесть сына утѣшая,
Тѣнь матери — очамъ явись!
Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ въ міръ духовъ переселенный
Я могъ и тамъ тебя узнать!

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

ПОКОЙНОЙ СЕСТРЫ.

(1826)

Дитя сестры моей, души моей дитя,
Что, неразцвѣтшій цвѣтъ, такъ рано увядаешь?
Мои нѣжнѣйшія заботы о тебѣ
Что такъ безвременно навѣки прекращаешь?

О, крови мнѣ родной единственная вѣтвь,
Моя послѣдняя привязанность земная!
Такъ, жить не для себя тобой позналъ я сладость;
Тебя, далекую, невиданную мной,
Любилъ, лелѣялъ я во глубинѣ души
Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду;
Въ твоихъ чертахъ, въ душѣ найти я уповалъ
Все милое очамъ, и все святое сердцу:
И кровную любовь, и искренную дружбу;
Я уповалъ, что ты, наперекоръ судьбѣ,
Невозвратимую замѣнишь трату мнѣ,
Что ты мнѣ населишь тоскующую душу,
Опустошенную сестры мнѣ милой смертью.

Но, прежде чѣмъ тебя узрѣлъ я на землѣ,
Ты скрылася какъ сонъ, какъ быстрый, сладкій сонъ,
Который обольстилъ несчастнаго мечтою,
И одинокаго на хладномъ ложѣ бросилъ,
Съ очами влажными еще отъ сладкихъ слезъ
И съ распростертыми, дрожащими руками,
Горѣвшими обнять любезную мечту!

Ты скрылася! Куда? не въ тотъ ли свѣтлый міръ,
Куда твоя и мать такъ рано преселилась?
Оттуда больше вы на землю не придете!....
Но я съ юдоли слезъ, я скоро къ вамъ приду!
О, что я не могу на быстрыхъ крыльяхъ воли
Къ вамъ, тѣни милыя, теперьже возлетѣть!
Съ какой бы радостью я бросилъ эту землю,
Гдѣ ничего уже нѣтъ общаго со мной!

ДУМА.

(1832)

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
 Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
 Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его — тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни пѣнь, ни цвѣтокъ;
 Мой путь одинокъ я кончаю,
 И хилую старость встрѣчаю
 Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

ОТВѢТЪ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

(1824)

Мой другъ! себѣ не довѣрять,
Примѣта скромная питомца Музъ младаго.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ роднаго,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ испытать;
Парятъ, но по слѣдамъ отцовъ ширококрылыхъ. —
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,
Ввѣрялся ты младымъ еще крыламъ;
Но въ трудныхъ опытахъ не постыдилъ ихъ силы.
На что жъ ты одаренъ сей силой не земной?
Чтобъ смѣлое внушать другимъ лишь помышленье?
Чтобъ пѣть великихъ душъ побѣды надъ судьбой,
А первому блѣднѣть подъ первою грозой,
И дать въ пѣвцѣ узрѣть души его паденье?...
Мужайся, другъ! главы подъ громомъ не склоняй
Ознаменованной печатію святою;
Воюй съ враждебною судьбою,
И гордымъ мужествомъ духъ юный возвышай:
Мужъ побѣждаетъ рокъ лишь твердою душою.

Гордись, Пѣвецъ, высокъ пѣвцовъ, удѣлъ!
Земная власть его не дастъ и не отнимешъ.
Богатство, знатность, честь — могила ихъ предѣлъ;
Но дара Божія мракъ гроба не обнимешъ.
Богачъ, склоняй чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
Онъ имя смертное твое увѣковѣчитъ,
И въ мракѣ гробовомъ
Онъ дань тебѣ потомства обезпечитъ. —
Что былъ бы гордый Меценатъ
Безъ пѣсней Флакка и Марона?
Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,
Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,
Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
Который весь свой темный вѣкъ
Подъ шалашомъ свое оплакиваетъ бѣдство,
Печальное отцовъ наслѣдство!
И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
Лежалъ бы подъ землей нѣмой,
Какъ смертный безъименный,
И вѣки долгіе забвенія считалъ;
Когда бъ пророкъ Хіоса вдохновенный
Безсмертіемъ тебя не увѣнчалъ. —

Отъ Музъ и честь и слава земнороднымъ;
Гордись, питомецъ Музъ, удѣломъ превосходнымъ!
Но если геній твой,

Разочарованный и небомъ нашимъ хладнымъ
И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужь духомъ, славы
жаднымъ,
Глядитъ на путь прекрасный свой,
Невольно унываетъ
И крылья опускаетъ,
Убійственнымъ сомнѣньемъ омраченъ,
Не тщетно ли вступилъ на путь опасный онъ?
Не тщетно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэта?
И молча ждетъ нельстиваго отвѣта....
Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой
Владыка лиры вдохновенной
Услышитъ судъ прямой,
И голосъ истины священной,
И не всегда его услышитъ отъ друзей:
Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ страстей;
Пристрастенъ, другъ, и я къ стихамъ друзей-по-
этовъ;
Прощаю грѣшный стихъ за слово для души. —
Счастливъ, кто самъ, страстей своихъ въ тиши,
Пристрастье дружескихъ почувствуетъ совѣтовъ;
Самъ поэтическихъ судья грѣховъ своихъ,
Мараетъ часто онъ хваленый другомъ стихъ.
О! есть, мой другъ, и опытъ убѣждаетъ,
Есть внутренній у насъ,
Не всѣми слышимый, мгновенный, тихій гласъ:

Какъ вѣрно онъ хулитъ, какъ вѣрно одобряетъ!
Онъ совѣсть генія, таланта судія.
Счастливъ, кто голосъ сей безсловный понимаетъ;
Счастливъ Димитріевъ: что у него друзья
Въ стихахъ превозносили,
То чувства строгіе поэта осудили. (*)
Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
Что наша совѣсть намъ есть лучшій судія. —

Довѣренность къ друзьямъ, но не слѣпая вѣра.
Кто нашимъ слабостямъ изъ дружбы не ласкалъ?
А иногда изъ видовъ, я слыхалъ.
„Быть можетъ, юноша трубой Гомера
„Въ Россіи загремитъ:
„Тогда и я съ потомствомъ отдаленнымъ
„Жить буду именемъ, для рифмы въ стихъ вмѣщеннымъ.
„Поклонникъ, другъ пѣвца, я буду ль имъ забытъ!“
Вотъ для чего ничтожный Эполетовъ
Такъ набивается на дружество поэтовъ. —

Кто жаждетъ въ памяти людей
Оставить по себѣ слѣдъ бытія земнова,

(*) И. И. Димитріевъ многія цѣлыя пьесы уничтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихотвореній.

Жизнь благородныхъ думъ и чувствъ души своей
Безсмертію предать могучимъ даромъ слова;
Не отъ ласкательныхъ друзей
Тотъ ожидай отвѣта:
Горитъ ли въ немъ священный огнь поэта;
Испытывай себя
Не на толпѣ слѣпой народа. —
Есть безпристрастнѣйшій поэтовъ судія,
Ихъ мать, ихъ первая наставница Природа.
Предстань передъ лице ея
Въ часъ солнцева торжественнаго всхода,
Когда умытая душистою росой
Является со всей роскошной красотой
Безсмертно-юная Природа;
Или въ тотъ часъ, когда и ночь и тишина
Лѣнивымъ сномъ смыкаетъ смертныхъ очи:
Природа, лишь подъ кровомъ ночи,
Какъ непорочная, прекрасная жена,
Любимцу тайныя красы разоблачаетъ.
Пусть геній твой Природу вопрошаетъ;
И если ты ея достойный неофитъ,
Она къ тебѣ заговоритъ
Своимъ простымъ, но черни не понятнымъ,
Краснорѣчивѣйшимъ для сердца языкомъ;
И если въ сердцѣ онъ откликнется твоемъ
Глубокимъ трепетомъ, душѣ поэта внятнымъ;

И если по тебѣ незапно пробѣжитъ
Священный холодъ изступленья,
И духъ твой закипитъ
Живою жаждой пѣснопѣнья;
Рукою смѣлою коснися струнъ нѣмыхъ:
Онѣ огнемъ души зажгутся,
Заговорятъ, и отъ перстовъ твоихъ
Живыя пѣсни разольются.

ИНОСТРАНЦАМЪ-ГОСТЯМЪ МОИМЪ.

(1824)

Привѣтствую гостей отъ Сенскихъ береговъ!
Вотъ Скиѳскаго пѣвца пріютъ уединенный:
Онъ, какъ и всѣхъ пѣвцовъ,
Чердакъ возвышенно-смиренный. —
Не красенъ, теменъ уголокъ;
Но видны изъ него лазоревые своды;
Не много тѣсенъ, но широкъ
Пѣвцу для пѣсней и свободы!
Не золото, не пурпуръ по стѣнамъ;
Опрятность — вотъ уборъ моей убогой хаты.
Цѣвница, кустъ цвѣтовъ, и свитки по столамъ,
А по угламъ скудельные Пенаты —
Вотъ бытъ пѣвца: онъ весь — боговъ домашнихъ
даръ;

Убогій счастіемъ, любовью ихъ богатый;
Имѣю все отъ нихъ, и все еще безъ траты:
Здоровье, миръ души и къ пѣснямъ сладкій жаръ. —
И если ты, Поэтъ, изъ пѣсней Славянина
Нашелъ достойныя отечества Расина,
И на всемірный вашъ языкъ ихъ передалъ, (*)
Тѣ пѣсни мнѣ — Пенатъ-Гомеръ внушалъ.

Воздайте, гости, честь моимъ богамъ домашнимъ
Обычаемъ, у Скиѳовъ насъ, всегдашнимъ:
Испей, мой гость, завѣтный ковшъ до дна
Кипучаго Задонскаго вина;
А ты, о гостья дорогая,
И въ честь богамъ,
И въ здравье намъ,
Во славу моего отеческаго края,
И славу Франціи твоей,
Ковшъ меда Русскаго, душистаго испей.
А тамъ, усядемся за столъ мой ненарядной,
Но за кипучій самоваръ.
О други, сладостно питать бесѣды жаръ
Травой Китая ароматной!

(*) Онъ переводилъ отрывки изъ Рускихъ писателей.

Когда нибудь и вы въ родимой споронѣ,
Подъ небомъ счаспливымъ земли свободной вашей,
Въ бесѣдахъ дружескихъ воспомнипе о мнѣ;
Скажипе: Скиѳъ сей былъ доспоинъ дружбы нашей:
Какъ мы, къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
Какъ мы, ей лучшіе дни жизни посвящалъ;
Бесѣдовалъ съ Гомеромъ и Природой,
Любилъ опечество, но жилъ въ немъ не рабомъ,
И у себя подъ пѣснымъ шалашомъ
Дышалъ свяпой свободой.

СЕМЕНОВОЙ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА ТРАГЕДІИ, ЛЕАРЪ.

(1808)

Прими, Корделія, Леара своего:
Онъ твой, твои дары украсили его. —
Какъ арфа золотая,
Подъ вдохновенною рукою оживая,
Плѣняетъ насъ, разитъ гармоніей своей:
Равно душа твоя, страстями наполняясь,
Такъ быстро въ видахъ ихъ и звукахъ измѣняясь,
Мертвитъ насъ и живитъ огнемъ игры твоей!
. .
Могущество даровъ и прелестей твоихъ
Обезоружило и критиковъ моихъ:
Когда волшебствомъ ты искуства
То раздирала намъ, то умиляла чувства,
Какъ слезы, вѣстники довольныхъ душъ, текли;
Сатира блѣдная вдали

Въ смущеньи на тебя, въ безмолвіи взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отирала. —

Свершай путь начатый, онъ труденъ, но почтенъ;
Дается свыше даръ, и всякой даръ священъ!
Но ихъ Природа намъ не втунѣ посылаетъ:
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершаетъ;
Цѣни его и уважай,
Искуствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь — за
славой!
Пусть Зависть мрачная въ слѣдъ за тобой ползетъ
И дышетъ на талантъ безсильною отравой;
Иль пусть съ тобою въ споръ, безстыдная, дерзнетъ;
Ей съ шумомъ пасть подъ собственнымъ позоромъ!
Лишь ты спокойна будь; и гордо-яснымъ взоромъ,
И свѣтлаго чела спокойствіемъ однимъ
Ты, какъ стрѣлами Аполлона,
Пронзишь исчадіе нелѣпаго Тифона!
Почтеннымъ торжествомъ такимъ
Убьешь всѣ козни ты, и ревность дерзновенныхъ,
Съ тобой идти путемъ однимъ,
Соперницъ и враговъ надменныхъ.

Но, какъ прекрасно, какъ возвышенно сказать.
„Враговъ я не имѣю;

„Соперницъ — я люблю, или о нихъ жалѣю;
„Хочу и въ славѣ ихъ участье принимать;
Одни искуства насъ связали:
„Хочу я раздѣлять ихъ радость и печали.“
Счастливъ такъ мыслящій! Онъ миръ въ душѣ
хранитъ,
А Зависть мрачная у ногъ его лежитъ.
Такъ дубы на холмахъ соединясь корнями,
Спокойные растутъ, одинъ другимъ крѣпясь;
И въ адъ стопами ихъ упрясь,
Касаются небесъ ихъ гордыми главами;
Колеблясь бурею дебелые ихъ пни,
Ни подъ перунами не падаютъ они,
Живутъ одинъ другимъ, смѣяся надъ громами;
Но между тѣмъ, подъ ихъ широкими тѣнями,
Во прахѣ видятъ подлыхъ змѣй,
Гдѣ часто бой они со свистомъ начинаютъ,
И черной кровію своей
Ихъ корни обагряютъ.

ВОЕННЫЙ ГИМНЪ ГРЕКОВЪ.

(сочиненіе Риги.)

(1821)

Воспряньте, Греціи народы!
День славы наступилъ.
Докажемъ мы, что Грекъ свободы
И чести не забылъ.
Расторгнемъ рабство вѣковое,
Оковы съ выи сорвемъ;
Отмстимъ отечество святое,
Покрытое стыдомъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою!
Пойдемъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь — рѣкою
Кипитъ у нашихъ ногъ!

О тѣни славные уснувшихъ
Героевъ, мудрецовъ!
О Геллины вѣковъ минувшихъ,
Возстаньте изъ гробовъ!

При звукѣ нашихъ трубъ — летите
Вождями вашихъ чадъ;
Вамъ къ славѣ путь знакомъ — ведите
На семихолмный градъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

О Спарта, Спарта, мать героевъ!
Что рабскимъ сномъ ты спишь?
Аѳинъ союзница, услышь
Кличъ мстительныхъ ихъ строевъ!
Въ ряды! и въ пѣсняхъ призовемъ
Героя Леонида,
Предъ кѣмъ могучая Персида
Упала въ прахъ челомъ.
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

Воспомнимъ, братья, Ѳермопилы,
И за свободу бой!
Съ трехъ-стами храбрыхъ — Персовъ силы
Одинъ сдержалъ Герой;
И въ битвѣ, гдѣ примѣръ любови
Къ отчизнѣ — вѣчный далъ,
Какъ левъ онъ гордый — въ волны крови
Имъ жертвъ раздранныхъ палъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

МЕЛОДІЯ.

(1824)

Душѣ моей грустно! Спой пѣсню, Пѣвецъ!
Любезенъ гласъ арфы душѣ и унылой.
Мой слухъ очаруй ты волшебствомъ сердецъ,
Гармоніи сладкой всемощною силой.

Коль искра надежды есть въ сердцѣ моемъ,
Ее вдохновенная арфа пробудитъ;
Когда хоть слеза сохранилася въ немъ,
Прольется, и сердца сжигать мнѣ не будетъ.

Но пѣсни печали, Пѣвецъ, мнѣ воспой:
Для радости сердце мое ужъ не бьется;
Заставь меня плакать; иль долгой тоской
Гнетомое сердце мое разорвется!

Довольно страдалъ я, довольно терпѣлъ;
Усталъ я! — Пусть сердце или сокрушится,
И кончитъ земной мой несносный удѣлъ;
Иль съ жизнію арфой златой примирится.

НА СМЕРТЬ

БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

(1831)

Милый, младый нашъ Пѣвецъ! на могилѣ, уже мнѣ грозившей,
Ты обѣщался воспѣть Дружбы прощальную пѣснь; (*)
Такъ неисполнилось! Я надъ твоею могилою ранней
Слышу надгробный плачь Дружбы и Музъ и Любви!

Бросилъ ты смертныя пѣсни, оставилъ ты бренную землю,
Мрачное царство вражды, грустное свѣтлой душѣ!
Въ міръ не земной ты унесся, небесно-прекраснаго алчный;

(*) Покойный Дельвигъ, во время опасной моей болѣзни, въ дружескихъ разговорахъ, обѣщалъ написать стихи въ случаѣ смерти моей.

И, какъ надъ прахомъ твоимъ слезы мы льемъ
на землѣ,
Ты, во вратахъ уже неба, съ фіаломъ безсмертія
въ длани,
Пѣснь несловесную тамъ съ звѣздами утра поешь!

КЪ НЕМУ ЖЕ,

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ.

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей
частью:
Жилъ я, что бы умереть; скоро умру, что бы
жить!

А. С. ПУШКИНУ,

ПО ПРОЧТЕНІИ СКАЗКИ ЕГО О ЦАРѢ САЛТАНѢ и проч.

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей;
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гете, Шекспира
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинство Рускаго духа и міра,
Пой намъ по своему, Рускій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты Пѣвецъ *несравненный.*

БАСНИ.

МЕДВѢДЬ.

(1827)

Медвѣдя по дворамъ Цыганъ водилъ плясать.
Въ деревнѣ Рускую Медвѣдь увидѣвъ пляску,
Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ, переняпь.
Медвѣди, нечего сказать,
Ловки перенимать.
Вотъ разъ, какъ днемъ Цыганъ на солнцѣ спалъ
въ растяжку,
Мой Мишинька поднялся на дыбки,
Платокъ хозяйскій взялъ онъ въ лапу,
Изъ-подъ Цыгана вынулъ шляпу,
Набросилъ на бекрень, какъ хваты-ямщики,
И, топнувши ногой, Медвѣдь плясать пустился.
„А? каково! Барбосу онъ сказалъ.
Барбосъ вблизи на этотъ разъ случился;
Собака — умный звѣрь, и пляски онъ видалъ.
„Да плохо! „песъ-Барбосъ Медвѣдю отвѣчалъ.

„Ты судишь строго, брат!“ собакѣ молвилъ Мишка:
„Я чѣмъ не молодцемъ пляшу?
„Чѣмъ хуже, какъ вчера плясалъ ямщикъ вашъ Гришка?
„Гляди, какъ ловко я платкомъ машу,
„Какъ выступаю важно, плавно!...“
„Ай, Миша! славно, славно!
„Такого плясуна
„Еще не видѣла вся наша сторона!
„Легокъ ты, какъ цыпленокъ!“
Такъ крикнулъ мимо тутъ бѣжавшій Поросенокъ:
Порода ихъ, извѣстно, какъ умна! —
Но Миша,
Судъ Поросенка слыша,
Задумался, вздохнулъ, трудиться пересталъ,
И, съ видомъ скромнымъ, самъ съ собою бормоталъ:
„Хулитъ меня Собака, то не чудо;
Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;
Но если хвалитъ ужъ Свинья —
Пляшу я вѣрно худо!“

Быть можетъ и людьми за правило взято
Медвѣжье слово золотое:
Какъ умный что̀ хулитъ, навѣрно худо то;
А хвалитъ глупый — хуже вдвое!

СНИГИРЬ.

(1809)

Въ избѣ Пустынника Снигирь по волѣ жилъ:
По волѣ, то есть, могъ вылетывать изъ клѣтки,
Глядѣть въ окно сквозь сѣтки;
Но дѣло не о томъ: онъ страстно пѣть любилъ.
Пустынникъ самъ игралъ прекрасно на свирѣли,
И въ птицѣ видя страсть, онъ пѣть ее училъ,
И подъ свирѣль свистать людскія трели. —
Снигирь ихъ перенялъ, и на голосъ людской
Свистя, какъ звонкая свирѣль, переливался.
Пустынникъ, на руку склоняясь головой,
Не разъ пѣвцомъ по часу любовался.
Снигирь мой счастливъ былъ!
Чего бъ еще хотѣть въ такой счастливой части?
Пустынникъ Снигиря любилъ,
И самъ изъ рукъ его кормилъ.

Но мучатъ знать и птицъ враги покоя — страсти. —
Унылъ Снигирь, и мало пѣлъ,
И часто пасмурный сидѣлъ
На клѣткѣ у окошка,
Въ которую его Пустынникъ запиралъ
Лишь на ночь, чтобъ пѣвца не подхватила кошка.
И вотъ о чемъ Снигирь, случась одинъ, мечталъ:
„Къ чему мнѣ все ученье?
„Кто слушаетъ мое здѣсь пѣнье?
„Хозяинъ мой, да котъ!
„Для нихъ весь день дери я ротъ!
„Что прибыли въ такой и волѣ?
„Ахъ, если бы въ лѣсу я, въ полѣ
„Хоть разъ межъ птицами на ладъ людской запѣлъ
„Какого птичій родъ не слыхивалъ отъ вѣка,
„Они бъ, дивясь, почли, что слышатъ человѣка!
„Меня бъ и Соловей послушать прилетѣлъ.
„Да что же? — я не заперть въ клѣткѣ;
„Но на окно вѣдь сѣть опущена.
„Ахти! она
„Ни какъ разорвана? —
„Такъ точно; вылечу, спою на ближней вѣткѣ....."
Сказалъ, вспорхнулъ, въ лѣсъ темной полетѣлъ,
И стаю рѣзвую увидѣвши пернатыхъ,
Онъ сѣлъ
Между пѣвицъ и пѣвуновъ крылатыхъ;

И сѣвши, посвистомъ всю рощу огласилъ.
Пернатые вздрогнули,
Другъ на друга взглянули,
И замолчали всѣ; а мой пѣвецъ, что силъ,
И громкой флейтою и тихою цѣвницей
Свисталъ на ладъ людской предъ птичьею стани-
цей. —
„Да что это за новый ладъ?..."
Щегленокъ, Дроздъ и Чижъ заговорилъ съ Синицей:
„Онъ не чирикаетъ, онъ и свиститъ не птицей,
„Поетъ, какъ человѣкъ — ну что это за складъ?
„Избави Боже насъ отъ эдакого тона!... —
„Вотъ каркать бы умѣлъ,
Сидѣвшая на пнѣ закаркала Ворона.
„Куда какой хитрецъ —
Картавый засвисталъ Скворецъ,
„Поетъ какъ человѣкъ! Ты видно, братъ, ученой?...
„Слыхали мы такихъ — прощай!
„Тебѣль ужъ былъ чета тотъ Попугай зеленой.... —
„Да, да, тебѣль чета зеленой Попугай,
Скворца Сорока перервала,
„Котораго въ дому господскомъ я видала;
„Вѣдь какъ кричалъ — да я его перекричала!
„А ты отколь? ты что поешь? — Поетъ онъ
вздоръ!"
Весь разомъ закричалъ пернатыхъ мѣлкій хоръ. —
*

А мой пѣвецъ, оставя вѣтку,
Скорѣй домой, скорѣй на клѣтку
Вспорхнулъ, и опустилъ головку подъ крило. —
Не много времени прошло,
Какъ и Пустынникъ самъ явился:
Съ порога до лѣсу онъ бѣглеца слѣдилъ,
И слышалъ, какъ надъ нимъ судъ птичій совершился.
„Товарищъ, онъ сказалъ, что такъ ты пріунылъ?“ —
„Ахъ, дѣдушка! ахъ, гдѣ я былъ?
„Зачѣмъ я пѣнію людскому научился?...“
„Не для того, мой другъ, чтобъ пѣніемъ людскимъ
„Ты передъ птицами хвалился.
„Тебѣ урокомъ симъ
„Пусть опытъ истину полезную откроетъ:
„Что и у насъ людей
„Тотъ завсегда слыветъ умнѣй,
„Съ волками кто по волчьи воетъ.

ПСАРЪ и МЕДВѢДЪ.

(1831)

Псарь, промышляющій смиренныхъ зайцевъ шкурой,
Медвѣдя разъ въ берлогѣ подстерёгъ;
Богатой шубою Псаря плѣнилъ звѣрёкъ;
Но, тварей мѣлкихъ врагъ — былъ, видно, слабъ натурой:
Съ звѣрями крупными онъ дракъ терпѣть не могъ;
Медвѣди же большіе забіяки,
И шубъ съ себя не отдаютъ безъ драки,
Принявши развѣ пулю въ бокъ;
Но Псарь мой былъ и не стрѣлокъ.
Такъ хоть, кажись, и ясно,
Что моему тутъ молодцу
На до̀бычь зариться напрасно,
Что для Псаря Медвѣдь былъ звѣрь не по ловцу;
Однако смертная взяла его охота
Медвѣжій мѣхъ себѣ добыть:
Борзыми вздумалъ Псарь Медвѣдя затравить. —

Скорѣй домой, и лишь въ ворота,
Собралъ онъ всѣхъ собакъ, и гончихъ и борзыхъ,
Здоровыхъ и больныхъ,
И даже къ нимъ въ добавку,
Взялъ, отъ жены тайкомъ, ея сѣдую Шавку,
И захвативши кнутъ, на звѣря онъ пошелъ.
Знавъ хорошо лѣсныя всѣ дороги,
Берлогу скоро онъ нашелъ.
Хозяинъ дома былъ: на солнцѣ у берлоги
Медвѣдь дремалъ; надъ нимъ, скача между кустовъ,
Привыкшая при немъ питаться объѣдала
Остатками мясныхъ его столовъ,
Сорока лепетала.
Она издалека
Псаря-героя увидала,
И жизнью дорожа сосѣда-Мишука,
Къ нему въ испугѣ закричала:
„Кумъ, на тебя гроза! — А что? — Собакъ съ гурьбой
„Идетъ къ берлогѣ Псарь. — Какой? —
„Что зайцевъ травитъ здѣсь порой;
„Собакъ не слышишь ли ты лаю?
„Идетъ! — Пускай идетъ; его собакъ я знаю:“
Медвѣдь въ полсна пробормоталъ. —
А Псарь ужъ подошелъ; но издали онъ сталъ,
И издали собакъ пускаетъ всѣхъ въ атаку;
Но страшнаго почуявъ забіяку,

Лай подняли они, а не идутъ
С Медвѣдемъ въ драку.
Псарь порскаетъ, кричитъ, собакамъ кажетъ кнутъ,
Сѣчетъ ихъ: вой и крикъ вся стая поднимаетъ
Подъ свищущимъ кнутомъ; но все издалека
Глядитъ на спящаго безпечно Мишука.
Но Шавка вдругъ одна къ Медвѣдю подбѣгаетъ,
И лаетъ въ носъ ему, смѣшно и глупо злясь;
Медвѣдь лежитъ не шевелясь. —
„Проснися, Кумъ; собаки нападаютъ,
Кричитъ Сорока: ну, какъ стаей нападутъ? —
„Нѣтъ, Миша говоритъ, собаки эти лаютъ,
„А зубомъ не берутъ. —
„Но Шавка, погляди, она тебя не труситъ;
„Все рвется до твоихъ ушей;
„Ахти, вопьется!... Кумъ, дай оплеуху ей! —
„Ну, хорошо; скажижъ, Кума, скорѣй,
„Когда она меня укуситъ:
Ей Мишка отвѣчалъ,
И потянувшись, вновь спокойно задремалъ.

Такъ Журналистъ иной, частёхонько бываетъ,
Съ толпой наемниковъ на Дарованье лаетъ;
А Дарованіе, какъ злость ни нападай,
Спокойно слушаетъ журнальныхъ шавокъ лай.

С М Ѣ С Ь.

НА СМЕРТЬ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА С. СТРОГАНОВА.

Нѣтъ, рано, Строгановъ, разстался ты съ землей!
И если бъ вѣкъ еще тебѣ жить Небо дало;
Для Музъ, для добрыхъ дѣлъ, для счастія людей
Все прожилъ бы ты мало!

НА СМЕРТЬ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПАВ. СТРОГАНОВА,

УБИТАГО ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ КРАОНОМЪ, ВО ФРАНЦІИ, ГДѢ ОТЕЦЪ ЕГО КОМАНДОВАЛЪ.

Едва для жизни онъ разцвѣлъ,
Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя;
И юношу, отецъ отчизнѣ обрекая,
Въ знакомый славы путь, въ *святую* брань (*) повелъ.
Но славѣ не земной отъ Неба обреченный,
Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
И палъ, въ глазахъ отца сраженный.
Такъ идутъ къ небесамъ, о юноша-герой!

(*) 1812 года.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ СУВОРОВА.

Ты ищешь монумента?....
Суворовъ здѣсь лежитъ.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ КАНТЕМИРА.

Порочный, не смѣй подходить къ сей гробницѣ:
Твой бичъ, Кантемиръ здѣсь лежитъ.
Ты жъ, добрый — къ могилѣ приникни спокойно,
И если захочешь, усни.

НА СМЕРТЬ ***.

Цвѣла и блистала,
И радостью взоровъ была;
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала;
И вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной
Съ презрѣніемъ бросивъ покровъ свой земной,
Отъ плачущей Дружбы, Любви безотрадной
Въ эфиръ унеслася крылатой душой!

НАДПИСЬ
НА ГРОБѢ ПОЛКОВНИКА П. Ю. БЫКОВСКАГО, СООРУЖЕННОМЪ ЕГО СУПРУГОЮ.

Изъ грозныхъ браней бурь, съ погибели полей
Онъ вынесъ жизнь и честь, слуга отчизнѣ вѣрной;
И мирнаго, въ объятіяхъ друзей,
Сразила смерть его рукой немилосердной! —
Съ нимъ все я погребла.... Но ты, о Вѣра, будь
Оставшагося мнѣ хранитель упованья,
Что гробъ намъ краткій путь
Для неразлучнаго свиданья.

ЭПИГРАММА.

Помѣщикъ Балабанъ,
Благочестивый мужъ, Христу изъ угожденья,
Для нищихъ на селѣ построилъ Домъ Призрѣнья,
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

БѢДА.

Бѣда! какъ ни сойдусь я съ милою Кумой,
То съ болью головы жестокой
Всегда приду домой.
Бѣда! отъ головы до сердца не далёко.

Одесса.

КЪ П—ой.

Когда бъ всѣ Тётушки на васъ похожи были,
Никто бъ не захотѣлъ Племянникомъ ихъ быть:
Намъ, какъ племянникамъ ихъ должно бы любить;
А мы бъ ихъ болѣе чѣмъ Тётушекъ любили.

КЪ ***

ТРЕБОВАВШЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА СОЧИНЕНІЙ БАТЮШКОВА.

Какъ? Вы хотите знать, что Граціи внушали
Любимцу Аонидъ?
Ужель они вамъ сами не сказали?
Нѣтъ тайнъ между Харитъ.

КЪ А. А. О.

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ЕЮ ВЪ ПОДАРОКЪ КИТАЙСКАГО ВѢЕРА.

Китайскій вѣеръ милъ, но даръ, не нужный вамъ:
Иныя барышни къ былымъ ихъ красотамъ
Манятъ Зефировъ вѣерами;
Зефиры къ вамъ — летятъ охотно сами,
Какъ пчелы на цвѣты:
Зефиры — слуги красоты.

ВЪ АЛЬБОМЪ ШИМАНОВСКОЙ.

(СЛАВНОЙ МУЗЫКАНТШИ)

Какъ въ громѣ звонкихъ арфъ цѣвницы тихій стонъ,
И одинокій и унылой,
Какъ между гробовыхъ сіяющихъ колонъ
Простая урна надъ могилой
Склоняютъ въ тихую задумчивость сердца:
Такъ неизвѣстнаго тебѣ Пѣвца
Здѣсь, между пѣснями Камены вдохновенной,
Быть можетъ, взоръ твой привлечетъ,
И хоть задумчивость на сердце наведетъ
Сей стихъ уединенной.

КЪ БАТЮШКОВУ,

ПРИ ПОДАРКѢ ЕМУ БѢЛОЙ КНИГИ.

(1811)

На память дружбы мнѣ, Любимецъ Аонидъ
Чернильницу даритъ,
Прекрасную, но безъ чернилъ, *пустую*.
О, даръ краснорѣчивъ! — Пускай же мой Поэтъ
И отъ меня бумагу не простую,
Британскую, но *чистую* пріиметъ.
Квитаюсь искренно, и нельзя лучше сладить;
Другъ друга мы даримъ какъ *честные* друзья:
Писавъ стихи, чернилъ не долженъ тратить я;
А ты ихъ не писавъ, не долженъ время тратить.

ДРУЖБА,

къ ***.

(1813)

Клянусь *любовїю* на дружество съ тобою,
Когда безчувственной къ любви ты не была. —
Но другъ мой, слишкомъ ты прелестна и мила,
Чтобъ не пылать къ тебѣ и дружбой, какъ любовью.

Ты ропчешь, и восторгъ находишь мой нескромнымъ?
Клянуся, какъ могу, въ душѣ его скрывать;
И буду я умѣть, не бывши вѣроломнымъ,
Прелестную, по гробъ, какъ друга обожать!

КЪ КУМѢ.

(ОДЕССА).

Не видѣвъ васъ,
Я Кумомъ вашимъ быть охотно согласился;
Увидѣвъ васъ,
Задумался, раскаялся, сердился,
Зачѣмъ, не въ добрый часъ,
Рокъ обязалъ меня звать лишь Кумою васъ,
И оставаться вѣкъ (несносна эта дума!)
При скромныхъ лишь правахъ почтительнаго Кума.

*

М. Ѳ. КОКОШКИНОЙ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ, 1819)

Въ Альбомахъ и большимъ и маленькимъ дѣвицамъ
Обыкновенно льстятъ; я къ лести не привыкъ;
Изъ дѣтства обреченъ Парнасскимъ я Царицамъ,
И сердце — мой языкъ.
Мои для Машеньки желанья
И кратки и ясны:
Какъ дѣтскіе, невинные мечтанья,
Какъ непорочные, младенческіе сны,
Цвѣти твоя весна подъ взоромъ Провидѣнья,
И разцвѣтай твоя прекрасная душа,
Какъ ароматомъ цвѣтъ, невинностью дыша;
Роднымъ будь ангелъ утѣшенья,
Отцу, (могу ль тебѣ я лучшаго желать)
Отцу напоминай ты мать.

КЪ ГЕНЕРАЛУ ЗАХАРЖЕВСКОМУ,

НАЧАЛЬНИКУ ЦАРСКАГО СЕЛА.

(1816)

Безногій Марса другъ,
И на одной ногѣ отъ славы неотставшій!
За сердце доброе, за мужественный духъ
Любовь Царя-сподвижника снискавшій,
О Захаржескій, отдыхай
На лаврахъ съ миромъ и свободой! —
Подъ властію твоей земной Адамовъ Рай;
Живи съ друзьями и природой;
И ежели до поздныхъ дней
Ты хочешь сохранить миръ сердца не тревожнымъ,
Не слушая сужденія людей,
Слѣпцовъ, надутыхъ счастьемъ ложнымъ,
Гоняй ты чаще голубей. (*)

(*) Онъ страстно любитъ голубей, и часто самъ ихъ гоняетъ.

Р. И. СУХОЗАНЕТОВОЙ,

ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕЯ ИЗЪ П. БУРГА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ, 1816)

Въ далекой споронѣ,
Когда случипся вамъ въ мечпаньяхъ одинокихъ
Воспомнипь о друзьяхъ далекихъ,
Воспомнипе и обо мнѣ,
Взглянувъ на эпи спроки,
О помъ, кпо васъ,
Невидимыхъ и опдаленныхъ,
Увидипъ и не разъ,
Мечпой для сердца оживленныхъ.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ. (*)

(1820)

Сосѣдъ, ты выигралъ! скажу теперь и я;
Но Богъ тебѣ судья,
Навѣрную поддѣлъ ты друга!
Ты, съ Музой Греціи и день и ночь возясь,
И день и ночь не вѣдая досуга,
Блажилъ, что у тебя теперь одна и связь
Съ Плутусомъ и Фортуной;
Что Музою тебѣ божественная лѣнь,
И что тобой забытъ звукъ Лиры златострунной:
Ступилъ ты басенку, любезный Лафонтенъ!

(*) И. А. Крыловъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изучилъ самъ собою древній Греческій языкъ; но во все это время скрывая отъ меня свои занятія, и увѣряя, что онъ ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ играетъ въ карты, наконецъ, къ изумленію моему, обнаружилъ свои свѣденія очень забавно.

Къ себѣ онъ заманивъ Гомера, Ксенофона,
Софокла, Пиндара, и мудреца Платона,
Два года у ночей сонъ сладкій отнималъ,
Лѣнивецъ,
Что бъ старыхъ Грековъ обобрать;
И къ тайнамъ слова ихъ ключь выигралъ, счаст-
ливецъ!
Уменъ, такъ съ умными онъ зналъ на что играть.

Крыловъ, ты выигралъ богатства,
Хотя не серебромъ:
Не въ серебрѣ же всѣ пріятства:
Ты выигралъ такимъ добромъ,
Котораго по смерть, и какъ ни растачаешь,
Ни проживешь, ни проиграешь.

АНЕТѢ О.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Жила, была.....
Но нѣтъ, пора прошла,
Какъ были вы Анеточкой-малюткой,
Какъ васъ я забавлялъ иль сказкою, иль шуткой.
Дни дѣтства протекли;
Вы разцвѣли;
Вы не Анеточка, вы барышня Анета:
Не сказкой, истиной пора вашъ умъ питать.
Внимайте жъ голосу питомца Музъ, Поэта;
Онъ будетъ истину вѣщать:
Вы очень умная и милая Анета!
О, будьте ею навсегда!
Блистайте, какъ теперь, наслѣдственнымъ богат-
ствомъ,
И сердца добротой и разума пріятствомъ.

И если я когда
Въ страны далекія заброшенный судьбою,
Опять предстану вамъ, старикъ сѣдой, съ клюкою,
Пускай найду васъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ нахожу:
И гордостью семьи и радостію свѣта;
Пускай и старецъ я, увидѣвъ васъ, скажу:
Ахъ здравствуй, умная и милая Анета!

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Дорогой скучною, погодой все суровой,
Тащу я жизнь мою сегодня сорокъ лѣтъ.
Чтожъ нахожу сегодня, въ годъ мой новой?
Да больше ничего, какъ только сорокъ лѣтъ.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ,

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МАТЕРИ, НА ГОЛОСЪ:

Боже, Царя храни.

Радость дѣтей, любовь,
Васъ къ выраженью — словъ
Мы не найдемъ!

Мы ихъ движенія,
Въ день восхищенія,
Съ гласомъ моленія
Къ Богу прольемъ:

Боже, услышь дѣтей!
Знаешь, о чемъ душей
Молятъ они:

Всѣми почтенную,
Намъ драгоцѣнную,
Мать несравненную,
Боже, храни!

КЪ ***. ИЗВИНЕНІЕ.

(1818)

Въ разлукѣ съ вами,
Когда вы предъ глазами
И чаще и живѣй,
Чѣмъ въ мигъ присутствія и даже разговора;
Когда я самъ, не потупляя взора,
Смѣлѣй на васъ гляжу, къ вамъ говорю смѣлѣй,
И болѣ въ мигъ, чѣмъ въ цѣлой день свиданья;
Въ такой я часъ, о сладкій часъ мечтанья!
Хотѣлъ въ Альбоумѣ къ вамъ написать — Сонетъ,
Иль Оду, иль Кантатъ, иль просто — родъ Посланья;
Но нѣтъ!
Что мнѣ о Тётушкѣ душа моя шептала,
То, какъ *Сударинѣ*, я могъ бы вамъ сказать;
Но что Сударынѣ хотѣлъ поэтъ писать,
За то бы *Тётушка* мнѣ дурака сказала.
И такъ, подумалъ я, умнѣе замолчать,
Съ душой поэту не шептаться,
И скромникомъ — племянникомъ остаться;
Хоть истину сказать,
Труда не мало въ этомъ:
Близъ васъ заговоритъ и *Дядюшка* поэтомъ.

ЧУДО НА МАСЛЕНОЙ НЕДѢЛИ. (*)

(1826)

На Масленой недѣли
Въ смиренный уголъ мой влетѣли
Три красоты,
Прелестныя, какъ сестры Феба!
И чѣмъ-то не земнымъ дышали ихъ черты;
Надъ головами ихъ играло пламя неба. —
Одна — душой лица, могуществомъ очей
Не говоря, для сердца говорила
Сильнѣе всѣхъ рѣчей! —
Другая — лишь вступила,
И я узналъ тебя, владычица сердецъ,
Тебя, прекрасная царица Руской сцены!
А третья, дочерью казалась Мельпомены,
И обвивалъ чело ей Таліи вѣнецъ;

(*) На пріѣздъ ко мнѣ Семеновой старш. *вмѣстѣ* съ обѣими Колосовыми: союзъ дарованій, по тогдашнимъ ихъ отношеніямъ, не ожиданный.

Веселой умъ сверкалъ изъ быстрыхъ взоровъ,
Въ устахъ дышала жизнь и прелесть разговоровъ.
Они явилися въ проёмъ, рука съ рукой,
Рука съ рукой и улетѣли. —
И видѣлъ я даровъ союзъ святой,
Да, чудо видѣлъ я на Масленой недѣли!
И молвилъ я: о тройственный союзъ
Царицъ по дарованью!
Да сохранится святость вашихъ узъ
На перекоръ враждебному желанью;
Пусть лопнетъ завистью раздутый человѣкъ
Скорѣй, чѣмъ разорветъ вамъ узы золотые;
И чудомъ каждая вы будете въ Россіѣ
И достопамятнымъ и славимымъ во вѣкъ!

ГРАФУ ***

КОТОРЫЙ, ВОСХИЩАЯСЬ ИГРОЮ ТРАГИЧ. АКТРИСЫ СЕМЕНОВОЙ, ГОВОРИЛЪ МНѢ, ЧТО САМЪ АПОЛЛОНЪ УЧИТЪ ЕЕ.

Извѣстно, Графъ, что вамъ пріятель Аполлонъ.
Но если этотъ небожитель —
(Знать есть и у боговъ тщеславіе своё:)
Шепнулъ вамъ, будто онъ
Семеновой учитель;
Не вѣрьте, Графъ, ему; спросите у неё.

АМБРА.

Амбра, душистая Амбра, скольких ты и мух и
червей
Предохраняешь от тлѣнья!
Амбра — Поэзія: что безъ нее именитость людей?
Блескъ метеора, добыча забвенья!

А. А. О.

(ВЪ АЛЬБОМЪ, 1827.)

И новой годъ и Альбомъ новой!
А что еще милѣй — Владѣлица его!
Какой предметъ прелестный для того,
Кто, Музами любимъ, съ душой, всегда готовой
На впечатлѣнія прекраснаго всего,
Ихъ такъ легко изображаетъ!
Кто, записной поэтъ, гармоніей стиховъ
Красавицъ нѣжитъ слухъ, и звукомъ сладкихъ словъ
Такъ сердцу сладостно ласкаетъ!
Я, отставной поэтъ, Парнасскій инвалидъ,
Служитель истины суровой,
Что новое могу вписать въ вашъ Альбомъ новой?
Что вы полны пріятностей Харитъ? —
Не новость: зеркало вамъ тоже говоритъ.

Что милы вы, умны? — Но и въ чертогахъ Царскихъ,
И въ теремахъ боярскихъ,
Гдѣ вы блистаете умомъ и красотой,
Тожъ самое жужжитъ гостей веселый рой. —

И такъ, и въ истинахъ, ни сколько вамъ не
льстивыхъ,
Я упрежденъ; всѣ слышали вы ихъ,
И, можетъ быть, изъ устъ любезниковъ младыхъ,
И болѣе меня краснорѣчивыхъ. —
Остались мнѣ для васъ желанія одни;
Но вѣрьте, искренны и пламенны они:
Цвѣтите вы, какъ роза молодая
Подъ небомъ голубымъ безоблачнаго Мая;
Неувядаемой и въ самыхъ поздныхъ дняхъ
Душевной красотой плѣняйте взоры свѣта;
И хоть забудете вы о моихъ стихахъ,
Но помните меня, васъ часто на рукахъ
Носившаго поэта.

КЪ ***,

НА ПОЛУЧЕНІЕ ТУРЕЦКАГО КОШЕЛЬКА, СЪ МАЛЕНЬКОЮ ЗОЛОТОЮ МОНЕТОЮ.

(1830)

Вашъ кошелёкъ, Востокомъ ароматный,
И носу моему и сердцу даръ пріятный!
Но, не съ монетой золотой
Желалось бы имѣть отъ васъ мнѣ даръ такой;
Нѣтъ, вы бъ не золотомъ меня обогатили;
А если бъ въ маленькой вы кошелёкъ вложили
Хоть маленькую часть любезности своей,
И вкуса и ума и вашего пріятства,
Вы, съ малымъ кошелькомъ, мнѣ дали бы богатства;
Вы сдѣлали бъ — что я у всѣхъ людей
И милымъ бы прослылъ и умникомъ считался,
И всѣмъ — и даже вамъ, любезнѣй бы казался.

*

КЪ КАЮЩЕЙСЯ ГРѢШНИЦѢ.

(1827)

Когда бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ,
И такъ же каялися мило;
Отъ нихъ для Петербургскихъ дамъ
Въ раю бъ тѣсненько было.
Я знаю, при Дворѣ и вы не не грѣшны;
Я слышалъ, Фрейлины васъ часто осуждаютъ,
Что слишкомъ милы вы, любезны и умны;
Но Фрейлины однѣ (причину впрочемъ знаютъ)
Любезныхъ сихъ грѣховъ другъ дружкѣ не прощаютъ.

Не слушайтеся ихъ, скажу тихонько вамъ;
Грѣшите каждый день, не каясь Iерею,
Веселостью ума, любезностью своею;
И будьте, по своимъ плѣнительнымъ грѣхамъ,
Вы первой грѣшницей межъ Петербургскихъ дамъ.

ЧТО ЗНАЧИТЪ, *Любить.*

(Изъясненіе для Словаря. 1816)

По цѣлымъ днямъ чего-то все желать,
Чего? не понимая;
Зарадоваться вдругъ, и въ слѣдъ за тѣмъ—вздыхать,
О чемъ, не очень зная;
Все утро проскучать и вечера хотѣть,
А вечеромъ объ утрѣ сожалѣть;
Спросить себя, когда надеждой можно льститься;
Надеждой льстить себѣ, какъ надобно спроситься;
Всѣмъ жертвовать и трепетать,
Не мало ли еще пожертвовано было?
Терзаться тѣмъ, что прежде веселило;
Страдать и обожать страданія свои;
Вдругъ ненавидѣть ихъ, съ самимъ собой сражаться;
И вдругъ, забывъ страданія свои,
Въ мечты блаженства погружаться;

То робкимъ иногда, то слишкомъ дерзкимъ быть,
То подозрительнымъ, то очень легковѣрнымъ;
Всѣмъ вѣрить, и считать на свѣтѣ все невѣрнымъ;
Чужому все открыть, отъ дружбы все таить;
Соперникомъ считать невиннаго душою;
Короче: ночью сна, а днемъ не знать покою,
Вотъ смыслъ, но слабою наброшенный рукою,
Глагола страшнаго, *любить;*
Вотъ что испытывалъ, (я знаю надъ собою)
Кто въ жизни разъ влюбленымъ былъ,
И вотъ зачѣмъ никто два раза не любилъ.

ПЕРСТЕНЬ.

(1817)

О перстень, часто на рукахъ
Увянувшей любви блестящая примѣта,
Или залогъ надеждъ лелѣемыхъ въ сердцахъ —
Что скажешь на рукѣ ты у меня, поэта?
Ни слова, ни кому, какъ дружбы знакъ простой.
Но, перстень золотой!
О милый даръ волшебницы мнѣ милой!
Ей — выскажи ты все, тверди ей про меня,
И будь съ сего же дня
Мой талисманъ надъ ней съ неотразимой силой,
Но талисманъ лишь для меня.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ

ПѢСНИ

НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ.

Желающіе имѣть понятіе, болѣе полное объ сихъ Пѣсняхъ, могутъ читать оныя въ особенной Книжкѣ, 1825 года напечатанной, гдѣ найдутъ *Введеніе* къ нимъ, и *сравненіе* Пѣсенъ Греческихъ съ Рускими. Здѣсь печатаются одни, для ихъ ясности необходимые, краткіе примѣчанія.

ПѢСНИ КЛЕФТИЧЕСКІЯ.

I.

ОЛИМПЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Это одна изъ древнѣйшихъ и лучшая изъ Клефтическихъ Пѣсенъ, въ Собраніи Г. Форіеля напечатанныхъ. Въ сочиненіи и подробностяхъ ея видно, болѣе нежели въ другихъ, дикой смѣлости соображенія и тѣхъ дерзкихъ порывовъ генія, той сильной простоты, которыя составляютъ свойство сихъ произведеній. Форіель предполагаетъ, что она сочинена въ Ѳессаліи, но извѣстна въ цѣлой Греціи. Французскій Издатель изъ трехъ разныхъ копій составлялъ текстъ; но въ его изданіи опущены стихъ 2 и 9й, которые, по совѣту отца Экономоса, я внесъ, какъ принадлежащіе сей Пѣсни и дающіе оной больше ясности. 2й изъ нихъ: *И первый за сабли, за ружья другой,* означаетъ споръ за сражающихся саблями и ружьями. *Киссавъ*, нынѣшнее названіе горы Пеліона; *Коньяры*, племя Магометанъ, самое презрѣнное у Грековъ; *Ксеромеръ* и *Луру* — Армаполики въ Акарнаніи.

I.

ОЛИМПЪ.

Заспорили горы, Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимпъ обернулся, къ Кисаву шумитъ:
Молчи, пресмыкайся во прахѣ, Киссавъ,
Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;
Гдѣ ключь лишь, тутъ знамя, гдѣ дерево, Клефтъ.
Сидитъ у меня на вершинѣ орелъ,
Въ кохтяхъ у орла — голова храбреца.
Клюетъ онъ ее и распрашиваетъ:
„Что сдѣлала ты, удалая глава!
За что, какъ у грѣшника, срублена съ плечь?"
„Съѣдай мою молодость, птица-орелъ,
Съѣдай мою храбрость; твои подростутъ
И крылья на локоть и кохти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ Армато́лъ
И Клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;
Сто Агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ;
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мной....
Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой — легъ въ битвѣ и я!"

II.

СОНЪ ДИМА.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Димъ, или Димосъ, сокращенное имя Димитрія. Димъ, Капитанъ Клефтовъ, погибъ жертвою своей гордости и отваги. — Албанцы подстерегли его и засѣли убить; но онъ не хотѣлъ послушаться совѣта друзей, не хотѣлъ переодѣться, что бы не быть узнаннымъ, и убитъ неожиданно. Содержаніе Пѣсни есть разсказъ сна, которымъ пораженъ Димъ, какъ предчувствіемъ несчастія. Въ сочиненіи есть что-то поэтическое и необыкновенно оригинальное; птицы и многія свойства Пѣсни сильно напоминаютъ Пѣсни Рускія.

II.

СОНЪ ДИМА.

Не разъ и не два я говаривалъ Диму:
Понизь свою шапку, доспѣхъ свой прикрой;
Албанцы примѣтятъ, Албанцы убьютъ,
Узнавъ по сребру и по гордому виду. —
Кокуютъ кокушки кругомъ по горѣ,
Кричатъ куропатки, сидя подъ горою;
А малая пташка, слетѣвши съ небесъ,
Щебечетъ, надъ Димовой сѣвъ головою.
Не птицей, не ласточкой пташка поетъ,
Поетъ, говоритъ языкомъ человѣчьимъ:
„Что блѣденъ, что смутенъ сего дня ты, Димъ?“
„Ты хочешь то вѣдать, скажу тебѣ, пташка!
Пришелъ отдохнуть я, немного соснуть;
Заснулъ лишь, и вдругъ въ первосоньи я вижу:
Потусклое небо, кровавыя звѣзды,
Кровава булатная сабля моя!“

III. IV.

БУКОВАЛЛЪ и ИВАНЪ СТАѲА.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Буковаллъ, одинъ изъ славнѣйшихъ Капитановъ Клефтскихъ, былъ изъ Акарнаніи, сражался съ Турками въ горахъ Аграфскихъ и прославился своею побѣдою надъ Вели, дѣдомъ извѣстнаго Али-Паши. — *Керàссово и Кенỳріо* — деревни, между которыми сражается Буковаллъ. Первыя три стиха сей пѣсни сдѣлались общими въ Поэзіи Клефтической тѣмъ образцомъ приступовъ для однородныхъ пѣсенъ, о которыхъ говорено во Введеніи. — Пукевилъ такъ же напечаталъ сію пѣсню въ своемъ Путешествіи въ Грецію (Т. 3. ст. 16.), но со списка, какъ видно, дурнаго, искаженную, лишенную всякаго смысла, и удивляется, отъ чего она такъ славна въ Греціи, любима Шипетарами, и производитъ, какъ говоритъ самъ, магическое дѣйствіе надъ Албанцами-Христіянами. Пѣсня, Иванъ Стаѳа, занимательна, сколько по родству героя съ Буковалломъ, столько и по содержанію: другой о морскихъ Клефтахъ въ Собраніи не находится.

III.

БУКОВАЛЛЪ.

Что за шумъ, что за громъ раздается кругомъ?
Не быковъ ли то бьютъ, не звѣрей ли травятъ?
Нѣтъ, то бьютъ не быковъ, не звѣрей то травятъ:
То сражается съ Турками Клефтъ Буковаллъ,
И сражается онъ противъ тысячи ихъ;
Отъ Керассово дымъ до Кенуріо легъ.
Бѣлокурая дѣва кричитъ изъ окна:
„Перестань Буковаллъ воевать и стрѣлять;
Пусть уляжется пыль, пусть подымется дымъ,
Сосчитаемъ, узнаемъ, скольких у насъ нѣтъ.“ —
Сосчиталися Турки, ихъ нѣтъ пяти сотъ;
Сосчиталися Клефты, троихъ не дочлись.
Отлучились съ побоища два храбреца:
За водою одинъ, за ѣдою другой;
А третій, храбрѣйшій, стоитъ подъ ружьемъ.

IV.

С Т А Ѳ А.

Чорный корабль у Кассандры бреговъ разъѣзжалъ:
Чорные парусы, флагъ голубой развѣвалъ:
Встрѣчу корвета подъ флагомъ багровымъ летитъ:
„Сдайся! спусти паруса!“ налетая кричитъ.
„Я не сдаюсь, не спускаю моихъ парусовъ!
Къ вамъ не жена, не невѣста пришла на поклонъ:
Зять Буковалла предъ вами, Иванъ я Стаѳа.
Бросить канаты, товарищи, носъ напередъ!
Бейте невѣрныхъ! пролейте Турецкую кровь!“
Турки на встрѣчу, и сшибся съ корветой корабль.
Первый Стаѳа устремляется, съ саблей въ рукахъ.
Кровь черезъ палубу хлещетъ, багровѣетъ зыбь;
„Алла!“ невѣрные взвыли и храбрымъ сдались.

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Надобно предполагать, что два Клефта, врагами, или какимъ либо случаемъ, принуждены были удалиться отъ родины; а область другая — для Грека чужбина, земля печальная, которой онъ никогда не именуетъ не прибавляя эпитета ἔρημα, *пустынная*, эпитета, выражающаго вмѣстѣ и сожалѣніе обо всемъ сладостномъ, что должно въ ней терять, и предчувствіе всего ужаснаго, чего должно ожидать въ ней. Оба пробираясь, надобно думать, на родину, приходятъ къ возвышенію: внизу бѣжитъ рѣка, которую переплыть должно. И вдругъ одинъ изъ нихъ, какимъ случаемъ, Поэтъ оставилъ въ неизвѣстности, пораженъ смертію внезапно. — „Конецъ пѣсни, замѣчаетъ Издатель Французскій, отличается невинностію (naiveté), не много странною, но онъ совершенно во вкусѣ народа Греческаго." — Кому изъ Рускихъ конецъ сей не напомнитъ послѣднихъ стиховъ лучшей между старинными нашими пѣснями:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море
.
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА.

Бросайся, пускайся, на берегъ противный плыви,
Могучія руки раскинь ты на волны, какъ весла,
Грудь сдѣлай кормиломъ, а гибкое тѣло челномъ.
И если даруетъ Господь и Пречистая Дѣва
И выплыть, и видѣть и станъ нашъ и сборное мѣсто,
Гдѣ, помнишь, недавно Томбрійскую козу пекли;
И если товарищи спросятъ тебя про меня,
Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный!
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
Что стала несчастному чорна земля мнѣ женой,
И тещею камень, а братьями остры кремни!

VI.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Одна изъ славнѣйшихъ въ своемъ родѣ пѣсенъ. Ее поютъ во всей Греціи, съ измѣненіями, которыя доказываютъ народность ея. Она замѣчательна и потому, что изображаетъ стараго Клефта, рѣдкій примѣръ въ ихъ Исторіи, умирающаго дома, посреди семейства и своей дружины, смертію естественною. — Поразительна невинность воображенія и сила духа, дышущія въ послѣднихъ словахъ стараго Клефта, который несетъ въ гробъ жажду еще воевать съ Турками, и надежду еще дышать воздухомъ весеннимъ. — Эти черты Генія дики, но возвышенны: источникъ ихъ — чувство безсмертія.

VI.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Садилося солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
„Подите вы, дѣти, на ужинъ пора за водой;
А ты, мой племянникъ, садися, Лабракисъ, ко мнѣ.
Тебѣ моя збруя, одѣнься и будь Капитанъ;
А вы, мои храбрые, саблю мою, сироту
Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ вѣтвей;
Другіе подите, сыщите Священника мнѣ.
Въ грѣхахъ я покаюсь, я много ихъ на душу бралъ:
Арматоломъ тридцать, а Клефтомъ я двадцать былъ лѣтъ;
Но смерть наступаетъ, я мирно хочу умереть.
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,
Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Турокъ стрѣлять.
На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,
Чтобъ ласточка мнѣ прилетала весну возвѣщать,
Чтобъ красный мнѣ Май воспѣвали пѣвцы-Соловьи.“

VII.

УМИРАЮЩІЙ ІОТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Іотъ, сокращенное имя Панагіота. Первые четыре стиха сей пѣсни оборотами, распространеніями и формою сравненія очень близки къ свойствамъ пѣсенъ Рускихъ. Она полна чувства, вдохновенія, и весьма оригинальна. Послѣднія три стиха, по мнѣнію Форіеля, должны быть началомъ той пѣсни старинной, какую умирающій Клефтъ поетъ, или хочетъ пѣть, какъ напоминающую для него все, что онъ наиболѣе любилъ въ жизни, которую теряетъ.

VII.

УМИРАЮЩІЙ ІОТЪ.

Проснулся я рано, поднялся я раньше разсвѣта,
Водой умывался, водою отъ сна освѣжался,
И слышу, и сосны и дубы шумятъ по дубравѣ,
А Клефты въ пещерѣ надъ ихъ предводителемъ плачутъ.
„Проснися, Іотъ! отъ тяжелаго сна подымися:
Враги сослѣдили, враги въ насъ готовятся грянуть!“
„Но что мнѣ сказать вамъ, несчастные, храбрые други?
Горька во мнѣ пуля и рана моя неизцѣльна;
Съ одра подымите, на камень меня посадите,
И дайте вина мнѣ; хочу, умирая, напиться!
Хочу я пропѣть заунывную старую пѣсню:
„За чѣмъ я теперь не стою на горѣ на высокой?
„За чѣмъ я теперь не сижу подъ дубравою темной,
Гдѣ овцы и агнцы по пажитямъ тучные бродятъ?“

VIII.

П Л І А С К А.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Пліа̀ска имя не Греческое; Клефтъ сей долженъ быть Албанецъ, или Волохъ. Раненый, онъ видно не хотѣлъ болѣе вступать въ дружины храбрыхъ, и потерялъ жизнь, какъ бы въ наказаніе. Мысль объ Олимпѣ достойна лучшихъ Поэтовъ древней Греціи. Собственные имена людей и областей суть имена знаменитыхъ Капитановъ Клефтскихъ и ихъ Арматоликовъ. *Турна̀въ* или *Турна̀во* есть въ Греціи округъ, городъ и деревня.

VIII.

ПЛІАСКА.

Слегъ нашъ Пліаска, лежитъ при печальномъ потокѣ,
Бѣдный, по поясъ въ водѣ и воды еще жаждетъ.
Съ птицею, съ ласточкой онъ разговоры заводитъ:
„Естьли ли мнѣ, птица, лѣкарство? мнѣ чѣмъ излѣчить мою рану?“
„Хочешь лѣкарства ты? хочешь ты вылѣчить рану?
Встань, и взойди на Олимпъ, на прекрасную гору:
Храбрые тамъ не больны, и больные тамъ храбры.
Тамъ у безчисленныхъ Клефтовъ четыре начальства;
Тамъ они дѣлятъ сребро, раздаютъ Капитанства.
Нику Потамія, Хресту достался Алассонъ,
Толій на нынѣшній годъ Капитанъ въ Катеринѣ,
Младшій Лазопулъ по жребію взялъ Платамону.“
Всталъ и Пліаска несчастный, побрелъ злополучный;
Въ Турновъ пошелъ: разгуляюсь по Турнову, думалъ;
Слѣдомъ Албанецъ, и голову снесъ ему саблей.

IX.

АНДРИКО.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Андрико, знаменитѣйшій изъ Капитановъ Арматольскихъ, оставившій по себѣ болѣе всѣхъ славы, и славы прекрасной. Трудно найти Грека, который бы не зналъ имени Андрика, который бы не произносилъ его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Андрико сражался за свободу Греціи, когда еще Греція не чувствовала своего могущества. Въ первыхъ годахъ молодости, характеромъ гордымъ и независимымъ сдѣлавшись подозрителенъ Правительству Турецкому, онъ принужденъ былъ жить въ горахъ, Клефтомъ. Въ 1770 году, когда Морея пытались возстать противу Порты, онъ съ своими Паликарами явился къ Арміи Россійско-Греческой. По отплытіи Русскихъ, Андрико въ сраженіяхъ противу Турокъ, съ тремя стами храбрыхъ, а особенно въ безпрерывномъ отступленіи своемъ къ Патрасу, преслѣдуемый или окружаемый лучшимъ войскомъ Турецкимъ, оказалъ подвиги, наполнившіе славою его цѣлую Грецію, и былъ общимъ голосомъ Грековъ названъ первымъ изъ храбрыхъ. Съ 1786 года война вновь началась между Россіею и Портою, и Андрико вновь старался возбудить Мореянъ къ

возстанію. Послѣ этого сдѣлавшись еще болѣе ненавистенъ Туркамъ, и не могши покойно оставаться въ Греціи, онъ рѣшился было ѣхать въ Петербургъ, чтобы предложить себя Правительству въ службу военную. Но Венеціяне, въ то время потворствовавшіе Портѣ, схватили его и отослали въ Константинополь. Диванъ, можетъ быть, уважая храбрость Андрика, можетъ быть, надѣясь обратить къ Исламизму, не казнилъ его, а заключилъ въ темницу. Говорятъ, что Султанъ предлагалъ ему свободу и почетную шубу съ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался Мусульманиномъ. Андрико отвѣчалъ, что онъ умретъ Христіяниномъ, и остался въ темницѣ, въ темницѣ и умеръ около 1800 года.

Сколько онъ былъ славенъ силою духа, столько былъ знаменитъ и удивителенъ силою тѣла, высотою и красотою роста, грознымъ величіемъ лица и взора. Ни чьи усы не имѣли такого вида и знаменитости какъ его. Въ случаяхъ, когда они могли безпокоить, онъ туго ихъ свивалъ, и усъ съ усомъ связывалъ сзади головы. Наружность столь дикая, столь грозная, скрывала душу нѣжную, спокойную, способную на всѣ дѣла великіе. Тѣ, которые не знаютъ подвиговъ Андрика, уважатъ его безъ сомнѣнія, узнавъ, что онъ отецъ *Одиссея*, героя, которому новая Греція ввѣрила храненіе Термопилъ. Вотъ почему перевелъ я пѣсню о немъ, слабую, въ сравненіи съ другими, но по предмету достойную вниманія. Мать сокрушается объ отсутствіи сына, когда онъ, можетъ быть съ Рускими, подвизался въ Мореи. — *Аспръ* и Аспро-Потамосъ, древняя рѣка Ахелой; *Карпеница* — область.

IX.

АНДРИКО.

Андрика машь горюешъ, Андрика машь рыдаешъ;
На горы часшо смоmришъ, и горы проклинаешъ:
„О горы Аграиды! о дикіе ушесы!
Чшо сдѣлали вы съ сыномъ, съ Андрикомъ Капи-
шаномъ?
Гдѣ онъ? и ошъ чего все лѣшо не являлся?
Не чушь о немъ на Аспрѣ, не чушь и въ Карпеницѣ.
Будь прокляшы Героншы, и шы, Георгій Чорный!
Услали вы мнѣ сына, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ.
О рѣки, упадише! къ исшокамъ побѣгише!
И вѣрный пушь Андрику ошкройше въ Карпеницу!"

X.

КАЛЪЯКУДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Калъякудъ былъ Протопаликаръ (Адъютантъ) Андрика. Избѣгая преслѣдованій, жертвою которыхъ начальникъ его погибъ въ земляхъ, находившихся подъ покровительствомъ Венеціянъ, онъ бросился въ горы Этоліи, гдѣ мужественно воевалъ съ Турками и Албанцами. Пѣсня сія трогательна, оригинальна и живописна: печаль жены Кальякудовой, сравненія, ея обращеніе къ кораблямъ, очень въ духѣ Рускомъ. Въ 3-мъ стихѣ употреблено выраженіе оригинальное: жена Кальякуда названа, *τὴν Λοὺκαιναν:* это родъ прозванія жены по имени мужа; оно употребляется и у насъ между народомъ; жену Николая, Лукьяна, Ивана, называютъ: Николаиха, Лукьяниха, Иваниха; но имя Луки, какъ и нѣкоторые другіе, своимъ измѣненіемъ можетъ означить только отчество, Лукична, но не прозваніе. Послѣдніе стихи пѣсни — легко начертанная, но живая картина горной жизни Клефтовъ.

X.

КАЛЬЯКУДЪ.

Зачѣмъ я не птица! взлетѣлъ бы, взвился бы высоко!
Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Итаку
печальный;
Послушалъ бы я, какъ младая жена Кальякуда
Тоскуетъ, горюетъ, и черными плачетъ слезами.
Какъ утица перья, она свои кудри терзаетъ;
Какъ крылья у ворона, платья все черныя носитъ.
Сидитъ подъ окошкомъ и смотритъ на синее море,
И всѣ корабли и морскіе суда вопрошаетъ:
„Суда, корабли, золочены ладьи, бригантины!
Въ печальный ли Вальтосъ, изъ Вальтоса ль, быст-
рыя, мчитесь, —
Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Кальякудѣ!“
„Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гавроли́ми:
Сидѣлъ Капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ дру-
жиной;
Пеклись для него на рожнахъ молодые бараны,
А рожны тѣ ворочали пять полоненныхъ имъ Беевъ.“

*

XI.

ГИФТАКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Гифтàкъ, изъ Акарнаніи, потомокъ Буковалла, котораго родъ Али-Паша преслѣдовалъ до послѣдняго человѣка, мстя за позоръ дѣда своего, Буковалломъ побѣжденнаго. Юсуфъ-Арапъ, полководецъ Али-Паши, прозывавшагося Тебелиномъ. Первые два стиха составляютъ также приступъ, не принадлежащій собственно сей пѣсни, но многимъ.

XI.

ГИФТАКЪ.

Водъ жаждутъ долины, снѣговъ островерхія горы,
И ястребы пташекъ, а Турки головъ Христіянскихъ.
„Что съ матерью сталось, съ Гифтаковой матерью бѣдной?
Двухъ милыхъ сыновъ, да и третьяго, въ братѣ лишилась,
И умъ потеряла; безумная бродитъ и плачетъ.
Но гдѣ? не видать ни въ горахъ, ни въ поляхъ злополучной?"
Она, говорили, брела ко овчарнямъ Волоховъ.
А тою порою стрѣльба тамъ изъ ружей гремѣла;
И то не на праздникѣ, то не на свадьбѣ стрѣляли:
Свинцомъ тамъ Гифтакъ и въ колѣно и въ руку простреленъ.
Какъ древо разбитъ, какъ младой кипарисъ повалился —

И голосомъ зычнымъ вскричалъ молодецъ озираясь:“
„Гдѣ, милый ты братъ мой? любезнѣйшій другъ,
воротися!
Умчи ты меня, иль умчи мою голову съ поля,
Чтобъ Чорный Юсуфъ, чтобъ Албанцы ее не от-
сѣкли
Отнесть во Янину, Янинскому псу Тебелину.“

XII.

СКИЛЛОДИМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРИМѢЧАНІЯ.

Суровые люди, Клефты, отличаются добродѣтелями, достойными душъ образованныхъ. Поведеніе ихъ въ отношеніи къ женщинамъ заслуживаетъ вниманіе. Имъ часто случается приводить въ плѣнъ дочерей, или женъ Турецкихъ, даже Греческихъ, и держать ихъ нѣсколько дней въ своей власти, среди горъ и лѣсовъ дремучихъ, пока не получатъ выкупа. Но ни Капитанъ, ни его Паликаръ никогда не позволятъ себѣ нанесть малѣйшее оскорбленіе плѣнницѣ. Капитанъ, который осмѣлится оскорбить ее, будетъ немедленно оставленъ Паликарами; разсказываютъ, что одинъ былъ за это умерщвленъ ими, какъ человѣкъ навсегда себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Сія благородная черта нравовъ и чувствованій Клефтовъ видна въ пѣсни Скиллоди́мъ. Гордость, съ какою женщина отказываетъ въ легкой услугѣ Начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, выражаетъ, кажется, очень крас-

норѣчиво, до какой степени она была увѣрена въ уваженіи сего Начальника и его подчиненныхъ. Такихъ людей Сципіонъ не удивилъ бы, что онъ не оскорбилъ своей плѣнницы.

Кромѣ сей черты нравственной, и картины необыкновенно живописной, какою открывается пѣсня, она не менѣе замѣчательна по роду драматическаго искуства, съ какимъ произшествіе, составляющее предметъ, раскрывается въ ней, не просто, не быстро, какъ въ другихъ пѣсняхъ, но связанное и какъ бы прерываемое небольшими приключеніями, которыя увеличиваютъ любопытство.

Братъ Скиллодима, Спиросъ, въ 1806 году, впалъ, не извѣстно какимъ случаемъ, въ руки Али-Паши, который бросилъ его въ ужасную Янинскую темницу. Скоро, послѣ чудеснаго избавленія, Спиросъ вошелъ въ милость Али-Паши и былъ Протопаликаромъ у Одиссея, когда его Али-Паша назначилъ Управляющимъ Ливадіею.

XII.

СКИЛЛОДИМЪ.

Подъ зелеными елями ужинапь сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливапь при себѣ посадилъ онъ Ирену.
„Наливай мнѣ, красавица, пипь наливай до упра,
До восхода денницы, какъ пы полонянка, румяной.
По упру я пебя оппущу съ Паликарами въ домъ.“
„Не рабыня я, Димъ, чпобъ вино для пебя наливапь:
Я невѣспка Проеспа, я дочь городскаго Архонпа!“
На зарѣ, на разсвѣпѣ два лѣсомъ прохожихъ идупъ,
Съ бородами оппросшими, съ чорными лицами оба;
Къ Скиллодиму подходяпъ, привѣпспвуюпъ оба его:
„Скиллодиму день добрый!“ — „Добро вамъ пожаловапь! Кпо вы?
Да и какъ вамъ прохожимъ извѣспно, чпо я Скиллодимъ?“

„Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса
брата.“
„Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его?“
„Мы видали его во Янинѣ, въ глубокой темницѣ;
По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сидѣлъ.“
Зарыдалъ Скиллодимъ, и съ тоски побѣжалъ отъ
прохожихъ.
„Воротись Скиллодимъ! ты отъ брата бѣжишь,
Капитанъ.
Не узналъ ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ!“
И узналися братья и крѣпко они обнялись,
Цѣловалися сладко, въ уста цѣловались и въ очи.
Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
„Но садися, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай,
И когда ты, и какъ отъ Албанскихъ избавился рукъ?“
„Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
Я решотку сломалъ, я скакнулъ изъ окошка на топь,
Я сыскалъ тамъ челнокъ, черезъ озеро птицей
проплылъ,
И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя
горы.“

ТАНКРЕДЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВОЛЬТЕРА.

(*Переведена* 1809)

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВОЙ РАЗЪ 1810 ГОДА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРЖИРЪ,
ТАНКРЕДЪ,
ОРБАССАНЪ, } Рыцари.
ЛОРЕДАНЪ,
КАТАНЪ,

АЛЬДАМОНЪ, воинъ.

АМЕНАИДА, дочь Аржира.

ФАНИ, наперстница Аменаиды.

Многіе Рыцари, присутствующіе въ совѣтѣ, щитоносцы, воины и народъ.

Дѣйствіе въ залѣ совѣта въ Аржировомъ домѣ, потомъ на площади.

ТАНКРЕДЪ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Собраніе Рыцарей, которые сидятъ полукружіемъ.

АРЖИРЪ.

Вожди и рыцари, Сициліи сыны,
Герои-мстители отеческой страны!
Вы, престарѣлые мои почтивши лѣта,
Собрались у меня для важнаго совѣта,
Какъ намъ несущихъ брань тирановъ отразить,
И славу и покой отчизнѣ возвратить. —

Давно сей стонетъ градъ отъ нашихъ распрь не-
счастныхъ.
Безплодно мужество, гдѣ нѣтъ сердецъ согласныхъ.
Пора — соединясь на Мусульманъ возстать;
О други! намъ пора отъ гибели спасать
Стяжанныхъ кровью благъ остатокъ драгоцѣнный,
Для благородныхъ душъ всѣхъ болѣе священный,
Свободу: — вотъ о чемъ пещись мы всѣ должны. —
Два сильные врага сей бѣдственной страны,
Бичи народныхъ правъ, враги святой свободы,
Византскіе цари, Срацинскіе народы
Презрѣннымъ рабствомъ намъ досель еще грозятъ.
Сіи властители вселенную дѣлятъ,
И спорятъ лишь о томъ, какой тиранъ межъ ними
Насъ въ правѣ отягчитъ оковами своими. —
Уже Мессину Грекъ тиранствомъ утѣснилъ,
Надменный Соламиръ давно поработилъ
И Этной пламенной вѣнчанныя равнины,
И древній Агригентъ и Эннскія долины.
Все предвѣщало намъ паденье Сиракузъ,
Отечеству позоръ и бремя рабскихъ узъ!
Но алчные враги взаимно взревновали;
Возставши насъ терзать, другъ на друга возстали,
Ведя о жертвѣ споръ, лишились сами силъ.
Къ свободѣ вѣрный путь самъ Богъ для насъ от-
крылъ!

Вотъ мигъ тотъ счастливый и жданный многи лѣта:
Уже старѣется величье Магомета;
Европу менѣе страшитъ уже сей врагъ:
Во Франціи Мартель, въ Гишпаніи Пелагъ,
И церкви Римской вождь, Леонъ, поборникъ вѣры,
Какъ гордаго смирять намъ подали примѣры. —
Я знаю, городъ нашъ раздорами смущенъ,
И прежней вольности и прежнихъ силъ лишенъ.
Не буду вспоминать дней горестныхъ предъ вами,
Когда противъ себя мы возставали сами,
Когда отчизна кровь дѣтей своихъ лила; —
Забвенью предадимъ позорныя дѣла!
Мы душу, Орбассанъ, единую составимъ,
Къ единой цѣли мы всѣ помыслы направимъ,
Чтобъ славу возвратить отеческимъ странамъ;
И, нетерпѣвшіе доселѣ равныхъ намъ,
Умремъ, не потерпѣвъ властителя надъ нами!

Орбассанъ.

Ты справедливъ, Аржиръ; межъ нашими домами
Несчастная вражда давно поселена;
Страдала отъ нее родимая страна.
Давно желаютъ зрѣть печальны Сиракузы,
Чтобы мой родъ съ твоимъ связали дружбы узы.
Аржиръ, теперь должны другъ другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезну дочь;

Отечеству, тебѣ полезнымъ быть горжуся,
И самъ, отъ алтаря, гдѣ въ томъ вамъ поклянуся,
Иду за васъ мечемъ я Соламиру мстить. —
Но должно не его единаго сразить;
И на другихъ враговъ намъ время обратиться;
Другихъ тирановъ мы должны еще страшиться,
Къ которымъ подла чернь по днесь хранитъ любовь. —
И по какимъ правамъ отъ Сенскихъ береговъ
Вездѣ скитаяся надменные Французы,
Вселились на брегахъ цвѣтущихъ Арету̀зы?
И по какимъ правамъ, странъ чуждыхъ гражданинъ,
Кусси надменный къ намъ пришелъ какъ властелинъ,
И Сиракузъ въ стѣнахъ свободно водворился?
Съ начала кротокъ былъ, и службой намъ гордился;
Но вдругъ онъ напыщенъ, какъ повелитель, сталъ.
Наслѣдства родъ его несметныя стяжалъ,
И нагло властвуя прельщеннымъ здѣсь народомъ,
Дерзнулъ возвыситься надъ Орбассана родомъ.
За то наказанъ онъ: мы всѣхъ его дѣтей
Узрѣли изгнанныхъ изъ здѣшнихъ областей. —
Танкредъ, отъ племени враждебнаго рожденный,
Еще въ младенчествѣ изъ стѣнъ сихъ удаленный,
Служилъ въ Византіи подъ знаменемъ Царей.
Онъ гордъ, и вѣрно храбръ, и вѣрно всей душей

Не терпитъ нашихъ правъ, законы презираетъ,
И чтобы намъ отмстить — лишь время избираетъ.
Француза каждаго пріязнь для насъ страшна!
Три ратника простыхъ въ недавни времена,
Скитальцы бѣдные, сыны снѣговъ Нормандскихъ,
Поставили ихъ власть въ поляхъ Апуліанскихъ,
Безъ всякихъ правъ, кромѣ единыхъ правъ войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянинъ и Грекъ, Германцы и Французы,
Всѣ пожираютъ насъ, стекаясь въ Сиракузы;
И наши, тучностью несчастные поля,
И зависть хищную и алчность воспаля,
Манятъ грабителей и съ сѣвера и съ юга.
Всѣмъ должно намъ возстать и мстить имъ другъ за друга.
Измѣну сколько разъ мы зрѣли въ градѣ семъ.
Возставимъ свой законъ и строго соблюдемъ:
Лишаетъ чести онъ и смертію караетъ
Того, кто со врагомъ въ связь тайную вступаетъ,
На гибель странъ родныхъ съ нимъ явно устремленъ:
Пощадою всегда измѣнникъ ободренъ.
Не должно снисходить ни къ возрасту ни къ роду. —
Господство утвердить и сохранить свободу
Венеція могла лишь строгостью своей.
Въ благоразуміи послѣдуемъ мы ей,
Враговъ отечества безъ жалости карая.

Лоредан.

Такъ, истинно позоръ для Сицилійска края,
Что Соламиръ, сей Мавръ, Магометанинъ сей
Находитъ для себя въ Сициліи друзей!
Что въ бранной сей землѣ, въ странѣ сей Христі-
янской,
Что между насъ самихъ властитель Мусульманской
Развратныхъ гражданъ могъ дарами закупить!
То при дворахъ царей стараясь намъ вредить,
То въ градъ нашъ съ хитрыми условьями вступая,
Тамъ бранію грозя, здѣсь миръ намъ предлагая,
Вселялъ межъ насъ раздоръ, старался обольщать,
И души роскошью восточной развращать.
Взгляните, какъ межъ насъ отъ сладкой сей отравы
Растлились честные, отческіе нравы!
И сколько нынѣ здѣсь обольщено гражданъ
Науками, трудомъ лишь праздныхъ Аравлянъ;
Они имъ преданныхъ навѣкъ порабощаютъ;
Прямые рыцари науки презираютъ.
Намъ нужно знать одно — науку побѣждать;
Другихъ наукъ, друзья, я не желаю знать.
На мужество свое, на ваше уповаю,
И такъ какъ Орбассанъ — я строгость одобряю,
Блюстительницу правъ свободныхъ областей.
Гишпанію одинъ поработилъ злодѣй.

Онъ между нами былъ, онъ можетъ вновь явиться.
Пусть каръ ужаснѣйшихъ измѣна здѣсь страшится;
Для блага общаго всю жалость истребимъ;
Сразимся съ Маврами, Танкреда отчуждимъ.
Противной крови намъ потомокъ сей послѣдній,
Свободы нашей врагъ, и врагъ всѣхъ болѣ вредный.
Совѣтъ нашъ праведно и мудро положилъ,
Чтобъ Орбассанъ въ его наслѣдіе вступилъ:
Да истребится сонмъ злодѣевъ сокровенныхъ,
Къ Танкреда имени доселѣ прилѣпленныхъ.
Его имущество да будетъ въ родъ твоимъ,
О храбрый Орбассанъ!

КАТАНЪ.

Мы все то утвердимъ. —
Танкредъ могуществомъ въ Царьградѣ пусть блистаетъ;
Пусть подвиги его Дворъ вражескій вѣнчаетъ.
Танкредъ, свою главу склонивши предъ царемъ,
Всего себя лишилъ въ отечествѣ своемъ,
И отчуждился самъ отъ нашихъ правъ священныхъ.
Да будетъ изгнанъ онъ; рабъ Кесарей надменныхъ
Въ республикѣ ничемъ не долженъ обладать. —
Но Орбассанъ — всегда стремился охранять
Свободу нашихъ правъ; такъ можноль меньшей мздою
Признательной странѣ воздать сему герою?

Аржиръ.

Люблю я дочь мою, и Орбассанъ мой зять;
Но собственность для нихъ у сироты отнять?..
Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь —

Лореданъ.

Сенатъ поносишь?

Аржиръ.

Нѣтъ, жестокостью гнушаюсь.
Когдажъ покорствовать закону должно мнѣ,
Когда въ томъ выгода отеческой странѣ,
Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассанъ.

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возметъ Танкредовъ весь удѣлъ.

Аржиръ.

Оставимъ рѣчь сію для больше важныхъ дѣлъ.
Такъ, завтра бракъ сверша, приближимъ день счаст-
ливый,
Въ который общій нашъ смирится врагъ кичливый,
И побѣдителя познаетъ Соламиръ.
Сей врагъ, соперникъ твой намъ предлагая миръ,
Съ моею дочерью дерзалъ союзомъ льститься,
И мнилъ, что долженъ я родствомъ его гордиться.
Иди, и торжествуй надъ наглымъ симъ врагомъ. —
Друзья, да будетъ нашъ готовъ весь ратный сонмъ.
Но я, лишенный силъ преклонными годами,

Повелѣвать въ бою не смѣю болѣ вами.
Да будетъ Орбассанъ вамъ вождь въ пути побѣдъ,
Якъ, старецъ, коль смогу идти за вами въ слѣдъ,
И въ томъ поставлю честь; я буду близъ героевъ,
И духомъ обновлюсь среди кровавыхъ боевъ;
И прежде чѣмъ глаза навѣки затворю,
Въ побѣдѣ надъ врагомъ еще я васъ узрю.

Лоредан ъ.

Ты будешь намъ вождемъ, и мы надеждой льстимся,
Что съ боя въ сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебѣ, иль лавры мы пожнемъ,
Или, въ глазахъ твоихъ всѣ мертвыми падемъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аржиръ и Орбассанъ.

Аржиръ.

Могули, Орбассанъ, обнять тебя какъ сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, какъ отецъ, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мнѣ?

Орбассанъ.

Увѣренъ можешь быть.

Люблю отечество, оно насъ примиряетъ;
И бракъ и общая насъ польза съединяетъ.
Но не ввелобъ ничто меня въ союзъ съ тобой,
Когдабъ душа моя, горѣвшая враждой,
И въ самой сей враждѣ тебя не почитала. —
Цѣпь новую для насъ хотя любовь сплетала,
Но не одна любовь на бракъ влечетъ меня;
Не будетъ нашъ союзъ плодомъ того огня,
Который мигъ родитъ и мигъ уничтожаетъ,
И часто въ слѣдъ за нимъ вражду лишь оставляетъ.
Сынъ Марсовъ и слуга отеческой страны,
Я не привыкъ вздыхать средь ужасовъ войны.
Надежда съ бракомъ мнѣ важнѣе представлялась:
Скрѣпленье дружбы той, что между насъ раждалась,
И слава Сиракузъ и польза обоихъ.
Любовь, предъ важностью взаимныхъ выгодъ сихъ,
Свое могущество минутное теряетъ.
Пусть узы дружества рука ея скрѣпляетъ;
Но слабый гласъ любви въ то время да молчитъ,
Когда вкругъ нашихъ стѣнъ оружіе гремитъ.

Аржиръ.

Сей гордый, бранный духъ почтеніе внушаетъ;
Но не суровость насъ, а кротость лишь плѣняетъ.
Я льщуся, что любви ты сердце покоря,
И грозное чело предъ дѣвою смиря,
Признаешь страсти плѣнъ, тебѣ конечно новый.

Орбассанъ.

Я льщусь равно, что ты простишь мой нравъ суровый:
Возросши въ воинствѣ, я къ лести не привыкъ;
Сей суетныхъ учтивствъ обманчивый языкъ,
Сія для слабыхъ душъ сокрытая отрава,
Чужда для прямоты воинственнаго нрава.
Въ Аменаидѣ я не красоты мечту,
Но добродѣтели и дочь героя чту,
И съ ней вступя въ союзъ, тобой усыновленный,
Снискать ея любовь почту за долгъ священный.

Аржиръ.

Но, призванная мной, она идетъ предъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Аржиръ, Орбассанъ и Аменаида.

Аржиръ.

Ко благу сей страны гражданъ всеобщій гласъ,
Отецъ и Богъ — тебѣ назначили супруга.
Сей рыцарь, въ комъ теперь я обрѣтаю друга,
Согласья твоего меня порукой зритъ. —
Ты знаешь, сколько здѣсь онъ саномъ знаменитъ:

Сильнѣйшій гражданинъ, къ побѣдамъ вождь избранный,
Танкреда весь удѣлъ ему закономъ данный...

Аменаида, *въ сторону:*

Танкреда!

Аржиръ.

Но не сей, ничтожной мнѣ цѣной,
Возвысится союзъ, свершаемый тобой.

Орбассанъ.

Союзъ сей лестенъ мнѣ, и будетъ лестенъ болѣ,
Коль сердце дочери отца покорно волѣ.
Да возмогу и я сей выборъ заслужить,
И счастья всѣхъ троихъ надежду совершить.

Аменаида.

Всегда твоя душа, родитель, раздѣляла
Всѣ горести мои, и счастья мнѣ желала.
Героя выборъ твой супругомъ мнѣ даетъ;
И скорбный вашъ раздоръ, пылавшій столько лѣтъ,
Когда отъ васъ навѣкъ забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогомъ остается. —
Союза важнаго всю цѣну вижу я. —
Но Орбассанъ проститъ, когда душа моя,
Разима съ юности судьбою раздраженной,
И возмущенная внезапной перемѣной,
Въ объятіяхъ отца спокоится на мигъ.

Орбассанъ.

И сдѣлать то должна; почтенныхъ чувствъ такихъ
Дочерней нѣжности я воспретить не смѣю;
Тѣхъ правъ, что надъ тобой съ сего я дня имѣю,
Во зло не обращу. Теперь — спѣшу на бой;
Мнѣ должно заслужить почтенный бракъ съ тобой;
Ласкаюсь, что въ сей день свершу надежду вашу,
И брачные вѣнцы я лаврами украшу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

Но ты смущаешься, безмолствуешь стеня,
И слезы на очахъ скрываешь отъ меня?
Упреки ясно мнѣ сей вздохъ предзнаменуетъ:
Языкъ преслушенъ намъ, коль сердце негодуетъ.

Аменаида.

Родитель! признаюсь — я думать не могла,
Чтобъ столько претерпѣвъ отъ Орбассана зла,
Ты нѣкогда престалъ пылать къ нему враждою;
Чтобъ я, соединя васъ трепетной рукою,

Супругомъ назвала злодѣя твоего?
Забуду ль ужасы раздора я того,
Какъ мятежемъ гражданъ, враговъ твоихъ къ отрадѣ,
Ты крова былъ лишенъ въ отечественномъ градѣ?
Какъ мать, гонимая въ родныхъ своихъ стѣнахъ,
Искала жалости на чуждыхъ берегахъ?
Какъ отъ груди отца оторванная съ нею,
Въ столицѣ Кесарей, съ опорой слабой сею
Дѣлила я печаль, сносила иго бѣдъ,
И злополучіе познала съ юныхъ лѣтъ! —
Но я у матери, въ странѣ чужой и дальной
Училася терпѣть изгнанныхъ рокъ печальной;
Сносить училася въ несчастіи моемъ
И гордаго Двора презорливый пріемъ,
И жалость хладныхъ душъ, тягчайшую презрѣнья! —
И въ мрачной долѣ сей, въ училищѣ терпѣнья
Примѣромъ матери образовалась я.
Но вдругъ лишась всего съ потерею ея,
Я въ мірѣ съ ужасомъ одну себя узрѣла,
Какъ тростъ пустынная защиты не имѣла! —
Но рокъ смягчился къ намъ: несчастливый сей градъ
Стяжанье, честь, права отдалъ тебѣ назадъ;
Судьбу оружія вручилъ твоей онъ длани,
И пали предъ тобой враги въ кровавой брани;
Въ объятія отца я вновь возвращена;
И новая гроза надъ мною собрана!

Ты брака моего свѣтильникъ возжигаешь;
Я знаю выгоды, которыхъ ожидаешь;
Но жертвою враговъ была до сихъ я дней;
А нынѣ зрю себя — я жертвою твоей!
И день, который вы для брака мнѣ избрали,
Быть можетъ, будетъ намъ днемъ бѣдствій и печали.

АРЖИРЪ.

Онъ будетъ счастливымъ, отцу повѣрь ты въ томъ;
Блаженства твоего не буду я врагомъ.
Любезную мнѣ дочь вручаю я герою,
Который Мавру, намъ грозящему войною,
Въ сей самый день за насъ мстить бранію готовъ;
Онъ былъ противникъ мой, теперь онъ нашъ покровъ.

АМЕНАИДА.

Покровъ? возносишь ты заслуги Орбассана;
Но блескъ меня не льститъ высокаго толь сана;
И я желала бы, чтобъ вождь толикихъ силъ
Для выгодъ собственныхъ невинныхъ не тѣснилъ.

АРЖИРЪ.

Такъ, весь Сенатъ, храня отъ рабства градъ сей вольный,
Въ Танкредѣ наказалъ родъ чуждый и крамольный.
Онъ долго власть свою намъ обращая въ вредъ,
Здѣсь пріобрѣлъ враговъ.

Аменаида.

Но и досель Танкредъ,

Коль вѣришь мнѣ молвѣ, въ семъ градѣ уважаемъ.

Аржиръ.

И мы въ немъ доблести героя почитаемъ;
Уже Иллирію, гласятъ, онъ покорилъ;
Но чѣмъ усерднѣе онъ Кесарямъ служилъ,
Отъ родины своей тѣмъ болѣ отчуждался,
И навсегда отсель законáми изгнался.

Аменаида.

Танкредъ!

Аржиръ.

Опасенъ намъ крамольника возвратъ;
Въ Царьградѣ ты могла примѣтить много кратъ
Къ намъ ненависть его.

Аменаида.

Нѣтъ! — Мавра побѣдитель,
И слабыхъ Сиракузъ былъ вѣрно бъ онъ спаситель —
Вотъ мать моя всегда какъ думала о немъ.
Когда жъ свирѣпствуя враги во градѣ семъ,
За Орбассановъ родъ всѣ на тебя возстали,
Расхитили твой домъ, родныхъ твоихъ изгнали,
Танкредъ презрѣлъ бы смерть, чтобъ защитить тебя:
Вотъ какъ судила я.

Аржиръ.

О дочь, приди въ себя:

Къ совѣтамъ нѣжнаго родителя склонися,
Съ мѣстами, съ временемъ теперь сообразися:
Танкредъ и Соламиръ и Византійскій Дворъ
Здѣсь ненавистны всѣмъ, друзья ихъ намъ позоръ!
Путь къ счастію тебѣ въ покорности остался. —
Я весь мой долгій вѣкъ за родину сражался;
Неблагодарной ей, какъ вѣрный сынъ служилъ;
Несправедливую всегда ее любилъ;
Такъ буду поступать до самой я могилы.
Послѣдуй мнѣ, утѣшь ты старца дни унылы.
Жизнь треволненную готовъ я окончать:
Твою обязана ты долгу покорять;
И съ миромъ очи я, сходя во гробъ, закрою,
Коль счастіе твое предъ смертію устрою.

АМЕНАИДА.

Заботься менѣе объ участи моей.
Не сожалѣю я, оставивъ Дворъ царей:
Родитель, все въ моемъ ты сердцѣ замѣняешь;
Но имъ поспѣшно такъ почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положась,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но все премѣнчиво. Увы! сему герою,
Быть можетъ, рано ты далъ право надо мною.

АРЖИРЪ.

Какъ, что ты говоришь?

АМЕНАИДА.

Прости, коль рѣчью сей,
Быть может, нанесла я скорбь душѣ твоей. —
Я знаю, что нашъ полъ, въ сей области свободы,
Закономъ осужденъ скрывать и гласъ природы;
Но, сердца предъ тобой не въ силахъ чувствъ сокрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачѣмъ, какъ сей союзъ предположить рѣшился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ахъ! что перемѣнить любовь твою могло?

АРЖИРЪ.

Ты, ты одна, ее употребя во зло.
Доселѣ я внималъ, скрывая гнѣвъ правдивой,
Но больше не внемлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мнѣ прервать:
Я слово далъ; ему безчестно измѣнять. —
Несчастнымъ я рожденъ, сама ты мнѣ вѣщала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный вѣкъ мой былъ, какъ море въ бурный часъ.
Порадуй, о мой Богъ, меня ты въ первый разъ!
Да дочь, сверша сей бракъ, въ немъ счастіе познаетъ,
И радостнѣй, чѣмъ я, путь жизни протекаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

АМЕНАИДА.

Танкредъ, о другъ души! какъ, мнѣ толь слабой быть?
Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, какъ онъ, и клятвамъ измѣняя,
Съ симъ хищникомъ твое наслѣдство раздѣляя,
Чтобъ я теперь могла...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АМЕНАИДА и ФАНИ.

АМЕНАИДА.

О Фани, поспѣши!
Познай, о вѣрный другъ, всю грусть моей души: —
Отцемъ я названа супругой Орбассану!

ФАНИ.

Какъ! сердцу твоему наносятъ нову рану?
Но тщетно льстился имъ кичливый Мусульманъ,
И тщетно, внявъ отцу сей рыцарь Орбассанъ
Надъ избраннымъ тобой дерзаетъ возвышаться;
Твоя душа вѣрна.

Аменаида.

Ахъ! можно ль сомнѣваться?
Танкредъ лишенъ всего, гонимъ здѣсь отъ враговъ;
Но быть въ гоненіи, героя рокъ таковъ;
А мой — его любить всѣхъ болѣе на свѣтѣ!
О Фани, въ сихъ стѣнахъ жалѣютъ о Танкредѣ?
Народомъ онъ любимъ...

Фани.

Гонимый съ юныхъ дней,
Въ своемъ отечествѣ забытъ онъ отъ друзей;
Объ участи его не многіе жалѣютъ.
Вельможи здѣсь одну корысть въ виду имѣютъ;
Народъ, сей страстью чувствъ еще не заглушивъ,
И болѣ жалостливъ...

Аменаида.

И болѣ справедливъ.

Фани.

Но здѣсь онъ угнетенъ; и сонмъ друзей сокрытой
Изгнанника сего не смѣетъ быть защитой.
Жестокъ и всемогущъ Верховный здѣсь Совѣтъ.

Аменаида.

Онъ всемогущъ, когда отсутствуетъ Танкредъ.

Фани.

О! если бы онъ могъ во градѣ семъ явиться,
Тогда могла бъ твоя надежда совершиться.

Но тщетно все, увы, отъ насъ онъ удалёнъ;
Надежда...

АМЕНАИДА.

Въ Богѣ вся! меня услышитъ онъ!
Ввѣряюся тебѣ: Танкредъ ужъ не далеко;
И какъ толпа враговъ, свершая ковъ жестокой,
Его на вѣчное изгнанье обрекла;
И какъ тирановъ власть предѣлы превзошла,
Вотъ время — и Танкредъ къ ихъ трепету явится.
Уже въ Мессинѣ онъ.

ФАНИ.

О небо! и свершится
Сей недостойный бракъ въ Танкредовыхъ глазахъ?

АМЕНАИДА.

Нѣтъ — не свершится онъ... нѣтъ, Фани, тщетенъ страхъ!
И можетъ быть, мои гонители со мною
Владыку одного признаютъ надъ собою.
Познай, открою все — но твердость намъ нужна:
Постыдно иго мнѣ — и свергнуть я должна.
Гоненьемъ робкая душа моя крѣпится.
Безчестно измѣнить, и подло покориться.
Такъ, для меня одной здѣсь явится Танкредъ,
И льщусь, того меня достойною найдетъ. —
Кто? я, отцемъ моимъ жестоко угнетенна,
Какъ слабая раба тирану обреченна,

Чтобъ я могла, какъ долгъ, измѣну совершить?...
Нѣтъ, нѣтъ! меня ничто не можетъ устрашить!
Любовь и въ робкій полъ безстрашіе вселяетъ.
Пускай моя любовь Танкреда возвращаетъ;
И если зрю бѣды въ намѣреньяхъ моихъ,
Онѣ пріятны мнѣ, любовь раждаетъ ихъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аменаида и Фани.

Аменаида.

Что дѣлаю? въ душѣ невольное волненье!
Не угрызенія ль?... родитъ ихъ преступленье,
Но небо вѣдаетъ, какъ чуждо мнѣ оно. —
Такъ, успокоимся. — (*Ко входящей Фани*) Всель, Фани, свершено?

Фани.

Невольникъ отошелъ съ письмомъ, тобой врученнымъ.

Аменаида.

Важнѣйшимъ таинствомъ, въ семъ сердцѣ заключеннымъ,
Теперь владѣетъ онъ; не сомнѣваюсь въ немъ;
Всегда онъ вѣренъ мнѣ въ служеніи своемъ;
Имъ убѣжденный Мавръ письмо мое къ Герою
Въ Мессину принесетъ съ заутренней зарёю.

*

Фани.

Страшусь — и тѣмъ однимъ я разсѣваю страхъ,
Что имя рыцаря, о коемъ въ сихъ стѣнахъ
Молва единая тирановъ ужасала,
Что имя ты сіе въ письмѣ не начертала;
И что его одинъ узнаетъ лишь Танкредъ.
Но все смущаюсь я, чтобъ небо новыхъ бѣдъ...

Аменаида.

Симъ небомъ дни мои отъ юности хранятся;
Танкредъ къ намъ имъ ведомъ, и мнѣль теперь смущаться?

Фани.

Въ другихъ предѣлахъ васъ да съединитъ оно;
Здѣсь все противъ него враждой возбуждено.
Друзья его молчатъ, и кѣмъ онъ защитится?

Аменаида.

Своею славою! — Лишь долженъ здѣсь явиться,
Владыкой будетъ онъ; онъ всѣхъ плѣнитъ собой:
Смягчаетъ всѣ сердца страдающій герой.

Фани.

Опасенъ врагъ его.

Аменаида.

Разсѣй боязнь мечтаній
И не смущай моихъ ты твердыхъ ожиданій;
Ты не забудь, что мать въ послѣдній жизни часъ,
На смертномъ ужъ одрѣ благословила насъ;

Что мой съ тѣхъ поръ Танкредъ, что нѣтъ на свѣтѣ
власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти. —
Ахъ, въ нѣдрахъ славы съ нимъ, Византіи въ стѣнахъ
Тужили часто мы о скорбныхъ сихъ странахъ;
Съ нимъ часто жадный взоръ къ полямъ симъ обращали,
Къ полямъ, гдѣ обрѣсти блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтобъ здѣсь враждебный рокъ
Танкредова врага супругомъ дать мнѣ могъ?
И чтобъ сей врагъ принесъ — какъ даръ, мнѣ на терзанье,
Имъ похищенное Танкредово стяжанье?...
Нѣтъ — пусть увѣдаетъ онъ о злодѣйствахъ сихъ;
Пусть вспомнитъ о себѣ, о бѣдствіяхъ моихъ,
И защититъ права, нарушенны безбожно. —
Чтобъ за Танкреда мстить, я дѣлаю что должно;
Коль можнобъ — сдѣлала и болѣе сего!...
Люблю, страшусь отца и старость чту его.
Но я воздвиглабъ здѣсь стенящіе народы
На Орбассана, насъ лишившаго свободы.
Онъ славныхъ рыцарей почтенный санъ срамитъ:
Корыстенъ, гордъ, жестокъ, и онъ о чести мнитъ!
И вольности гражданъ покровомъ быть мечтаетъ!
Онъ стыдъ готовитъ мнѣ, а мой отецъ свершаетъ!
И я должна терпѣть? и я должна молчать?

Бракъ съ ненавистнымъ мнѣ должна я въ честь вмѣнять?..

Ахъ! въ вольномъ градѣ семъ тиранство такъ гонимо;
Но всѣхъ несноснѣе, и больше всѣхъ терпимо,
Хотящее сердцамъ законы подавать,
И силою своей ихъ чувства измѣнять.
Но жребій мой рѣшенъ.

ФАНИ.

Но ты предъ симъ страшилась.

АМЕНАИДА.

Я болѣ не страшусь.

ФАНИ.

Молва распространилась,
Что страшный изреченъ Танкреду приговоръ;
Онъ смертью всѣмъ грозитъ, ктобъ смѣлъ съ нимъ въ заговоръ...

АМЕНАИДА.

Я слышала о немъ, и ужасомъ смутилась;
Но вѣрная любовь, скажи, когда страшилась?
О Фани! мной любимъ безтрепетный герой;
Безтрепетна и я.

ФАНИ.

Ужель и надъ тобой
Жестокій сей законъ возможетъ совершиться?
Одной лишь черни въ страхъ онъ вѣрно возвѣстится.

Аменаида.

Танкреда онъ гнететъ, и ненавистенъ онъ!
О, сколь сихъ рыцарей достоинъ сей законъ!
Ахъ, нѣтъ! не такъ себя ихъ предки прославляли;
Не такъ они страны и души покоряли.
Италія, признавъ господство воевъ сихъ,
И ихъ меча страшась, любила кротость ихъ;
Завистная вражда ихъ душъ не помрачала,
И честь — сихъ витязей сердца соединяла.
Они вселяли страхъ въ однихъ своихъ враговъ;
Народъ любилъ ихъ власть, и лилъ на битвахъ кровь
Для славы рыцарей и собственной свободы.
Смирялися тогда Византскіе народы,
И Мавра грознаго не трепеталъ сей градъ.
А нынѣ что въ немъ зрю? безсильный лишь Сенатъ,
Подозрѣвающій, враждою раздѣленный,
Страшащій самъ себя, и гражданамъ презрѣнный.
Чрезмѣрно, можетъ быть, мой духъ воспламененъ;
Предубѣжденіемъ, быть можетъ, ослѣпленъ;
Но все что не Танкредъ — я все то ненавижу;
Я въ мірѣ ничего кромѣ его не вижу;
Танкредъ одинъ вездѣ, всегда въ моихъ очахъ,
И каждый врагъ его, Аменаидѣ врагъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аменаида, Фани, *вблизи* Аржиръ, и Рыцари *во глубинѣ театра.*

Аржиръ.

Ударъ сей перенесть, друзья, мнѣ дайте силу...
Не мнилъ я низойти съ безчестіемъ въ могилу!
Къ дочери, со вздохами, прерываемыми гнѣвомъ:
Бѣги, несчастная, не возмущай собой...
Бѣги —

Аменаида.

Что слышу я? и ты, родитель мой...?

Аржиръ.

И имя ты сіе произносить дерзаешь,
Когда отечеству и чести измѣняешь?

Аменаида, *сдѣлавъ шагъ, чтобы идти, склоняется на Фани:*

Погибла я!

Аржиръ.

Постой, и зри токъ слезъ моихъ.
Ахъ! что ты сдѣлала?

Аменаида, *рыдая:*

Несчастье обоихъ.

Аржиръ.

Иль слезы о твоемъ злодѣйствѣ проливаешь?

Аменаида.

Злодѣйства я чужда.

Аржиръ.

Письмо ты отвергаешь?

Аменаида.

Нѣтъ.

Аржиръ.

Такъ, черты сіи преступницу винятъ,
Изобличаютъ все и сердце мнѣ разятъ!
И такъ, все истинно? Ты отвѣчать не смѣешь?
Скажи, ахъ, нѣтъ! молчи, когда отца жалѣешь.
Почто до бѣдствій сихъ велѣлъ дожить мнѣ Богъ,
Велѣлъ мнѣ зрѣть... Ахъ! что ты сдѣлала?...

Аменаида.

Мой долгъ;
Ты совершилъ ли твой?

Аржиръ.

Ахъ, рода поношенье!
Или себѣ ты въ честь вмѣняешь преступленье?
Бѣги, оставь меня убитаго тоской;
Закроются глаза мнѣ чуждою рукой.

Аменаида, *почти лишенная чувствъ и поддерживаемая отъ Фани, уходитъ:*

Нѣтъ болѣ силъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Аржиръ и Рыцари.

Аржиръ.

Друзья, въ семъ страшномъ положеньи,
Какъ дочь обличена въ безчестномъ преступленьи,
Простите старцу вы его прискорбный стонъ:
Внемля отечеству, природѣ внемлетъ онъ.
Вы не потребуйте, чтобы отецъ стенящій
Въ вашъ грозный приговоръ вмѣшалъ свой гласъ
дрожащій.
Увы! не можетъ быть невинной дочь моя;
Но вдругъ произнести мой срамъ и смерть ея?..
Нѣтъ, нѣтъ, не требуйте, чтобы отецъ несчаст-
ный
Превыше силъ своихъ исполнилъ долгъ ужасный.

Лореданъ.

Почтеннаго отца мы горести дѣлимъ,
И тяжкихъ язвъ его въ душѣ не растравимъ. —
Но самъ, Аржиръ, ты зрѣлъ несчастной начертанье;
Зрѣлъ въ немъ преступное измѣнницы желанье.
Гонецъ захваченъ съ нимъ близъ стана самаго,
И дерзкій Соламиръ могъ видѣть казнь его.
Ихъ злые замыслы открыты слишкомъ были,
И явной гибелью отечеству грозили. —

Его опасность, долгъ, народа общій гласъ
Не суетныхъ угрозъ днесь требуютъ отъ насъ.
Отцовской жалости законы не внимаютъ;
Предъ ними все молчитъ.

АРЖИРЪ.

Чего они желаютъ,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ахъ! она мнѣ дочь — вотъ мой несчастный зять.
Я скорбію убитъ... вамъ жребій мой ввѣряю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РЫЦАРИ.

КАТАНЪ.

Уже повелѣно ей съ стражей здѣсь предстать.
Такъ, безъ сомнѣнія прискорбно намъ взирать
На юность, красоту, на дѣву толь почтенну,
Съ надеждой двухъ домовъ въ могилу заключенну. —
Но на безстрастный судъ, друзья, мы призваны.
За поруганіе мы вѣры мстить должны;

Отечество равно отмщенья ожидаетъ:
Измѣнница въ нашъ градъ злодѣя призываетъ!
Видали въ Греціи и женъ мы и гражданъ,
Что славы отложась и вѣры Христіянъ,
Передавалися невѣрнымъ Мусульманамъ,
Симъ алчнымъ хищникамъ, презрѣннымъ симъ тиранамъ;
Но чтобы дочь отца, почтеннаго всѣмъ намъ,
Для клятвъ супружескихъ вступая въ Божій храмъ,
Свершила заговоръ толь гнусный и презрѣнный!...
Неслыханнымъ нашъ градъ злодѣйствомъ посрамленный,
Къ примѣру вѣчному желаетъ казнь узрѣть.

ЛОРЕДАНЪ.

Стеня произнесу: ей должно умереть.
Чѣмъ родъ ея славнѣй, важнѣй тѣмъ злодѣянье.
Извѣстно Мавра намъ надменное мечтанье,
Любовь къ измѣнницѣ и даръ его — плѣнять,
Вселять развратъ въ сердца и взоры ослѣплять.
Къ нему относится въ письмѣ ея воззванье:
„Приди и царствуй здѣсь“. Преступное желанье
Намъ возвѣщаетъ ихъ открытый заговоръ;
О прочемъ умолчу, (*къ Орбассану*) скрывая твой позоръ,
И общій стыдъ. — И кто, всему въ безчестье граду,
Здѣсь кто изъ Рыцарей, по древнему обряду,

Отважится мечемъ измѣну защищать,
И презря чести долгъ, злодѣйство оправдать?

КАТАНЪ.

Обиду Орбассанъ мы всѣ дѣлимъ съ тобою,
И въ ратномъ полѣ мы ее омоемъ кровью.
Измѣной прерванъ бракъ; забудь преступный взоръ:
Не медля казнь ея отмститъ за твой позоръ.

ОРБАССАНЪ.

Ужасна казнь ея... Вѣрна, или невѣрна,
Я былъ ея женихъ... и грусть моя безмѣрна.
Но стражей вижу я — и вотъ сама она!
Темницѣ ведома въ мракъ, цѣпьми отягчена...
Позорище сіе мнѣ стыдъ и оскорбленье!
Друзья! оставьте съ ней меня.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РЫЦАРИ, *вблизи;* АМЕНАИДА, *вдали окруженная стражею.*

АМЕНАИДА.

О Провидѣнье!
Не оставляй меня ты въ часъ сей роковой.
Предметъ любви моей ты знаешь, Боже мой!
Виновнали я въ чемъ, мое ты сердце знаешь.

КАТАНЪ.

Преступницу сію еще ты зрѣть желаешь?

ОРБАССАНЪ.

Хочу.

КАТАНЪ.

Пойдемъ, друзья; но говоря ты съ ней,
Законы помни, честь и святость олтарей;
Они поруганы, и мести ожидаютъ.

ОРБАССАНЪ.

Все знаю; долгъ и честь мнѣ то напоминаютъ.

Къ стражамъ:

Вы, удалитеся.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АМЕНАИДА и ОРБАССАНЪ.

АМЕНАИДА.

Что смѣешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

ОРБАССАНЪ.

Не постыжу себя жестокостью такою. —
Супругой избрана была самимъ ты мною;

И, можетъ быть, любовь внушала выборъ сей.
Не знаю, помнитъ ли душа моя объ ней,
Или уже скорбитъ, что власть ея познала;
Но, я не потерплю, чтобъ честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрѣнъ Орбассанъ
Для нечестиваго владыки Мусульманъ,
Для вѣчнаго врага священной нашей вѣры —
Злодѣйства равнаго неслыханны примѣры!
Для чести сей страны, для собственной моей,
Я вѣрить не хочу ужасной вѣсти сей. —
Со дня сего тебѣ супругомъ нареченный,
Твоимъ безславіемъ самъ лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долгъ считаю мой.
Законы рыцарей опредѣляютъ бой,
Въ которомъ мощь руки *судъ Божій* (*) совершаетъ;
Въ немъ мечъ рѣшитъ, и онъ невинность возвращаетъ.
На бой сей я готовъ.

АМЕНАИДА.

Ты?

ОРБАССАНЪ.

Я одинъ, и льщусь,
Что послѣ подвига, къ которому стремлюсь,

(*) Сіи битвы называли судомъ Божіимъ.

Который честію предъ всѣми оправдится,
Принадлежавшее мнѣ сердце вновь потщится
Меня достойнымъ быть. Входить не стану я,
Была ли юная предъ симъ душа твоя
Коварнаго врага соблазнена прельщеньемъ,
Иль, ослѣпленная минутнымъ заблужденьемъ,
Противилася ты вступить во бракъ со мной.
Надъ благородною, чувствительной душой
Благотвореніе власть сильную имѣетъ;
Надъ добродѣтелью — одинъ упрекъ успѣетъ.
Не сомнѣваюся о чести я твоей;
Но мало мнѣ сего: отъ гордости ль моей,
Или то отъ любви, — хочу, по праву власти,
Увѣриться въ твоей нелицемѣрной страсти.
Клятвъ строгихъ требуютъ законы въ сихъ стра-
нахъ;
Я требую одной; не той, какую страхъ,
Иль принужденіе у слабыхъ исторгаютъ,
Что чувствамъ вопреки во храмахъ расточаютъ:
Ты прямо говори моей душѣ прямой.
Скажи, и мечъ въ рукѣ, и я готовъ на бой,
Готовъ на смерть — но съ тѣмъ, что я любимъ
тобою.

АМЕНАИДА.

Въ пучину бѣдствія низверглась я судьбою,
И къ ужасу едва приведена въ себя, —

Сей подвигъ доблестный, нежданный отъ тебя
Ударомъ душу мнѣ послѣднимъ поражаетъ,
И въ ждавшую меня могилу повергаетъ!
О рыцарь! — я должна тебя благодарить;
И въ часъ, когда во гробъ готова я ступить,
Въ послѣдній жизни часъ — тебя я почитаю.
Познай меня теперь: я сердце открываю.
Ни чести, ни странѣ не измѣняла я,
Ни самому тебѣ; я не была твоя.
Ты можешь упрекать душѣ моей смятенной
Неблагодарностью, но никогда измѣной. —
Я не могу тебя любить... Нѣтъ, сей цѣной
Защиты не куплю: я отвергаю бой.
Я знаю, что у васъ законы безпощадны,
Что казнь готовятъ мнѣ тираны кровожадны;
Суровой гордостью я не могу блистать,
Чтобы безъ ужаса смерть грозную встрѣчать.
Нѣтъ, жизнь любезна мнѣ... Въ семъ бѣдствіи ужас-
номъ
Я плачу о себѣ и объ отцѣ несчастномъ. —
Но и въ несчастіи, въ ужасной долѣ сей
Не обману тебя: не жди любви моей. —
Теперь кажуся я виновна предъ тобою;
Но знай, что я былабъ преступница душою,
Когда бы до того забыла долгъ и честь,
Чтобъ сердце въ даръ тебѣ рѣшилася принесть.

Ни женихомъ, прости, коль рѣчью оскорбляю,
Ни рыцаремъ моимъ тебя не избираю.
Вотъ мой отвѣтъ; суди — и честь свою отмщай.

Орбассанъ.

Я буду отомщать — отечественный край;
Презрѣніе жъ простивъ, а дерзость презирая,
Забуду ихъ. — И такъ, бой судный оставляя,
Предъ мной и предъ тобой чистъ въ совѣсти моей,
Отнынѣ становлюсь твоимъ лишь судіей,
Закону преданнымъ, равно какъ онъ, безстрастнымъ,
Ни сожалѣнію, ни гнѣву не причастнымъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида и стражи *вдали.*

Аменаида.

Теперь свершилось все... я жертвую собой!
О другъ единственный, о другъ несчастный мой!
Ты, для котораго я жизнью дорожила,
Я за тебя теперь свой приговоръ свершила!

Такъ, за тебя умру... Но тяжкій сей позоръ!
Но горестный отецъ, представшій вдругъ предъ взоръ!
Оковы, сонмъ убійцъ, орудья грозной казни!
Смерть страшную снести безъ трепетной боязни?
Мученье, вѣчный стыдъ?... Ахъ, мысль одна мертвитъ!
Нѣтъ! — за Танкреда смерть меня не постыдитъ.
Не наказать меня, но умертвить лишь можно.
Какъ? пасть въ глазахъ гражданъ преступницей мнѣ должно?...
Я вѣрной имъ была — и казнь несу отъ нихъ!
Но ахъ, въ невинности свидѣтелей другихъ
Не буду я имѣть кромѣ души невинной!

Ко входящей Фани:

Ахъ! гдѣ ты, гдѣ Танкредъ?... О другъ мой здѣсь единой,

Фани рыдая цѣлуетъ ея руки.

Еще позволено тебя мнѣ, Фани, зрѣть!

Фани.

Зачѣмъ я не могу здѣсь прежде умереть!

Аменаида. *Стражи приближаются.*

Чудовища идутъ насъ разлучить съ тобою! —
Скажи ты нѣкогда любимому герою

Съ какими чувствами я въ самый гробъ сошла;
Пусть знаетъ, Фани, онъ, вѣрна ли я была;
Скажи, какой меня постигнулъ рокъ ужасной:
Онъ, можетъ быть, слезу прольетъ о мнѣ несчастной!
О Фани! за него себя я предаю;
Но мыслію объ немъ смягчу я смерть мою.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ, *сопровождаемый двумя щитоносцами, которые несутъ его копье, щитъ и проч.* и Альдамонъ.

Танкредъ.

Для благородныхъ душъ мила страна родная!
Привѣтствую тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамонъ, другъ юности моей,
Тебѣ обязанъ я блаженствомъ жизни сей;
Твоимъ усердіемъ сюда я возвратился.
Какъ счастливъ сталъ Танкредъ! мой жребій измѣнился!
О другъ мой! сколь важна услуга мнѣ твоя —
Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.

Альдамонъ.

Ничтожную, Танкредъ, услугу выхваляешь,
И низкій жребій мой ты много возвышаешь;
Я гражданинъ простой, и счастливъ тѣмъ стократъ...

Танкредъ.

Я тоже что и ты: всякъ гражданинъ мой братъ.

Альдамонъ.

Два года при тебѣ я въ браняхъ подвизался,
И славѣ дѣлъ твоихъ два года удивлялся,
Смотря, какъ превышалъ ты праотцевъ своихъ;
Вотъ все достоинство услугъ и дѣлъ моихъ.
Въ почтенномъ домѣ мнѣ отцевъ твоихъ рожденный,
Воскормленный отъ нихъ, тебѣ препорученный,
Я должень...

Танкредъ.

Долженъ ты теперь мнѣ другомъ быть. —
Вотъ градъ, который я стремился защитить;
Вотъ градъ отеческій, вотъ стѣны тѣ святыя,
Гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, и въ дни мои младые
Изъ коихъ изгнанъ я! — О другъ, въ какихъ мѣстахъ
Живетъ Аржира дочь?

Альдамонъ.

Во древнихъ тѣхъ стѣнахъ;
Предъ ними пышный кровъ чертоговъ возвышенныхъ,
Гдѣ засѣдаетъ сонмъ тѣхъ рыцарей почтенныхъ,
Судей священный сонмъ, тотъ бодрственный Сенатъ,
Въ чьей длани жезлъ суда и мечъ на супостатъ.
Ихъ сонмъ вездѣ разилъ Магометанъ средь боя,

Коль не былъ бы лишенъ храбрѣйшаго героя.
Вотъ копья ихъ, щиты, ихъ надписи висятъ,
И пышностью своей народу говорятъ
Объ ихъ дѣяніяхъ, со славою свершенныхъ:
Не зрятъ лишь твоего межъ сихъ именъ почтен-
ныхъ.

ТАНКРЕДЪ.

Сокроемъ имя мы въ враждебныхъ сихъ стѣнахъ;
Извѣстно, можетъ быть, оно въ другихъ странахъ.

Къ щитоносцамъ:

Вы, знакъ мой съ именемъ повѣсьте истребленнымъ,
Чтобъ не былъ въ ярость онъ врагамъ моимъ пре-
зрѣннымъ;
Доспѣхи безъ убранствъ, знакъ горести моей,
Какими ихъ носилъ средь бранныхъ я полей,
Копье и щитъ простой и шлемъ неукрашенный
Повѣсьте, воины, на тѣ печальны стѣны.

Щитоносцы вѣшаютъ его оружіе на пустыхъ мѣстахъ между другими трофеями.

Но надпись на щитѣ храните, о друзья!
Въ ней все, что славно мнѣ, и все, въ чемъ жизнь моя!
Она всегда въ бояхъ мнѣ мужество вдыхала,
Она вездѣ мою надежду составляла;
Священны въ ней слова; онѣ — *Любовь и Честь.* —
Пришедшимъ рыцарямъ вы объявите вѣсть,
Что воинъ чуждый имъ, но имя сокрывая,

Пришелъ въ сей градъ, служипь въ ихъ воинствѣ пылая,
И славу ставипъ въ шомъ, чпобъ имъ лишь подражапь.

Къ Альдамону:

Кпо вождь ихъ?

АЛЬДАМОНЪ.

Трепій годъ ужъ началъ испекапь
Какъ ревностный Аржиръ.

ТАНКРЕДЪ, *въ сторону:*

Опецъ Аменаиды!

АЛЬДАМОНЪ.

Но долго рыцарь сей неправыя обиды
Опъ страшныхъ намъ досель его враговъ сносилъ.
Власпь должну наконецъ Сенапъ ему вручилъ;
Здѣсь имя чшупъ его и чеспь и важность сана;
За старостью жь его избрали Орбассана.

ТАНКРЕДЪ.

Танкредова врага! злодѣя моего!
Другъ, чпо еще дошло до слуха пвоего?
Скажи мнѣ, правдаль по, чпо рыцарь сей надменный
Незлобнаго опца прельспивши духъ смиренный,
Пріязни опъ него обѣпъ уже пріялъ?
Чпо и на дочь его взоръ дерзкій проспиралъ,
Чпо даже смѣлъ уже мечпапь о бракѣ съ нею?

Альдамонъ.

Вчера я пораженъ молвой противной сею;
Но находясь всегда при укрѣпленьи томъ,
Гдѣ мною встрѣченъ ты при вшествіи твоемъ,
Отъ града удаленъ, я болѣе не знаю,
Что дѣлалось въ стѣнахъ, которы презираю;
Онѣ ужасны мнѣ, ты въ нихъ гонимъ враждой.

Танкредъ.

О другъ, ввѣряюся тебѣ я всей душой!
Спѣши въ Аржировъ домъ, узри Аменаиду,
Скажи, что гражданинъ, невѣдомый по виду,
Усердьемъ движимый и къ чести дома ихъ
И къ имени ея, кто съ юныхъ дней своихъ
Ея почтенну мать, почтенный родъ ихъ знаетъ,
О тайномъ словѣ лишь молитъ ее дерзаетъ.

Альдамонъ.

Въ ихъ домѣ заслужилъ свободный я пріемъ;
Всѣхъ видятъ съ радостью, всѣхъ уважаютъ въ немъ,
Которые къ тебѣ осталися усердны.
Коль Небо помощь дастъ — мои успѣхи вѣрны.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ.

Поможетъ мнѣ оно; симъ Небомъ сохраненъ,
Симъ Небомъ я къ стопамъ любезной приведенъ.
Вездѣ, всегда готовъ щитъ Неба неизмѣнной
Для чести истинной и для любви священной.
Подъ нимъ я протекалъ станъ Мавровыхъ полковъ;
Сей щитъ и здѣсь меня покроетъ отъ враговъ. —
Отъ воинствъ Кесарскихъ, отъ Иллиріи дальной,
Къ любезной я спѣшилъ въ край родины печальной,
Неблагодарной мнѣ — но и въ судьбѣ сей злой,
Съ Аменаидою толико мнѣ драгой!
Порукой мнѣ была любовь Аменаиды,
Что сердце здѣсь мое не понесетъ обиды.
Пришелъ — другой готовъ здѣсь съ нею въ бракъ вступить!
Ужель она сама могла мнѣ измѣнить?
И кто сей Орбассанъ? и кто сей дерзновенный?
Какой здѣсь и когда имъ подвигъ совершенный
Такъ возгордилъ его, что требовать онъ смѣлъ
Награды — должной быть наградой славныхъ дѣлъ,
Заслуженной въ бояхъ и ранами и кровью,
И присужденной мнѣ хотя одною любовью.
Чтобы лишить ее, пусть врагъ мнѣ жизнь прервешъ;
Но вѣрность мнѣ она и въ самой гробъ снесетъ.

Не можетъ мой злодѣй господствовать надъ нею;
Душа ея во всемъ равна съ душой моею.
Аменаида! такъ, ты въ бѣдствіяхъ тверда,
Боязни, ужаса, невѣрности чужда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Танкредъ.

Ты былъ, ты зрѣлъ ее, о другъ стократъ счастливый!
Ахъ, предводи меня, мой взоръ нетерпѣливый...

Альдамонъ.

Не подходи, Танкредъ, къ ужаснымъ тѣмъ мѣстамъ.

Танкредъ.

Что слышу! по твоимъ что думать мнѣ словамъ?

Альдамонъ.

Что долженъ ты бѣжать отъ сихъ бреговъ несча-
стныхъ.
Послѣ содѣланныхъ въ сей день злодѣйствъ ужасныхъ
Здѣсь быть не возмогу — я, гражданинъ простой.

Танкредъ.

Какъ?

Альдамонъ.

Мужествомъ твоимъ служи странѣ иной:
Въ Царьградѣ честь тебя и слава ожидаетъ;
Но въ сихъ она мѣстахъ уже не обитаетъ.
Бѣги — сей градъ навѣкъ покрылъ позоръ и срамъ.

Танкредъ.

Я съ ужасомъ внемлю симъ нежданнымъ словамъ!
Что зрѣлъ, что слышалъ ты изъ устъ Аменаиды?

Альдамонъ.

Забудь, о рыцарь, ты смертельныя обиды;
Забудь...

Танкредъ.

Такъ Орбассанъ уже владѣетъ ей?
Гонитель злобный мой, отца ея злодѣй?

Альдамонъ.

Симъ утромъ отъ отца союзъ ихъ утвердился,
И пиръ погибельный въ стѣнахъ провозгласился...

Танкредъ.

И мнѣ весь ужасъ зрѣть предательства сего!

Альдамонъ.

Вся область древняго наслѣдства твоего
Дана имъ въ брачный даръ. Соперникъ твой презрѣнный
Похитилъ твой удѣлъ, отцами обрѣтенный.

Танкредъ.

Польстился подлый тѣмъ, что я въ ничто вмѣнялъ.

Но небо, и ея властителемъ онъ сталъ?
Аменаида...

Альдамонъ.

Ахъ! свирѣпою судьбою
Ударъ ужаснѣйшій свершенъ здѣсь надъ тобою.

Танкредъ.

Жестокій! перестань мнѣ душу раздирать,
Умолкни... Нѣтъ, вѣщай. —

Альдамонъ.

Чтобъ бракомъ сочетать
Аржира дочь съ твоимъ гонителемъ надменнымъ,
Уже возжгли огонь предъ олтаремъ священнымъ;
Но вдругъ открылося предательство ея:
То мало, что душа обманута твоя;
Невѣрной обоимъ нанесена вамъ рана.

Танкредъ.

О небо! для кого?

Альдамонъ.

Для чуждаго тирана,
Для злобнаго врага свободныхъ нашихъ странъ,
Для Соламира.

Танкредъ.

Какъ? невѣрный Мусульманъ,
Сей Мавръ!.. о ней вздыхалъ въ Царьградѣ онъ несчастной:
Но презрѣнъ ею былъ, но я любимъ былъ страстно.

Не будетъ отъ нее обѣтъ святой забытъ;
Толь сердца чистаго порокъ не осквернитъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

Альдамонъ.

И самъ я сомнѣвался;
Но страшный слухъ о семъ по стогнамъ всѣмъ раздался.

Танкредъ.

Постой — я клевету и зависть самъ позналъ.
Ахъ! честный человѣкъ гдѣ оныхъ избѣгалъ?
Съ младенчества гонимъ, въ напастяхъ возрастая,
И съ мужествомъ однимъ скитаясь въ край изъ края,
Я зрѣлъ, какъ зависти вездѣ шипятъ уста;
Я зрѣлъ отъ юныхъ лѣтъ, что мрачна клевета
Равно въ республикахъ, какъ въ царствахъ обитаетъ,
И изъ нечистыхъ устъ ядъ черный извергаетъ. —
Аржиръ, терзаемый здѣсь козньми ея,
Страдалъ подобно мнѣ. Коль не ошибся я,
Сіе чудовище гнѣздится въ здѣшнемъ градѣ,
И лютыхъ змѣй своихъ раститъ въ томъ смертномъ ядѣ,
Что въ плѣнныхъ имъ сердцахъ крамолы лишь родитъ.
Враждебны сонмища я знаю, что крушитъ:
Аменаида ихъ здѣсь терпитъ оскорбленья.
Хочу я зрѣть ее, вѣщать для убѣжденья —

АЛЬДАМОНЪ.

Остановись — сказать я долженъ обо всемъ :
Уже разлучена съ своимъ она отцемъ,
Уже въ цѣпяхъ —

ТАНКРЕДЪ.

Она : —

АЛЬДАМОНЪ.

И можетъ быть, ты вскорѣ
Ее увидишь здѣсь въ ужаснѣйшемъ позорѣ.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаиду !

АЛЬДАМОНЪ.

Ахъ, коль здѣсь таковъ законъ,
Жестокъ, несправедливъ, безчеловѣченъ онъ !
Здѣсь ропщутъ, плачутъ всѣ, но только плакать
смѣютъ.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаиду!... нѣтъ — повѣрь мнѣ, не успѣютъ ;
Нѣтъ — варварство сіе не будетъ свершено!

АЛЬДАМОНЪ.

Уже судилище толпой окруженно :
Чернь вопитъ на нее, преступной называя,
И къ виду грустному взоръ жадно устремляя,
Съ нетерпѣливостью и жалостью въ очахъ
Вокругъ темничныхъ стѣнъ волнуется въ толпахъ.
Чрезъ мигъ предстанутъ здѣсь —

Танкредъ.

Кто старецъ сей почтенный,
Который шествуетъ изъ храма толь смущенный?
И слуги грустные послѣдуютъ ему —

Альдамонъ.

Несчастнѣйшій Аржиръ...

Танкредъ.

Поди, и никому
Не говори о мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ *выходитъ со стороны*, Танкредъ *впереди*, Альдамонъ *вдали.*

Аржиръ.

О смерть, скончай мученье!

Танкредъ, *послѣ молчанія:*

Почтеннѣйшій Аржиръ!.. прости мнѣ дерновенье:
Ты знаешь рыцарей, которыхъ грозный сонмъ
Внесъ въ области Луны Господенъ крестъ и громъ,
Чтобъ лавры заслужитъ среди священныхъ боевъ:
Ты зришь всѣхъ меньшаго изъ тѣхъ великихъ воевъ.
Пришелъ я, — но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдругъ мои съ твоими я солью.

Аржиръ.

Одна твоя душа скорбѣть со мной дерзаетъ;
Здѣсь все меня бѣжитъ, или терзать желаетъ.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но съ кѣмъ я говорю?

Танкредъ.

Пришлецъ въ землѣ я сей,
Исполненный къ тебѣ и дружбой и почтеньемъ,
Трепещущій спросить, терзаемый сомнѣньемъ...
Несчастный, какъ и ты!.. Но для небесъ самихъ,
Еще ты разъ прости мнѣ дерзость словъ моихъ:
Какъ, правда ль, дочь твоя?

Аржиръ.

О правда безотрадна!...
Въ сей самый часъ ее постигнетъ казнь нещадна!

Танкредъ.

Она преступница?

Аржиръ, *задыхаясь отъ рыданія:*

Она — мой вѣчный срамъ!

Танкредъ.

Какъ, дочь сія?... Аржиръ, — по дальнымъ сторонамъ
Объ имени ея молвы я бывъ свидѣтель,
Считалъ, когда живетъ въ семъ мірѣ добродѣтель,
Аменаидина душа — есть храмъ ея.
Она преступница! правдива вѣсть сія?
О день, ужасный день!

Аржиръ.

Что болѣ ужасаетъ,
Что гробъ отверзло мнѣ, и духъ мой заставляетъ
Безъ утѣшенія въ могилу низходить,
Что дочь, въ злодѣйствѣ семъ, спокойной можетъ
быть. —
Увы! въ защиту ей никто здѣсь не явился;
Со стономъ приговоръ на смерть ея свершился;
И не зря на обрядъ старинный въ сихъ странахъ,
Чтобъ защищать сей полъ въ торжественныхъ
бояхъ,
Дочь злополучная въ сей мигъ на смерть изходитъ,
И рыцаря себѣ къ защитѣ не находитъ.
Вотъ что меня срамитъ, вотъ что меня гнететъ;
Все стонетъ, все молчитъ, никто не предстаетъ!

Танкредъ.

Предстанетъ, и страшись ты, старецъ, сомнѣваться.

Аржиръ.

Какой надеждою велишь ты мнѣ ласкаться?

Танкредъ.

Предстанетъ, — но не дочь твою чтобъ защитить:
Достойною сего она не можетъ быть:
Но за святую честь отцовъ ея почтенныхъ,
За славу добрыхъ дѣлъ, тобою совершенныхъ.

Аржиръ.

Ахъ! мой унылый духъ твой оживляетъ гласъ.

Но кто же явится на поприще за насъ?
Весь градъ сей въ ужасѣ, и кто меня спокоитъ?
Кто руку помощи подать мнѣ удостоитъ?
Не смѣю льститься тѣмъ... Кто станетъ въ битву?...

Танкредъ.

Я!
Я, говорю тебѣ; и коль рука моя
Отъ праведныхъ небесъ въ бою благословится;
Тогда въ признательность позволь мнѣ удалиться,
Ни дочери твоей не бывъ передъ лицемъ,
Ни открывая вамъ объ имени моемъ.

Аржиръ.

Ахъ! Богъ тебя къ намъ велъ спасительной рукою. —
Хоть чуждъ веселія, убитый я тоскою,
Но чувствую, что я отраднѣе дышу.
Ахъ! можно ли мнѣ знать, прости, когда спрошу,
Къ кому питаю я признательность, почтенье?
Все кажетъ мнѣ твое высокое рожденье:
Кого, кого въ тебѣ зрю?

Танкредъ.

Мстителя ты зришь.

*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Орбассанъ, Аржиръ, Танкредъ, Рыцари и Воины.

Орбассанъ.

Страна въ опасности. Аржиръ, ты такъ ли мнишь,
Чтобъ съ воинствомъ изъ стѣнъ мы завтра выходили?
Мы такъ рѣшили всѣ. — Тѣ, кои измѣнили,
Врагамъ перенесли прошедшій нашъ совѣтъ,
И Соламиръ на насъ полки свои ведетъ;
Мы сами встрѣтимъ ихъ. — Теперь, Аржиръ, скрѣпися;
Или отъ зрѣлища ты лучше удалися,
Печальнаго для насъ, позорнаго странѣ.

Аржиръ.

Довольно, Орбассанъ; теперь осталось мнѣ
Идти, и между васъ пасть мертвымъ среди боя.

Указывая на Танкреда:

Туда сведутъ меня стопы сего героя;
И я хоть тѣмъ свой родъ отъ срама свобожу,
Что за отечество главу мою сложу.

Орбассанъ.

Такія чувствія души твоей достойны.
Разсѣй въ послѣдній разъ враговъ толпы нестройны.

Но, прежде удались, и стогнъ оставь ты сей;
Здѣсь уготовленъ видъ не для твоихъ очей.
Подходятъ . . .

Аржиръ.

Боже мой!

Орбассанъ.

Отъ отческаго взора
Сокрой ты ужасы несноснаго позора.
Меня здѣсь держитъ санъ, и долгъ жестокій мой
Велитъ мнѣ воздержать волненье черни злой.
Законами ни въ чемъ небрежность нетерпима;
Ихъ сила грозная должна быть мной хранима.
Тебя жъ, кого сей долгъ ужасный не тягчитъ,
Что держитъ здѣсь, и кто тебѣ смотрѣть велитъ,
Какъ кровь виновная законами прольется?
Идутъ — ты удались

Танкредъ, *взявъ за руку Аржира:*

Нѣтъ, здѣсь онъ остается.

Орбассанъ, *осматривая его:*

Но ты — ты кто такой?

Танкредъ.

Твой врагъ и старцевъ другъ,
Отмститель можетъ быть, и тотъ, чьихъ здѣсь услугъ,
Равно какъ и твоихъ, отчизна ожидаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже; Аменаида, *въ цѣпяхъ, окруженная стражею;* Рыцари и Народъ, *наполняютъ площадь.*

Аржиръ, *Танкреду:*

Дай руку, рыцарь, мнѣ... мой духъ изнемогаетъ;
Сокрой меня отсель... Увы, вотъ дочь моя!

Танкредъ.

О недостойный видъ!

Аменаида.

Небесный Судія!
Ты все протекшее и будущее знаешь;
Одинъ ты справедливъ, ты въ помыслахъ читаешь;
Но мрачная толпа неправедныхъ людей
И судитъ и винитъ во слѣпотѣ очей. —
Граждане, рыцари, вы всѣ, чьей днесь рукою
Кровавый приговоръ свершался надо мною,
Не къ оправданію предстала я предъ васъ:
Небесный Судія пускай разсудитъ насъ. —
Безбожнаго суда орудій сонмъ надменный,
Такъ, мной поруганъ ты и твой законъ презрѣнный;
Законъ сей былъ свирѣпъ, и нестерпимъ онъ сталъ;
Такъ, оскорбленъ отецъ, меня онъ угнеталъ;
Поруганъ Орбассанъ, и нагло и кичливо
Мечтавшій сердцемъ симъ владѣть несправедливо.

Народъ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, но выслушай, познай мою напасть:
Кто къ Богу на отвѣтъ безъ трепета стремится,
Тотъ людямъ истины сказать не устрашится;
И ты, о мой отецъ! сей видя мой позоръ,

Увидя Танкреда:

Какъ могъ ты... Боже мой! кого встрѣчаетъ взоръ?
О Боже! — это онъ?... *Падаетъ безъ чувствъ.*

ТАНКРЕДЪ.

Ахъ! взоръ дерзнувъ простерти,
Упрекомъ сражена!... Постойте, слуги смерти,
Постойте, граждане, и отложите месть.
Защиту я беру, я оправдаю честь,
Сей дѣвы рыцарь я: отецъ ея почтенный,
И самъ равно, какъ дочь, ко смерти осужденный,
Въ покровъ невинности мой мечъ избрать почтилъ,
Чтобъ онъ въ моихъ рукахъ *Судъ Божій* совершилъ.
Вотъ храбрыхъ рыцарей священнѣйшіе правы.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, судіи, обрядъ намъ боевой.
О гордый Орбассанъ! — тебя зову на бой.
Ты знаменитъ, ты вождь, ты чтешься первый воинъ,
Такъ чести вызова, надѣюсь, ты достоинъ.
Иди предать свой духъ, или исторгнуть мой.

Смертельной битвы знакъ бросаю предъ тобой.

Бросаетъ перчатку.

Осмѣлишься ль поднять?

ОРБАССАНЪ.

Съ надменностью твоею

Не стоишь, чтобъ тебя почтилъ я честью сею:

Даетъ знакъ щитоносцамъ, чтобы подняли перчатку.

Честь дѣлаю себѣ; и сердца гласъ внушивъ,

И старца власть, тебя избравшаго, почтивъ,

Въ единоборство я хочу вступить съ тобою,

И наказать тебя за дерзость удостою.

Кто ты? какой твой санъ и имя? Сей твой щитъ

Не много о твоей намъ славѣ говоритъ.

ТАНКРЕДЪ.

Его прославить я сегодня уповаю;

Объ имени жъ моемъ — молчу, и такъ желаю;

Познаешь ты его съ оружіемъ въ рукахъ.

Пойдемъ.

ОРБАССАНЪ.

Да въ сей же мигъ на боевыхъ мѣстахъ

Ограду растворятъ. Аменаида болѣ

Не остается здѣсь подъ стражею доколѣ,

Пока ничтожный сей не совершится бой.

Съ Аменаиды снимаютъ оковы.

Друзья, мгновенно кругъ оставивъ боевой,

Иду, куда насъ Мавръ къ побѣдѣ призываетъ.

Честь поединщиковъ съ ихъ жизнью погибаетъ.
Одна прямая честь — отечеству служитъ.

Танкредъ.

Пойдемъ! — О рыцари, я смѣю возвѣстить,
Что принесетъ не онъ отечеству спасенье.

Аржиръ, *уводя съ Фани Аменаиду:*

О Боже, призри ты на старцево моленье! (*)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

(*) Слѣдующее за симъ Явленіе, никогда не играемое и на Французскихъ Театрахъ, въ переводѣ выпущено. Переводчикъ вообще осмѣлился опустить нѣкоторые стихи и сократить разговоры, которыми часто, какъ признали и Французскіе критики, охлаждается ходъ сей Трагедіи, писанной Вольтеромъ уже въ старости.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ, Лореданъ, и Рыцари.

Воинскій маршъ; передъ Танкредомъ несутъ его оружія и доспѣхи Орбассана.

Лореданъ.

Такъ, бой твой знаменитъ, но гибеленъ намъ былъ:
Избраннѣйшаго ты насъ рыцаря лишилъ,
Который къ родинѣ любовію былъ славенъ,
И мужествомъ своимъ съ тобою только равенъ;
Позволишь ли теперь узнать твой родъ, твой санъ?

Танкредъ, *въ мрачной задумчивости:*

Его со смертію позналъ лишь Орбассанъ,
И тайну и мой гнѣвъ сокрылъ съ собой въ могилу.
Оставь въ безвѣстности судьбу мою унылу;
Коль я полезенъ вамъ, нѣтъ нужды знать, кто я.

Лореданъ.

Да будетъ скрытою отъ насъ судьба твоя;
Но добродѣтели яви свои предъ нами

Полезнымъ мужествомъ и славными дѣлами.
Здѣсь вьютъ знамена враждебной намъ Луны;
Ты защити права и вѣру сей страны.
Надменный Соламиръ насъ вызываетъ къ бою:
Героя насъ лишивъ, ты замѣни собою;
Тебя ждетъ гордый Мавръ.

Танкредъ.

Даю я слово вамъ,
Предъ воинствомъ идти во срѣтенье врагамъ,
И слово то сдержу. Срацинъ вамъ ненавистный
Стократно меньше вашъ, чѣмъ мой есть врагъ завистный,
Непримиримый... но, ктобъ ни былъ онъ такой,
Иду я, и готовъ вступить съ нимъ въ новый бой.

Катанъ.

Ты многимъ насъ польстилъ, симъ мужествомъ пылая;
И самъ ты жди всѣхъ жертвъ признательнаго края,
Достойныхъ жди наградъ за мужество твое.

Танкредъ.

Здѣсь нѣтъ награды мнѣ; не требую ее,
И вовсе не пріиму; для жертвы воздаяній
Здѣсь нѣтъ того, въ чемъ зрѣлъ я верхъ моихъ желаній. —
Когда несчастнымъ я средь боя упаду,
Ни славы, ни наградъ, ни жалости не жду;

Я совершу мой долгъ; но тѣмъ однимъ ласкаюсь,
Что съ Соламиромъ я на битвѣ повстрѣчаюсь.

Лореданъ.

И въ томъ вся наша цѣль. Но время насъ зоветъ,
И съ нимъ единственный всѣхъ нашихъ душъ предметъ,
Побѣда. — Съ нами ты дѣлить ее идущій,
Всеобщей вѣстію познаешь часъ зовущій
Въ поля, гдѣ встрѣтить насъ мечтаетъ вождь враговъ.
Дружины всѣ кипятъ пролить невѣрныхъ кровь;
Да будетъ чуждо всѣмъ намъ чувствіе другое.
Умремъ, или спасемъ отечество драгое.

Уходятъ.

Танкредъ.

Достойно, или нѣтъ отечество того,
Но за него умру.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Алдамонъ, *въ сторону:*

Не вѣдаютъ его
Смертельной горести, въ душѣ имъ заключенной. —

Къ Танкреду:

Но ты, обидою и скорбью сокрушенной,
Исполнишь ли обрядъ, хранимый сей страной?
Явишься ль въ торжествѣ ты взорамъ дѣвы той,
Которой честь и жизнь возвращена тобою?
Представишь ли ты ей побѣдною рукою
Кровавой рыцаря сраженнаго доспѣхъ?

Т а н к р е д ъ.

Нѣтъ, не узрю ее.

А л ь д а м о н ъ.

Какъ, предъ очами всѣхъ
Для ней ты въ подвигъ сталъ, гдѣ смерть тебѣ грозила,
И отъ нее бѣжишь?

Т а н к р е д ъ.

Она то заслужила.

А л ь д а м о н ъ.

Я вижу, сколь ея ты раздраженъ виной;
Но въ оправданіе ты далъ кровавый бой.

Т а н к р е д ъ.

Все сдѣлалъ для нее, и мнѣ то сдѣлать должно.
Хоть вѣроломная, но зрѣть мнѣ не возможно,
Чтобъ въ гробъ она несла безчестіе свое.
Хоть меньше бъ я любилъ, оставитъ ли ее?
Я долженъ былъ спасти, измѣны жъ не прощаю.
Пускай живетъ она, и пусть я погибаю. —

Но нѣкогда о мнѣ восплачетъ и она,
О другѣ, коего навѣки лишена,
Чье сердце вѣрное такъ жестоко терзала...
О! до чего она меня уничижала!
И отъ нее ли могъ невѣрности я ждать?
Ахъ! существо небесъ мечталъ я обожать;
Считалъ, что самыхъ клятвъ и алтарей священныхъ
Святѣе рѣчь одна изъ устъ ея смиренныхъ...

Альдамонъ.

Иль вѣроломствъ однихъ страна сія полна?
Глава твоя въ позоръ была здѣсь предана;
Закономъ здѣсь гонимъ, любовью оскорбленный,
Оставъ, Танкредъ, сей край, злодѣйствомъ отяг-
ченный.
Иду съ тобой на брань, спѣшу навѣкъ отъ стѣнъ,
Отъ сей обители злодѣйства и измѣнъ.

Танкредъ.

Что за волшебство въ ней и въ самомъ преступленьи
Ту добродѣтель мнѣ живитъ въ воображеньи,
Которой образъ въ ней, мечтающій я зрѣлъ!
Ты, повелѣвшая, чтобъ я въ тотъ гробъ низшелъ,
Въ которомъ безъ меня сама былабъ ты зрима,
О вѣроломная... но все еще любима!
О ты, которою душа моя жила,
Ахъ, еслибъ быть могло, ахъ, еслибъ ты была,
То, чѣмъ казалася очамъ моимъ прельщеннымъ...

Нѣтъ — съ смертью призракъ сей лишь можетъ
быть забвеннымъ:
Но должно вознестись надъ слабостію сей;
Мнѣ должно... умереть, не думая объ ней.

Альдамонъ.

Но менѣе она винилася тобою.
Неправдой, ты вѣщалъ, и мрачной клеветою
Наполнена земля...

Танкредъ.

Ахъ! узнано о всемъ;
Все обнаружено въ ужасномъ дѣлѣ семъ:
Она своей красой прельстила Соламира;
Сей Мавръ ея руки просилъ залогомъ мира.
Дерзнулъ ли бъ онъ искать, любви ея не знавъ?
Взаимность ихъ была. Вотще я сердцу внявъ,
Сомнѣніе питалъ: и самъ ея родитель,
Нѣжнѣйшій сей отецъ... ея онъ обвинитель,
И дочь преступная винитъ себя сама:
Я зрѣлъ, я зрѣлъ слова ужаснаго письма:
„Будь повелителемъ надъ нашею страною,
„Надъ Сиракузами и надъ моей душою."
Мой жребій совершенъ!

Альдамонъ.

Но презритъ пусть герой
Неблагодарную съ толь низкою душой.

Танкредъ.

И къ ужасу, она гордиться тѣмъ дерзаетъ!
Мнитъ, что славнѣйшаго героя избираетъ!
Ахъ, мысль сія одна мою всю душу рветъ!
Срацинъ презрительный Италію гнететъ;
И безразсудный полъ, душою легковѣрный,
Сей полъ, въ ихъ областяхъ до рабства угнетенный,
Почтеньемъ пораженъ, которое родитъ
Завоевателей властолюбивый видъ,
Сердцами жертвуетъ тиранамъ ихъ гнетущимъ;
А намъ, защитѣ ихъ, для ихъ любви живущимъ,
У ногъ ихъ дышущимъ и гибнущимъ за нихъ,
Измѣной платитъ намъ для варваровъ своихъ!
Достанетъ гнѣва мнѣ въ обидѣ сей безмѣрной,
Чтобъ проклинать мнѣ жизнь и скрыться отъ невѣрной!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Танкредъ, Альдамонъ и многіе Рыцари.

Катанъ.

Всѣ рыцари сошлись, и время ихъ зоветъ.

Танкредъ.

Я здѣсь его терялъ; иду за вами вслѣдъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже, Аменаида и Фани.

Аменаида, *прибѣгая стремительно:*

Къ ногамъ твоимъ паду, о ангелъ мой хранитель!

Танкредъ отвращая лице, поднимаетъ ее.

Не унижаюсь симъ; и скорбный мой родитель
Колѣна ногъ твоихъ идетъ со мной обнять.
Священный образъ твой почто отъ насъ скрывать?
Кто правое мое осудитъ нетерпѣнье?
Мной старецъ упрежденъ... Но сердца восхищенье
И чувства всѣ излить могу ли предъ тобой?
Страшусь тебя назвать... Но видъ печаленъ твой?
Могу ли зрѣть тебя, въ мѣстахъ сихъ безотрадныхъ,
Не посреди убійцъ, на кровь мою толь жадныхъ?
Не отвѣчаешь ты... трепещетъ грудь моя...
Не смѣю говорить... увы! что вижу я —
Ты отвращаешь взоръ... не внемлешь что вѣщаю.

Танкредъ, *прерывающимся голосомъ:*

Поди... утѣшь отца; его я почитаю.
Другой, важнѣйшій долгъ отсель меня зоветъ.
Передъ тобой, предъ нимъ исполнилъ я обѣтъ,
И награжденъ... другой мзды сердце не желаетъ:
Признательность безъ мѣръ намъ тягостна бы-
ваетъ.

Освобождаю я навѣки васъ отъ ней...
И ты... располагать властна судьбой своей.
Будь счастлива... а я, я смерть найти желаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

АМЕНАИДА и ФАНИ.

АМЕНАИДА.

Жива ли я? на свѣтъ еще ли я взираю?
То правда ли, что жизнь мнѣ Небомъ отдана?
И изъ могилы я ужель извлечена?
О Фани, слышала ль ты приговоръ мой грозный,
Жестокій, яростный и болѣе поносный,
Чѣмъ тотъ, которымъ я на казнь осуждена!

ФАНИ.

И тѣмъ мнѣ и другимъ душа поражена.

АМЕНАИДА.

Танкредъ ли, небеса! здѣсь говорилъ со мною?
Ты зрѣла хладность ту и гордость ту, съ какою
Меня презрѣніемъ обременять онъ смѣлъ?
О Фани! на меня онъ съ ужасомъ смотрѣлъ.
Онъ спасъ мнѣ жизнь, чтобъ смерть лютѣй меня сразила!
За чтожъ, Танкредъ, и чѣмъ твой гнѣвъ я заслужила?

Фани.

Такъ, пламенный сей гнѣвъ сверкалъ въ его очахъ,
И прерывалася рѣчь хладная въ устахъ;
Онъ отвращалъ свой взоръ, но слезы сокрывая.

Аменаида.

Онъ бросилъ, онъ презрѣлъ, меня здѣсь посрамляя!
Чѣмъ страшная сія гроза возбуждена?
Чего онъ хочетъ? чѣмъ въ немъ ярость возжена?
Къ кому ревнивымъ быть онъ можетъ во вселен-
ной?...
Я славлюсь, я горжусь Танкредомъ быть спасен-
ной;
Такъ, онъ одинъ мнѣ все, онъ Богъ-хранитель мой;
Онъ жизнь мнѣ возвращалъ, самъ жертвуя собой;
Но я ту саму жизнь не за него ль теряла? —

Фани.

Быть можетъ, онъ не зналъ; быть можетъ, увлекала
Его всеобщая молва у насъ людей;
Кто и не вѣрющій не покорится ей?
Невольникъ, смерть его, несчастное посланье,
Сей Мавръ, его любовь и дерзкое мечтанье,
Все, самое тебя молчаніе винитъ,
Которымъ отъ враговъ Танкредъ тобой сокрытъ.
Чей взоръ сквозь мракъ сего покрова проницаетъ?
Но предразсудокъ въ немъ наружность осуждаетъ.

*

Аменаида.

Онъ осуждалъ меня!

Фани.

Коль слабъ онъ до того,
Вини любовь. —

Аменаида, *принявъ свою твердость и силу:*

Ни что не извинитъ его,
Хотябъ меня судилъ весь міръ сей ослѣпленный:
Великій человѣкъ, на судъ свой утвержденный,
И міру бъ цѣлому противостать посмѣлъ.
Такъ онъ меня спасать изъ жалости хотѣлъ?
О поруганіе!... тебя ль я ожидала?
Я, гибнувъ за него, съ отрадой умирала,
И онъ осмѣлился меня подозрѣвать!
Напрасно онъ всю жизнь прощенья будетъ ждать.
Такъ, не забуду я услуги имъ свершенной;
Она начертана въ душѣ имъ оскорбленной;
Но если онъ не могъ моей любви цѣнить,
Такъ самъ не можетъ онъ меня достоинъ быть.
Увы! изъ всѣхъ обидъ перенесенныхъ мною
Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Фани.

Но онъ еще не зналъ. —

Аменаида.

Меня онъ долженъ знать!
Онъ сердце долженъ былъ такое почитать;

Увѣренъ долженъ быть, что невозможно было,
Чтобъ сердце вѣкъ мое обѣту измѣнило.
Столь твердо и оно, какъ грудь его тверда,
Возвышенно, какъ духъ высокъ его всегда;
Но справедливѣе, чувствительнѣе болѣ. —
Я отвергаюся въ моей ужасной долѣ
Танкреда — и всего сообщества людей;
Они коварны, злы, всѣ съ слабою душей,
То обольстители, то жертвы обольщеній;
И ждущая въ тоскѣ конца моихъ мученій,
Танкреда, всѣхъ людей, весь свѣтъ забуду я.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аржиръ, Аменаида и Свита.

Аржиръ, *поддерживаемый щитоносцами;*

Престаньте обо мнѣ крушиться, о друзья,
И предводя меня на поприще вы боя,
Мнѣ дайте тамъ обнять почтеннаго героя.
Увидѣвъ Аменаиду:
Ахъ! кто, повѣдай мнѣ, твоихъ спаситель дней?

Аменаида, *погруженная въ горесть, склоненная одною рукою на Фани и не много обращенная къ отцу:*

Кто нѣкогда любви достоинъ былъ моей,
Герой, моимъ отцемъ въ семъ градѣ угнетенный,
Врагами изгнанный, священныхъ правъ лишенный,
Единственный предметъ посланья моего,
Послѣдня, славная вѣтвь рода своего,
Великій человѣкъ, увы! несправедливый;
И словомъ — онъ Танкредъ.

Аржиръ.

Что слышу несчастливый?

Аменаида.

Что въ грустной я душѣ скрыть болѣ не могла,
И трепеща о немъ, тебѣ передала.

Аржиръ.

Танкредъ!

Аменаида.

И кто другой мой былъ бы защититель?

Аржиръ.

Танкредъ, котораго Сенатъ нашъ былъ гонитель?

Аменаида.

Онъ самый.

Аржиръ.

И для насъ что онъ въ сей день свершилъ!
Отчизны, правъ, добра, всего лишенъ онъ былъ,

И самъ пришелъ за насъ онъ жертвовать собою!
Судьи несчастные, мы слабою рукою
Вѣсы и казни мечъ держа во слѣпотѣ,
Какъ легкомыслены и лживы мы въ судѣ!
Какъ гордой мудростью ведемся мы въ обманы!
Что сдѣлали мы съ нимъ, мы, злобные тираны? —

АМЕНАИДА.

Родитель, на тебя скорбѣть моглабъ и я ...
Но столько чувствуетъ вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустная страшится.
Упрекомъ симъ одинъ Танкредъ обременится.

АРЖИРЪ.

Какъ! тотъ, кѣмъ я живу? твои продлилъ кто дни?

АМЕНАИДА.

Уничижительны и тяжки мнѣ они!
Надежда вся въ тебѣ: дай зрѣть ихъ перемѣну;
Ахъ! оправдай мнѣ честь, тобою помраченну.
Кто Орбассана свергъ, тотъ жизнь мнѣ только спасъ;
Родитель, пусть меня твой оправдаетъ гласъ.

АРЖИРЪ.

Я долженъ и спѣшу —

АМЕНАИДА.

Я слѣдую съ тобою.

АРЖИРЪ.

Будь здѣсь ты.

АМЕНАИДА.

Мнѣ здѣсь быть? Нѣтъ, нѣтъ, иду я къ бою.
Я зрѣла смерть въ близи, ужаснѣйшую смерть!
На полѣ чести, вѣрь, ее отраднѣй зрѣть,
Чѣмъ на воздвигнутой отцемъ позорной плахѣ.
Не время, чтобъ меня ты отвергалъ во страхѣ:
Несчастіе даетъ мнѣ право надъ тобой.
Иль два раза меня отецъ покинетъ мой?

АРЖИРЪ.

Нѣтъ, болѣ надъ тобой я не имѣю власти;
Я самовластіемъ привелъ тебя къ напасти.
Но мысли страшныя питаешь въ сердцѣ ты;
Не изступленья ли то пылкія мечты?
Не здѣсь, въ другихъ странахъ иныхъ обыкновеній,
Вашъ полъ, воспитанный безъ скорбныхъ принуж-
деній,
Идетъ на брань, едва отъ воевъ отличёнъ;
Но непозволитъ здѣсь обычай и законъ —

АМЕНАИДА.

Какой законъ! какой обычай сей презрѣнный!
Знай, что мой духъ теперь надъ ними вознесенный,
Въ сей день, день ужаса и въ сей неправды часъ,
Пріемлетъ за законъ одинъ сердечный гласъ.
Какъ? будетъ вашъ законъ для варварскихъ заклатій
Лишь исторгать дѣтей изъ отческихъ объятій?
Онъ будетъ позволять, народа при глазахъ,

Влачитъ здѣсь дочь твою въ поноснѣйшихъ цѣпяхъ;
И не позволитъ онъ съ отцомъ идти мнѣ къ бою,
Чтобъ честь тамъ защищать мнѣ собственной
рукою?
И полъ нашъ, смертію казнимый въ сихъ странахъ,
Быть можетъ только зримъ однихъ убійцъ въ тол-
пахъ!
Тиранство наконецъ раждаетъ непокорство.
Трепещешь?... трепещи, когда твое потворство
Здѣсь собственнымъ врагамъ желая угождать,
Тебя принудило на смертнаго возстать,
Который жизнь терялъ, чтобъ дать намъ оправданье.
Вотъ чѣмъ ты самъ привелъ меня въ непослушанье...

Аржиръ.

Несчастнаго отца души не возмущай,
И правъ меня винить во зло не обращай.
Я чувствую вину; я самъ свой обвинитель;
Щади ты скорбь мою; и если твой родитель
Когда либо въ тебѣ дочь нѣжную имѣлъ,
Позволь, чтобъ я одинъ погибъ отъ вражьихъ
стрѣлъ.
Съ Танкредомъ, вѣрь ты мнѣ, врагъ вмѣстѣ насъ
повержетъ.

Къ свитѣ:

Храните вы ее.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АМЕНАИДА.

Здѣсь кто меня удержитъ?
О ты! который могъ вражду ко мнѣ питать,
Который мстивъ меня, дерзаешь презирать,
Танкредъ! передъ тобой хочу я стать для бою,
Всѣ тучи стрѣлъ въ тебя хочу сдержать собою,
Принять удары ихъ... и спасть главу твою;
Хочу тебѣ явить признательность мою:
Мстить смертію моей твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнѣвъ твой и кичливость:
Въ твоихъ объятіяхъ духъ испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой;
И въ сердцѣ страстномъ мной, тебѣ на сокрушенье,
Неисцѣлимое оставить угрызенье,
Терзанія по гробъ, безъ утѣшенья въ нихъ,
Весь ядъ моей любви, весь ужасъ мукъ моихъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рыцари, и ихъ щитоносцы *съ обнаженными мечами;*
Воины, *несущіе трофеи; вдали* народъ.

Лореданъ.

Побѣдную вы пѣснь, граждане, воспѣвайте,
И Бога браней всѣ во храмахъ ублажайте;
Побѣда наша въ немъ, и слава вся ему!
Народъ, воздай хвалу Поборнику сему:
Онъ стрѣлы сокрушилъ, разрушилъ онъ тѣ ковы,
Что ставили на насъ мучители суровы,
Поработители свободныхъ областей.
На трупахъ ихъ, народъ, воздвигни свой трофей,
И мертву ярость ихъ поправши вновь стопами,
Сокровищемъ Луны укрась Господни храмы.
Пускай Гишпанія, Италія въ цѣпяхъ,
Египетъ, Сирія, поверженныя въ прахъ,
Узрятъ, что могъ народъ за вольность ополченной,
Противъ тирановъ сихъ, колеблющихъ вселенной. —

Аржира мы теперь утѣшить поспѣшимъ,
И общей радостью печаль его смягчимъ.
О! если бы въ сей день, для Сиракузъ блаженный,
Обрѣлъ спокойствіе отецъ сей огорченный. —
Но гдѣ воитель тотъ, сей чуждый намъ герой,
Который, говорятъ, рѣшилъ нашъ славный бой?
Онъ съ сонмомъ рыцарей во градъ не возвращался.
Уже ли торжествомъ онъ самъ не восхищался?
Иль счелъ, что мы его завидуемъ дѣламъ?
Довольно славны мы, и зависть чужда намъ.
Иль Сиракузъ бѣжитъ, имъ жертвовавъ собою?

Къ Катану:

Катанъ, онъ долго велъ бой жаркій предъ тобою.
Почто, *желая* намъ побѣдой ускорить,
Всеобщей радости не хочетъ онъ дѣлить?

КАТАНЪ.

Склони вниманіе, узнаешь ты причину: —
Когда нашъ полкъ облегъ подъ Этною равнину,
И по хребту горы проходы замыкалъ,
Отъ васъ тогда вдали, близъ брега я стоялъ,
Гдѣ врагъ выдерживалъ всю нашу крѣпость боя.
Вдругъ рыцарь сей, я зрѣлъ, исторгнулся изъ строя.
Его прерывный гласъ, свирѣпое чело
Души отчаянье намъ ясно зрѣть дало. —
Онъ Соламира звалъ, вопль страшный испуская;
Аржира дочери онъ имя повторяя,

Невѣрной называлъ, и въ ярости своей,
Я видѣлъ — слезы лилъ изъ пламенныхъ очей.
На смерть кидался онъ, но невредимъ и страшенъ,
Чѣмъ болѣ въ сѣчу шелъ, тѣмъ болѣ былъ ужасенъ.
Предъ нами пало все, иль лучше — передъ нимъ.
Я съ войскомъ къ вамъ спѣшилъ, побѣдой предводимъ:
Безчувственъ къ славѣ онъ, съ главою преклоненной,
Безмолвенъ, горестенъ, и въ думы погруженной,
Вдругъ Альдамона, къ намъ спѣшившаго, зоветъ,
Объемлетъ, говоритъ и быстро въ даль идетъ,
Подобно какъ въ бою на сѣчу онъ бросался.
„Такъ, навсегда!" онъ рекъ. Смыслъ рѣчи оправдался:
Достойный памяти, великій рыцарь сей
Незнаемъ хочетъ быть средь нашихъ областей;
Но намъ не вѣдомы его печальны виды.
Въ сей мигъ услышавши я вопль Аменаиды,
Узрѣлъ бѣгущую въ воинственныхъ толпахъ:
Трепещуща, блѣдна, съ отчаяньемъ въ очахъ,
Къ герою вопія, стремится въ изступленьи.
Отецъ, за ней влачась, и удержа въ стремленьи,
Рыдающую дочь, рыдая, къ намъ ведетъ.
„Друзья, онъ возопилъ, герой сей — есть Танкредъ!
„Герой, дивящій насъ, великій сей воитель,
„Защитникъ Сиракузъ, Аменаиды мститель,
„Есть тотъ, кого въ сей день нашъ общій приговоръ
„Измѣнникомъ назвалъ и предалъ на позоръ;

„Есть тотъ, чье имя здѣсь закономъ поругалось."
О другъ! что думать намъ, что дѣлать намъ осталось?

Лоредан.

Раскаяться, вотъ все что остается намъ;
Не сознавать вины, злымъ свойственно сердцамъ.
Да устыдимся мы героя угнетая. —
Страдаетъ въ мірѣ семъ заслуга, честь прямая;
Но кто ихъ вѣдаетъ, тотъ долженъ ихъ почтить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рыцари, Аржиръ и Аменаида, *вдали поддерживаемая служительницами.*

Аржиръ, *входя съ поспѣшностію:*

Имъ должно помощь дать, ихъ должно защитить:
Танкредъ въ опасности, усердьемъ ослѣпленный;
Танкредъ напалъ одинъ на сонмъ враговъ спасенный,
Набѣгшій на него и въ битву ставшій съ нимъ.
О горе старцу мнѣ съ безсиліемъ моимъ!
Вы, коихъ мужеству не уступаетъ сила,
Чьихъ старость пламенныхъ сердецъ не охладила,
Спѣшите всѣ, друзья, къ защитѣ сей главы;
Невинной дочери спасите друга вы.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

О дочь, для насъ лучи надежды возсіяли;
Утѣшу ль я тебя, предавшуюсь печали?

Аменаида.

Утѣшусь я тогда, какъ будетъ здѣсь Танкредъ;
Какъ страха моего несчастный сей предметъ
Предстанетъ и спасенъ и справедливъ душою;
И скажешь ты, что онъ желаетъ предо мною
Раскаяньемъ стереть обиды мнѣ его.

Аржиръ.

Ахъ! тягостны онѣ для сердца твоего.
Но дочь моя: Танкредъ, изъ нашихъ стѣнъ изгнанный,
Теперь отъ всѣхъ почтенъ, и славою вѣнчанный,
Онъ самую тебя сей славой озарилъ;
Онъ зависть постыдя, торжественно открылъ,
Чрезмѣрностью услугъ, для насъ имъ совершенныхъ,
Чрезмѣрность клеветы враговъ его презрѣнныхъ.
Довольствуется чернь одинъ свой долгъ сверша;
Герою малъ сей трудъ; геройская душа
Надъ упованьемъ всѣхъ возвыситься желаетъ:
Такъ, общую Танкредъ надежду превышаетъ.

Онъ будетъ справедливъ, познавъ любовь твою.
Смягчился весь народъ, узря вину свою.
Танкредъ уже готовъ оставить подозрѣнье;
Чтобъ укротить его, разсѣять заблужденье
Лишь нужно слово —

АМЕНАИДА.

Но не сказано его.
Ахъ! что обиды мнѣ народа твоего,
И легковѣрная любовь и сожалѣнье,
И все его ко мнѣ ничтожное почтенье?
Во мнѣньи одного мою я ставлю честь;
И знай, что дочь твоя смерть легче можетъ снесть,
Чѣмъ мигъ прожить, его почтенія лишася.
Признаюсь наконецъ, и, можетъ быть, гордяся,
Что въ защитителѣ — люблю супруга я.
Обѣтъ нашъ приняла въ часъ смерти мать моя;
Намъ руки трепетной рукой соединила,
И закрывая взоръ, союзъ благословила.
Ея мы тѣнію, тобою, мой отецъ,
Передъ лицемъ Небесъ клялись въ любви сердецъ;
Клялися, чтобъ тебѣ быть въ радость, въ утѣшенье,
У ногъ твоихъ принять на бракъ благословенье —
Родитель... эшафотъ намъ былъ здѣсь алтаремъ!
И грустный мой женихъ, въ отчаяньи своемъ,
Со смертію одной желаетъ сочетаться;

А мнѣ однимъ стыдомъ осталося терзаться.
Вотъ жребій мой.

Аржиръ.

Разсѣй печальныя мечты;
Мы болѣ обрѣтемъ, чѣмъ ожидаешь ты.

Аменаида.

Страшусь всего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Восторгъ народа раздѣляйте,
И болѣ насъ сердца симъ чудомъ восхищайте:
Танкредъ, одинъ Танкредъ побѣду совершилъ,
Одинъ разсыпалъ онъ остатокъ вражьихъ силъ,
И въ жертву славную и вольности и мира
Танкредъ своей рукой сразилъ и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но болѣ за твою обиженную честь. —
Уже гремитъ молва, всѣ стогны наполняя;
Восторженный народъ, героя окружая,
Своимъ защитникомъ, спасителемъ зоветъ,
О тронѣ говоритъ, котораго Танкредъ

За добродѣтели, за подвиги достоинъ.
Ему сопутствовалъ одинъ усердный воинъ,
Подъ властію твоей служившій Альдамонъ.
Симъ ратникомъ однимъ герой былъ подкрѣплёнъ;
Сей ратникъ раздѣлялъ съ нимъ подвигъ безпри-
мѣрной,
Когда жъ сонмъ рыцарей въ опасности чрезмѣрной
Съ оружіемъ въ рукахъ на помощь имъ предсталъ,
Танкредъ ужъ бой рѣшилъ, Танкредъ торжество-
валъ. —
Вы слышите ль сей кликъ, его превозносящій?
Идите зрѣть народъ, во срѣтенье спѣшащій,
Чтобъ въ сонмахъ радостныхъ героя увѣнчать;
Иди зрѣть торжество и жертву воспринять,
Толь долго отъ него желанную тобою;
Все дышетъ счастіемъ и радостью одною,
Все мститъ за скорбь твою, весь градъ сей восхи-
щенъ;
Танкредъ твоей душѣ навѣки возвращенъ.

Аменаида.

Ахъ! оживаю я, и познаю веселье.
Родитель — воздадимъ Творцу благодаренье!
Такъ неожиданно Онъ все мнѣ возвратилъ;
Такъ щедро насъ за всѣ страданья наградилъ!
Въ сей мигъ, въ сей только мигъ я жить лишь на-
чинаю,

И сердца полнаго блаженство постигаю!
Я все хочу забыть; простите плачь вы мой,
Упреки, тщетный страхъ, рожденные тоской;
Граждане, рыцари, враждебные герою,
Падите всѣ предъ нимъ, онъ пасть идетъ предъ мною.

Аржиръ.

Благоволилъ Творецъ скончать нашъ плачь и стонъ.
Что вижу? къ намъ идетъ безстрашный Альдамонъ,
Танкреда подвиговъ одинъ свидѣтель вѣрный;
Вотъ онъ, вотъ воинъ тотъ, издавна мнѣ усердный,
И наше счастіе онъ вѣрно подтвердитъ.
Но не отъ язвъ ли онъ едва стопы влачитъ?
Ахъ, мраченъ видъ его, онъ скорби возвѣститель!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣже и Альдамонъ.

Аменаида.

Скажи, о Альдамонъ, Танкредъ ли побѣдитель?

Альдамонъ.

Онъ, безъ сомнѣнія.

Аменаида.

При кликахъ внятныхъ намъ,

При пѣсняхъ радостныхъ идетъ онъ къ симъ мѣстамъ?

Альдамонъ.

Ахъ! пѣсней гласъ на вопль премѣнится плачевный.

Аменаида.

Что слышу я!

Альдамонъ.

Сей день, навѣки незабвенный,
Увы! послѣдній день, въ которой жилъ Танкредъ.

Аменаида.

Онъ мертвъ!

Альдамонъ.

Взираетъ онъ еще на дневный свѣтъ,
Но отъ жестокихъ язвъ кончается съ мученьемъ.
Я къ вамъ предсталъ съ его ужаснымъ извѣщеньемъ,
Съ письмомъ симъ, кровію начертаннымъ его;
Въ немъ тайну онъ открылъ вамъ сердца своего.
Съ слезами тяжкое свершаю порученье.

Аржиръ.

О день отчаянья! о Неба пораженье!

Аменаида, *приходя въ себя:*

Подай мой приговоръ; предѣлъ моихъ онъ дней:
Пріятенъ онъ. — Танкредъ! о богъ судьбы моей!
Твой голосъ есть завѣтъ, мнѣ слѣдовать съ тобою?
Подай письмо — и смерть!

Альдамонъ.

Услугой роковою,
Мнѣ толь ужасною не оскорбися ты.

Аменаида.

О очи! зрите ль вы кровавыя черты?
Могу ль?... въ послѣдній разъ мнѣ укрѣпиться должно.

Читаетъ:

„Мнѣ пережить твоей измѣны не возможно.
„На битвѣ гибну я, но умерщвленъ тобой;
„Тебѣ, жестокая, я жертвуя собой,
„Желалъ бы сохранить честь съ жизнію твоею."
Что, мой отецъ! *Падаетъ на руки Фани.*

Аржиръ.

Увы! всей яростью своею
Неумолимый рокъ въ сей день насъ поразилъ!
Теперь онъ всѣхъ надеждъ и страха насъ лишилъ;
Ни ты уже, ни я стенать не можемъ болѣ.
Но дочь безцѣнная! влачу я жизнь доколѣ,
Пусть учитъ страшное раскаянье мое
Отечество, весь свѣтъ, какъ имя чтить твое.

Аменаида.

Что мнѣ въ почтеніи, всѣхъ радостей лишенной?
Что мнѣ въ отечествѣ и что во всей вселенной?
Онъ умираетъ!

Аржиръ.

Ахъ! терплю безмолвно я.

Аменаида.

И умираетъ онъ во гнѣвѣ на меня!
Сему виновникъ ты . . . Но пусть хоть въ часъ
онъ страшный . . .
Что вижу я? моихъ убійцъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лореданъ, Рыцари, Свита, Аменаида, Аржиръ, Фани, Альдамонъ, Танкредъ, *вдали несомый воинами.*

Лореданъ.

Аржиръ несчастный!
Несчастнѣйшая дочь! Къ вамъ принесенъ съ полей
Покрытый язвами великій рыцарь сей.
Кипящей яростью водимый онъ средь боя,
Желалъ лишь умереть, но смертію героя. —
Его драгая кровь, струившаясь рѣкой,
Отъ язвъ сдержалася усердною рукой;
Великая душа хоть смертію томилась,
Аменаиду зрѣть еще остановилась;

Ее онъ называлъ, и каждый слезы лилъ;
Свое смущенье скрыть я не имѣю силъ.

Между тѣмъ какъ онъ говоритъ, Танкреда медленно приносятъ къ Аменаидѣ, почти безчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро исторгается изъ рукъ ихъ, и съ ужасомъ обращается къ Лоредану:

АМЕНАИДА.

Оставьте, варвары, смущенья безполезны.

Подбѣгая къ Танкреду и бросаясь къ ногамъ его:

Танкредъ! о другъ души, жестокій и любезный!
Ты можешь ли твой слухъ въ послѣдній разъ склонить?
Ты можешь ли ко мнѣ взоръ темный обратить?
Взгляни, узнай меня, и мой удѣлъ ужасной,
Хоть въ гробѣ мѣсто мнѣ, супругѣ дай несчастной!
Она завидуетъ единой чести сей;
Безсмертный сей союзъ ты обѣщалъ для ней.
Не будь немилосердъ, не будь врагомъ ты другу;
Хоть взоромъ удостой невинную супругу...

Онъ взглядываетъ на нее.

Ужель въ послѣдній разъ взглянулъ ты на нее!...
Ужель совсѣмъ отвергъ и сердце ты мое?...
Ты могъ подозрѣвать?...

ТАНКРЕДЪ, *не много поднимаясь:*

Ахъ! ты мнѣ измѣнила.

АМЕНАИДА.

Кто! я? Танкредъ!

АРЖИРЪ, *бросившись къ ногамъ съ другой стороны, и обнявши Танкреда, потомъ вставая:*

Ахъ, нѣтъ! она тебя любила,
И за любовь къ тебѣ на казнь осуждена;
За вѣрность лишь къ тебѣ страдала здѣсь она.
Мы всѣ жестоки къ ней и предъ тобой виновны:
Законы, рыцари и нашъ Совѣтъ Верховный
Всѣ, всѣ преступны мы; невинна дочь моя;
Вооружило насъ одно письмо ея;
Письмо жъ сіе къ тебѣ, къ любимому герою;
А ты обманутъ былъ, обманутъ даже мною.

ТАНКРЕДЪ.

Аменаида... какъ! такъ я любимъ тобой?

АМЕНАИДА.

Достойна бъ я была позорной казни той,
Отъ коей здѣсь меня рука твоя спасала,
Когдабъ я мигъ одинъ тебя не обожала,
Когдабъ забыла я священный нашъ обѣтъ.

ТАНКРЕДЪ, *не много пришедши въ силы и возвыся голосъ:*

Любимъ я!... счастіе, превысшее всѣхъ бѣдъ!
Теперь объ жизни я скорблю — ее кончая;
Но смерть я заслужилъ, клеветникамъ внимая.

Ужасны дни мои... и ихъ свершенъ предѣлъ,
Какъ въ словѣ я твоемъ все счастіе обрѣлъ.

АМЕНАИДА.

И слово то сказать я время обрѣтаю
Лишь въ мигъ сей роковой, когда тебя теряю!
Танкредъ!

ТАНКРЕДЪ.

Оставь твой плачь; — теперь спокоенъ я.
Но разстаюсь съ тобой; печальна смерть моя!
Я чувствую ее... Внемли, Аржиръ почтенной:
Вотъ сей драгой предметъ моей любви священной,
Вотъ жертва скорбная злодѣйской клеветы
И подозрѣній всѣхъ. — Соедини же ты
Съ кровавой сей рукой ея дрожащу руку;
Мнѣ дай отраднѣе снести смертельну муку;
Съ супруга именемъ мнѣ дай во гробъ сойти;
Будь мнѣ отцемъ.

АРЖИРЪ, *принимая ихъ руки:*

О сынъ мой! да возможешь ты
Утѣшить жизнью насъ, супругою любимый...

ТАНКРЕДЪ.

Я жилъ, чтобы отмстить жену и край родимый;
И въ ихъ объятіяхъ умру достойнымъ ихъ,
Отъ нихъ любимъ... счастливъ въ желаніяхъ моихъ...
Аменаида... другъ!...

Аменаида, *быстро:*

Танкредъ!

Танкредъ.

Прости... страшися

За мною слѣдовать... и жить мнѣ поклянися.

Упадаетъ.

Катанъ.

Свершилось! — Плачутъ всѣ; но поздо онъ, увы!

Здѣсь узнанъ былъ.

Аменаида, *бросаясь на тѣло Танкреда:*

Онъ мертвъ!... какъ! плачете и вы?

Вы, тигры, вы, его изгнавшіе со свѣта!

Встаетъ и идетъ изступленная:

Да тартаръ васъ пожретъ, васъ всѣхъ убійцъ Танкреда,

И родину мою, и лютый вашъ законъ,

Который здѣсь съ мечемъ въ невинныхъ устремлёнъ!

Почто я не паду въ прахъ стѣнъ сихъ раздробленныхъ,

Межъ труповъ сихъ убійцъ, громами пораженныхъ!

Бросается на тѣло Танкреда:

Танкредъ, Танкредъ!

Встаетъ въ изступленіи:

Онъ мертвъ!... а зрю живыхъ я васъ?

Я слѣдую за нимъ... его я слышу гласъ..!

Зовешъ меня — зовешъ къ обишели онъ вѣчной —
Я осшавляю всѣхъ васъ мукѣ безконечной.

Упадаетъ на руки Фани.

Аржиръ.

О дочь!

Аменаида, *въ изступленіи отвергая его:*

Осшановись... Нѣшъ, шы мнѣ не ошецъ;
Ты чувсшва не имѣлъ ошеческихъ сердецъ:
Сообщникъ шы убійцъ... увы! чшо я вѣщаю?
Умру шебя любивъ... Танкредъ! — я умираю.

Упадаетъ близъ него.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

	Напечатано:	*Читай:*
Стр.	16, Стихъ 7: Зевсъ	Зевесъ
—	43, Строка 19: Литтерапттурахъ	Литтературахъ
—	171, Стихъ 1: пѣвцовъ, удѣлъ!	пѣвцовъ удѣлъ!
—	222, Стихъ 13: въ Россіѣ	въ Россіи
—	256, Строка 5: въ то сремя	въ то время
—	320, Стихъ 8: дерновенье	дерзновенье

Bayerische
Staatsbibliothek
München

13 –

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gnedič, Nikolaj Ivanovič,

Stichotvorenija

Sanktpeterburg 1832

P.o.russ. 63 q

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610094-7